

"Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе"

(фрагмент)

М., "Наука", 1993

Введение

Дать точную оценку значимости событий, происходящих в настоящее время — задача исключительно сложная, тем более что наши суждения по поводу этих событий рискуют оказаться излишне субъективными. Я прекрасно осознаю меру опасности, которой я подвергаю сам себя, берясь сообщить свое мнение о некоторых ставших известными в последнее время фактах, с моей точки зрения — весьма важных и весомых. Речь идет о получивших всемирное распространение слухах по поводу появления в нашей тропосфере и стратосфере тел округлой формы, известных под названием "неопознанных летающих объектов" ("летающих тарелок", "дисков" или "блюдец").

Эти слухи, да и сама проблема возможного физического существования связанных с ними летающих объектов, кажутся мне настолько важными, что я считаю своим долгом забить тревогу. Конечно, я хорошо знаю, что мой голос ныне, так же, как и в прежние времена, слишком слаб, чтобы быть услышанным широкими массами людей. Впрочем, я на это и не претендую: мною движет прежде всего моя совесть врача, которая заставляет меня обратиться к тем немногим, кто захочет меня выслушать, и предупредить их о необходимости подготовиться к событиям, знаменующим собой конец целого эона*, конец одной из великих эпох мировой истории.

*Эон — согласно позднейантичным мифологическим представлениям — обширный отрезок космического

История древнего Египта уже научила нас тому, что к концу каждого "платонического месяца"* и к началу следующего дают о себе знать явления психической трансформации. По всей видимости, здесь речь идет об изменениях, которые затрагивают совокупность действующих психических доминант, архетипов, "богов", и вызывают или сопровождают любые эпохальные модификации коллективной психической субстанции. Сходные изменения происходили и в исторический период, оставив свой след в преданиях — во-первых, при переходе от эры Тельца к эре Овна, а в дальнейшем при смене эры Овна эрой Рыб, начало которой совпало с рождением христианства. Ныне мы приближаемся к великому преобразованию, ожидаемому в момент вхождения точки весеннего равноденствия в область Водолея.

*период между сменой знаков весеннего равноденствия — 2160 лет. — Ред.

С моей стороны было бы неразумно утаивать от читателя, что подобные рассуждения не только крайне непопулярны, но и способны вызвать к себе самое отрицательное отношение, поскольку они слишком похожи на тот смутный бред, который затуманивает мозги преобразователей мира и истолкователей "знаков и знамений". Тем не менее я готов рискнуть своей репутацией человека лояльного, заслуживающего доверия и способного мыслить научно — репутацией, заработанной в результате долгой карьеры, богатой трудами и борьбой. Мои читатели могут быть уверены: я принимаю это решение с тяжелым сердцем. Откровенно говоря, меня глубоко заботит судьба всех тех, кто будет застигнут врасплох ходом событий и, не имея необходимой подготовки, окажется связанным по рукам и ногам и лишенным способности понять что-либо. Насколько мне известно, никто еще не задавался вопросом о том, какими могут быть психологические последствия преобразований, которые ждут нас впереди. Вот почему я считаю своим долгом в меру собственных возможностей попытаться их обрисовать. Итак, я берусь за выполнение этой неблагодарной задачи, сознавая, что мой резец рискует

соскользнуть с того твердого камня, который ему предстоит обработать.

В небольшой статье, напечатанной недавно в "Вельтво-хе", я уже высказался о природе летающих тарелок. Мои выводы совпали с теми, которые приведены в опубликованном несколько позднее полуофициальном докладе Эдуарда Дж. Раппелта, бывшего руководителя учреждения, занимающегося в США неопознанными летающими объектами. Выводы эти сводятся к следующему: люди видят нечто, но что это — неизвестно. Необычайно трудно если не сказать невозможно — составить сколько-нибудь ясное представление об этих объектах, ибо они ведут себя не как материальные тела, а как невесомые мысли. До сих пор никому не удалось неопровержимо доказать факт физического существования летающих тарелок — если не считать случаев, когда радарам удавалось зарегистрировать их эхо. Впрочем, о степени достоверности подобных наблюдений с помощью радаров я справился у специалиста в данной области, профессора электроники Принстонского университета и Мюнхенской Вьющей Политехнической школы Макса Кнопля. Его пояснения не прибавили особой уверенности. Тем не менее, по-видимому, засвидетельствованы случаи, когда визуальное наблюдение подтверждается эхом, одновременно зарегистрированным с помощью радара.

Проблема физического существования летающих тарелок обсуждается вот уже около десяти лет, однако ни положительного, ни отрицательного ответа пока нет — несмотря на значительный объем накопленного за это время экспериментального материала. Продолжающееся отсутствие определенности только усиливает уверенность в том, что данное явление — несомненно, отличающееся большой сложностью, — наряду с возможной физической основой содержит и принципиально важный компонент психической природы. В этом нет ничего удивительного, поскольку речь идет о феномене, встречающемся достаточно часто и характеризующемся странностью, непривычностью, недоступностью познанию и противоречивостью физической, природы. Такой объект благодаря своей неопределенности и даже мимолетности очень легко может вызвать как сознательную игру

воображения, так и бессознательные видения. Первая порождает предположения и спекуляции, а также фантастические, не соответствующие истине рассказы, тогда как вторые обеспечивают мифологический фон, неотделимый от столь возбуждающих наблюдений.

Таким образом, сама по себе возникает ситуация, в которой при всем желании невозможно определить — имеем ли мы дело с иллюзиями, порожденными некоторым первичным восприятием, или наоборот, первичны сами эти фантастические образы, рожденные в сфере бессознательного и захватившие сознание, наполнив его миражами и призраками. Материалы, с которыми мне удалось ознакомиться в течение последнего десятилетия, свидетельствуют, что обе точки зрения имеют право на существование: в одном случае явление, принадлежащее объективному миру, то есть имеющее физическую природу, служит импульсом для возникновения мифа, выступающего впредь в качестве его сопровождения; в другом случае архетип сам порождает соответствующее видение. К этим отношениям причинности следует добавить еще одну, третью возможность, а именно — синхронное совпадение, не связанное с причинностью, но полное смысла; совпадения подобного рода неизменно занимают умы со времен Гейлинкса, Лейбница и Шопенгауэра. [Арнольд Гейлинкс — фламандский философ (1624-1669), приверженец концепции взаимной независимости телесной и душевной субстанций, согласно которой кажущиеся случаи их взаимодействия обусловлены не природными, причинными связями, а непосредственным вмешательством божественной силы]. Эта последняя точка зрения особенно подходит к явлениям, исследуемым в настоящей работе, так как они связаны с некоторыми психическими процессами архетипической природы. Будучи психо"-логом, я не имею возможности квалифицированно участвовать в решении вопроса о физическом существовании летающих тарелок. Я могу лишь сосредоточиться на психологическом аспекте, который, несомненно, присущ данному феномену; поэтому в дальнейшем я ограничусь главным образом именно теми его гранями, которые имеют отношение к психологии.

I. НЛО как предмет слухов

Рассказы о НЛО отличаются не только полной неправдоподобностью, но и явным несоответствием общим законам физики. Поэтому в отношении данного феномена естественной кажется отрицательная реакция — простое, однозначное неприятие. Каждый человек имеет право полагать, что речь идет не более чем о миражах, выдумке, лжи. Считается, что те, кто рассказывает о подобных явлениях (пилоты, наземный обслуживающий персонал), несколько "не в себе". Более того — рассказы эти приходят к нам из Америки, страны неслыханных возможностей и научной фантастики.

В соответствии с подобной естественной, скептической реакцией мы вначале рассмотрим рассказы о НЛО с точки зрения отношения к ним как к простым слухам, и попытаемся извлечь из этих проявлений, психической деятельности все выводы, возможные в результате использования нашего аналитического метода.

Мы воспринимаем сообщения о НЛО прежде всего как некое повествование, многократно пересказываемое и повторяемое в самых разных регионах земного шара. Повествование это, однако, существенно отличается от обычных слухов тем, что по степени своей выразительности оно приближается к видениям (я предпочитаю термин "видение", а не "галлюцинация", поскольку последний слишком явно связан с патологическими проявлениями; феномен "видения", напротив, характерен не только для болезненных состояний); возможно даже, что оно целиком состоит из видений или поддерживается ими. Этот сравнительно редкий вид слухов я называю визионерскими слухами. Они родственны коллективным видениям, таким, как видения крестоносцев во время осады Иерусалима, видения защитников Монса* во время Первой мировой войны, видения толп верующих в Фатиме, видения пограничников центральной Швейцарии во время Второй мировой войны и т. д. Помимо коллективных видений подобного рода известны случаи, когда отдельные люди видят предметы, не существующие в природе. Так, в свое

время я присутствовал на спиритическом сеансе, в течение которого четверо из пяти участников видели небольшой, напоминающий луну предмет, который парил на уровне груди медиума. Мне, пятому участнику сеанса, они показали место, где это происходило, и были поражены, когда я сказал, что ничего не заметил. Я знаю еще три случая, когда люди (в двух случаях — двое, в одном случае — один наблюдатель) видели некие объекты во всех деталях, и лишь впоследствии удавалось доказать, что объектов этих на деле не существовало. Я сам был свидетелем двух случаев из трех.

*Монс — город в Бельгии, оккупированный немцами в 1914 году. Фатима — селение в Португалии; с 1917 года, когда трем малолетним местным жителям явилась во плоти Дева Мария — место массовых паломничеств

Говорят, что двоих свидетелей достаточно, чтобы удостоверить истину. По-видимому, в подавляющем большинстве случаев это мнение оправдывается, но иногда его все же приходится признать ошибочным. Бывает также, что человек в здравом уме, отвечающий за свои слова и поступки, замечает вещи, которых в действительности не существует. Я затрудняюсь дать объяснение явлениям подобного рода. Возможно, они встречаются чаще, чем кажется, ибо, как правило, людям не свойственно подвергать проверке то, что они видят "собственными глазами", и поэтому они так и не получают точных доказательств мнимости увиденного.

Я упоминаю все эти имеющие скорее косвенное отношение к нашей теме возможности потому, что не следует пренебрегать ни одним из аспектов, говоря о столь необычной и исключительной проблеме — неопознанных летающих объектах.

Основным условием возникновения визионерских слухов является наличие некоего неординарного эмоционального состояния — в отличие от слухов обычного типа, для порождения и распространения которых достаточно любопытства и незатухающей жажды сенсаций. Видение, достигающее степени обмана чувств, нуждается в более

сильном импульсе, восходящем к более глубокому источнику.

"Прелюдией" к НЛО стали таинственные летающие снаряды в небе над Швецией, о которых заговорили в последние годы Второй мировой войны (многие считают, что снаряды эти были изобретены и изготовлены русскими), а также сообщения об "огненных истребителях" ("foo-fighters"; слово too представляет собой искаженное французское feu, "огонь") — особом свечении, сопровождавшем бомбардировщики союзников в их полетах над Германией. Затем появились рассказы о летающих тарелках над США, будто извлеченные из приключенческих романов. Невозможность обнаружить земной источник этих летательных аппаратов и неспособность понять и объяснить их физические свойства очень скоро привели к тому, что им стали приписывать внеземное происхождение. В этой своей разновидности слухи оказались родственны психологическому феномену "большой паники", разразившейся в Нью-Джерси перед началом Второй мировой войны, когда радиопостановка рассказа Г. Уэллса о вторжении марсиан в Нью-Йорк вызвала настоящее массовое бегство с многочисленными дорожными происшествиями. Очевидно, эта передача затронула скрытые чувства слушателей, связанные с угрозой неминуемой войны.

Тема вторжения из-за пределов Земли была подхвачена и освоена молвой, и НЛО стали восприниматься и трактоваться как аппараты, пилотируемые разумными существами внеземного происхождения. Поведение этих "самолетов" — по всей видимости невесомых, — и их продуманные, управляемые движения были отнесены на счет более высокого уровня познаний и технической мощи, свойственного пришельцам из космоса. Поскольку они не причиняли никакого вреда и воздерживались от любых враждебных действий, возникло предположение, что их появление в земной атмосфере обусловлено любознательностью, желанием понаблюдать. Казалось, впрочем, что аэродромы, а особенно атомные центры, обладали для них особой привлекательностью; отсюда был сделан вывод, что опасное развитие атомной физики, главным образом в области исследований по расщеплению

ядра, вызвало определенное беспокойство у обитателей соседних планет и побудило их тщательно проинспектировать Землю сверху. Возникло ощущение, что за людьми следят из космоса. Молва удостоилась даже официального внимания: в США, при военном ведомстве, было создано специальное учреждение, занятое регистрацией, анализом, классификацией и обработкой собранных наблюдений. Похоже, аналогичным образом дело обстояло и в других странах, таких, как Франция, Италия, Швеция и Великобритания.

Новости о НЛО стали постепенно исчезать из периодической печати в течение года после публикации отчета Эдуарда Дж. Раппелта. По-видимому, эти новости перестали восприниматься как сенсационные. Но недавнее сообщение в прессе о предложении, одного американского адмирала основать во всех странах клубы по сбору и добросовестному расследованию информации, касающейся НЛО, показывает, что интерес к ним не угас, а число наблюдений, по-видимому, не уменьшилось.

Вообще говоря, молва утверждает, что НЛО имеют чечевицеобразную или продолговатую форму, или форму сигары; что они сверкают разными цветами (особого упоминания заслуживают светящиеся зеленые шары, которые часто появляются над юго-западными районами США) или отливают металлом; что в полете они достигают скорости 15000 км/час, хотя способны также висеть совершенно неподвижно; наконец, что их ускорение настолько огромно, что любое человеческое существо было бы уничтожено, окажись оно внутри такого летательного аппарата. Траектория полета НЛО указывает на их неподвластность действию силы тяжести: она слегка напоминает траекторию полета насекомого. Как и насекомые, НЛО время от времени более или менее надолго останавливается над каким-нибудь интересным объектом или медленно облетает его, как бы из любопытства; затем НЛО так же внезапно и стремительно покидает его и продолжает лететь зигзагами, обнаруживая на своём пути новые интересные объекты. Таким образом, НЛО невозможно спутать ни с метеорами, ни с явлениями отражения, связанными с инверсией температур в смежных слоях воздуха.

Представление о том, что НЛО проявляют особый интерес к аэродромам и промышленным предприятиям, связанным с расщеплением атомного ядра, подтверждается не всегда, так как их удавалось наблюдать также над Антарктикой, над Сахарой, над Гималаями. Тем не менее они явно предпочитают Соединенные Штаты. Впрочем, последние сообщения показывают, что и в небе над Старым Светом, равно как и над Дальним Востоком, они не так уж редки. Неизвестно что именно они ищут и за чем именно стремятся наблюдать. Кажется, что наши самолеты возбуждают их любопытство, ибо очень часто они направляются им навстречу или следуют за ними, однако при приближении самолета они улетают прочь. Трудно понять, лежит ли в основе их полетов какой-либо план или порядок. По своему поведению они напоминают группы туристов, планирующих без особой цели, рассеянно разглядывающих достопримечательности, время от времени останавливающихся; часто они без видимой причины взмывают на огромную высоту или начинают выделять акробатические номера перед носом изумленных пилотов. Иногда они кажутся очень крупными — до 500 метров в диаметре; иногда же они едва достигают размеров небольшого светильника. Предполагается, что существуют летательные аппараты-"матки", из которых появляются и в которых прячутся многочисленные мелкие тарелки. По мнению одних, НЛО пилотируются экипажами; другие считают, что экипажей внутри них нет, а управление движением осуществляется на расстоянии.

Молва утверждает, что существа внутри НЛО похожи на людей и достигают в высоту трех футов; по другой версии они не обнаруживают с людьми никакого сходства. Есть сообщения о гигантах ростом в 15 футов. Существа эти, по-видимому, очень осторожны в своих попытках ориентироваться на земной поверхности и избегают контактов с людьми; впрочем, иногда они откровенно выслеживают подходящие места для приземления с целью обеспечить насильственное переселение на Землю инопланетной популяции, испытывающей какие-то трудности. Плохое знание природных условий Земли и страх перед неизвестными инфекциями заставляют их избегать непосредственных встреч или даже попыток приземления, — хотя они и обладают страшным оружием, способным

уничтожить человечество. Наряду с явно более высоким, чем у людей, уровнем техники, им приписываются величайшие мудрость и доброта, благодаря которым они могли бы сыграть роль спасителей рода человеческого. Впрочем, некоторые рассказывают, будто НЛО все-таки садятся на Землю; маленькие существа обнаруживались в непосредственной близости от людей и однажды даже пытались похитить человека. Такой заслуживающий доверия человек, как Кэйхоу, полагает, что именно огромные НЛО поглотили в окрестностях Багамских островов* эскадрилью из пяти военных самолетов и большой гидросамолет.

*Точнее было бы говорить не о Багамских, а о Бермудских островах: речь идет о знаменитом "Бермудском треугольнике"

Волосы встают дыбом, когда знакомишься с подобными рассказами, в подтверждение которых приводятся документальные свидетельства. Имея в виду широко признанную возможность обнаруживать НЛО с помощью радаров, следует согласиться, что все изложенное похоже на "научно-фантастический рассказ" чистой воды. Любой человек, гордящийся своим здравым смыслом, не может воспринять это иначе, как вызов. Я не вижу необходимости приводить здесь различные объяснения, связанные со всеми этими слухами.

Случилось так, что в период моей работы над настоящей книгой две ведущие американские газеты почти одновременно опубликовали статьи, по которым можно составить ясное представление о современном состоянии проблемы. Одна из этих статей — отчет о последней встрече с НЛО, записанный со слов летчика, чей самолет с сорока четырьмя пассажирами на борту пролетал над океаном недалеко от Пуэрто-Рико. Он увидел "огненный предмет округлой формы, светящийся зеленовато-беловатым светом", который приближался с правой стороны, развив огромную скорость. Вначале пилоту показалось, что это реактивный самолет, но потом он заметил, что предмет этот необычен и ни на что известное не похож. Избегая столкновения, пилот энергично набрал высоту, причем сделал это настолько резко, что пассажиры попадали друг на друга; четверо были ранены, и их пришлось госпитализировать. То же видение явилось семи другим

самолетам, находившимся в той же зоне в радиусе примерно пятисот километров. Во второй статье, озаглавленной "Американский эксперт полагает, что летающих тарелок не существует", приводится категорическое суждение доктора Хью Л. Драйдена, директора Национального консультативного комитета по аэронавтике. Нельзя не почувствовать уважения к непоколебимому скептицизму Драйдена: он как нельзя лучше подтверждает ощущение, что эти нелепые слухи унижают достоинство всего человеческого рода.

Закрывая глаза на некоторые подробности, мы можем присоединиться к мнению разумного большинства, глашатаем которого является Драйден, и оценить тысячи сообщений о НЛО, вместе со всем сопутствующим этим сообщениям словесным мусором, как род визионерских слухов. Единственное, что от них остается — это масса (впрочем, весьма впечатляющая) ложных наблюдений и выводов, в которых' проецируются субъекти' ные психические предпосылки.

Но коль скоро речь зашла о психологической проекции, должны существовать обуславливающие ее психические причины. Следует остановиться и задуматься над следующим: тысячи отдельных свидетельств не могут не быть объединены общим знаменателем, и феномен, получивший столь универсальное значение, не может быть сведен к простой и несущественной случайности. Если сходные сообщения возникают в самых различных местах, это дает основание предполагать, что их мотивация везде одна и та же. Визионерские слухи, конечно, могут возникать под влиянием внешних обстоятельств или сопровождаться ими, но в самом существенном эти слухи обязаны своим рождением некоей единой эмоциональной матрице, 'а в случае, который нас занимает — некоей универсальной, повсеместно распространенной совокупности психологических факторов. Источник подобных слухов — аффективная напряженность, вытекающая из ситуации коллективного отчаяния, связанного либо с опасностью для коллектива, либо с жизненной потребностью души. Все это, несомненно, имеет место в современном мире, ибо весь мир находится под гнетом русской политики и страшится ее непредсказуемых последствий. Суеверия, видения, иллюзии

и другие проявления подобного рода свойственны личности только в случае, если она утрачивает единство психики, то есть если в ней обнаруживается некая разорванность, некая трещина между сознательным поведением и компенсаторным содержимым сферы бессознательного.*

*Согласно юнговскому закону психической компенсации любое свойство психики, выявляемое на уровне сознания, компенсируется противоположно направленным свойством в сфере бессознательного. Гармоничное соотношение взаимно компенсируемых свойств — важнейшее условие целостности человеческого "Я"

Это содержимое остается чуждым сознанию, которое, таким образом, лишается возможности прямо интегрировать его в себя и оказывается в ситуации, кажущейся безвыходной. Компенсаторное содержимое бессознательного стремится найти пути для косвенных проявлений, вызывая к жизни мнения, убеждения, иллюзии и видения, которые выглядят неожиданными и — что особенно важно — абсолютно необъяснимыми: необычайные явления природы, такие, как метеоры, кометы, "кровавые" дожди, теленок с двумя головами и другие новорожденные животные-уроды интерпретируются как знаки-предвестники угрозы; иногда обнаруживаются и некие "небесные знамения". Случается, что несколько человек одновременно наблюдает нечто не существующее на самом деле. Обусловливается данное обстоятельство параллелизмом времени и места, согласно которому развиваются ассоциации идей у множества лиц; история духовной жизни человечества знает бесчисленные примеры того, как одна и та же мысль в одно и то же мгновение приходит в голову совершенно не связанным друг с другом людям. К этому следует добавить все случаи, когда вмешательство некоей воздействующей на коллектив причины вызывает у разных людей одни и те же или по меньшей мере сходные психические последствия, то есть когда идентичные интерпретации или визионерские образы возникают у лиц, меньше всего подготовленных к подобным проявлениям или меньше всего склонных в них верить. Последнее придает рассказам очевидцев видимость достоверности: принято специально подчеркивать, что тот или иной свидетель находится вне подозрений, потому что ему никогда не были свойственны ни чрезмерно развитое

воображение, ни излишняя легковёрность; напротив, он всегда отличался трезвостью суждений и критическим умом.

Итак, можно утверждать, что именно в подобных случаях; бессознательное прибегает к особенно энергичным действиям, имеющим целью дать знать о своем содержимом. Последнее обретает впечатляющую зримую форму благодаря проекции — психологическому феномену, под которым следует понимать перенос содержимого сферы бессознательного на некий объект; в этом объекте скрытое прежде содержимое бессознательного находит свое проявление. Феномен проекции можно наблюдать как у психически больных, одержимых идеей преследования и галлюцинациями, так и у "нормальных" людей, видящих соринку в глазу соседа, но не замечающих бревна в собственном глазу; своей высшей формы проекция достигает в политической пропаганде.

Действенность проекции различна в зависимости от того, обусловлена ли она чисто личными обстоятельствами или связана с более глубокими обстоятельствами, важными для коллектива. Свойственные личности проявления бессознательного и эффекты вытеснения обнаруживаются в узких пределах семьи или в кругу наиболее близких друзей. Что же касается содержимого коллективного бессознательного — например такого, как религиозные, мировоззренческие или политико-социальные конфликты, — то оно для своего обнаружения стремится найти соответствующее "вместилище" — масонов, иезуитов, евреев, капиталистов, большевиков, империалистов и т. п.

Ситуация в мире, неустойчивость которого люди начинают ощущать и понимать повсеместно, настолько полна опасностей, что бессознательное воображение, являющееся источником проекции, минует земные организации и власти и устремляется в небо — к космическому пространству, где среди планет некогда обитали боги, эти вершители судеб. Наш земной мир разделен надвое, и неоткуда ждать помощи или решения, способного повернуть к лучшему подобное положение дел. Даже те, кто в течение последних тридцати лет относился к религиозным проблемам как к чему-то несерьезному и не касающемуся их лично, начинают задаваться высшими вопросами. В этих условиях нет ничего

удивительного, что даже тем слоям населения, которые вообще не задаются никакими вопросами, вдруг начали являться "видения": их коснулся повсеместно распространенный миф, объект непоколебимой веры одних и насмешливого отторжения других. Неудивительно и то, что среди очевидцев, которые удостоверяют реальность "небесных знамений" и свидетельствуют о чудесных, превышающих всякое человеческое разумение, оказываются вполне серьезные и честные люди.

Конечно же, подобные свидетельства настоятельно требуют объяснения. Первые попытки объяснения сводились к тому, что летающие тарелки изобретены русскими или американцами; они были очень скоро отвергнуты из-за несвойственной предметам земного происхождения "невесомости" замеченных летательных аппаратов. Человеческое воображение, уже научившееся оперировать возможностями полетов на Луну, не замедлило отреагировать гипотезой, что принадлежащие к какому-то высшему виду разумные существа сумели преодолеть законы тяготения и воспользоваться чем-то вроде межзвездных магнитных полей в качестве источника энергии, позволяющего развить космические скорости. Возникло предположение, будто недавние атомные взрывы на Земле привлекли внимание значительно более развитых, чем мы, жителей Марса или Венеры, и вызвали их беспокойство по поводу вероятной цепной реакции, грозящей уничтожить Землю. Поскольку, подобная реакция представляет катастрофическую опасность также и для соседних планет, обитателям последних пришлось установить пристальное наблюдение за происходящим на Земле в связи с нашими неуклюжими ядерными экспериментами. Тот факт, что они избегают приземления и не стремятся к контактам с людьми, объясняется следующим образом: несмотря на превосходство в умственном развитии, они совершенно не уверены в благоприятном приеме с нашей стороны и поэтому выказывают необходимую осторожность. С другой стороны, будучи высокоразвитыми существами, они не агрессивны, не причиняют Земле зла и ограничиваются объективной инспекцией аэродромов и ядерных производств.

И все же непонятно, почему в течение целых десяти лет эти существа высшего порядка, столь активно заинтересованные в судьбе Земли, не сумели вступить с нами в контакт — даже несмотря на свои большие лингвистические познания? За неимением ответа на этот вопрос выдвигаются другие предположения — например, о планете, испытывающей трудности в связи с потерей кислорода, засухой, перенаселенностью или другими проблемами; жители этой планеты стремятся найти подходящее место для переселения, а их разведывательные отряды ведут себя крайне осторожно и осмотрительно, несмотря на огромный срок в сотни, а может быть и тысячи лет, в течение которого они гостят в нашем небе. После Второй мировой войны они стали появляться все чаще и чаще — очевидно, потому, что их приземление планируется в ближайшем будущем. Мирный, доброжелательный настрой этих существ в свете некоторых новых сведений оказался под сомнением. Некоторые так называемые очевидцы рассказывают, что они наблюдали за приземлением летающих тарелок и у видели их пассажиров, говоривших, естественно, по-английски. Космические гости выглядят либо как некие ангелы во плоти, идеальные существа, озабоченные нашей судьбой, либо как карлики с большими головами, свидетельствующими о переизбытке интеллекта, либо, наконец, как похожие на лемунов карликовые уродцы с шерстью, когтями и панцирем, напоминающим панцирь насекомо-, го. Такой "свидетель", как М. Адамски, утверждает, что он самолично в течение нескольких часов облетел на тарелке Луну; согласно его рассказу невидимая сторона Луны имеет атмосферу, воду, покрыта лесами и застроена городами. Интересно, что "свидетеля" нисколько не удивляет странная прихоть Луны, заставляющая ее показывать нам только свою наименее привлекательную сторону. Как ни странно, вся эта чушь была принята за чистую монету даже таким просвещенным и осторожным автором, как Эдгар Зиверс.

Любовь американцев к фото- и кинокамере общеизвестна. Тем более удивительным кажется почти полное отсутствие "подлинных" фотографий НЛО — несмотря на то, что часто наблюдения за ними велись подолгу и с относительно близкого расстояния. В свое время я случайно познакомился с человеком, который, находясь в Гватемале, вместе с

сотнями других людей видел летающую тарелку. Стоял ясный день, и тарелка была на виду в течение целого часа; тем не менее по причине чрезмерного возбуждения он забыл воспользоваться своим фотоаппаратом. У меня нет оснований сомневаться в честности этого человека, но его рассказ подтверждает мое впечатление о сугубой "нефотогеничности" НЛО.

Все сказанное позволяет утверждать, что вокруг НЛО уже сложился целый круг легенд. Сегодня в нашем распоряжении есть обширная библиотека на данную тему, состоящая из работ "за" и "против", лживых и серьезных, — и это не считая тысяч газетных статей! Последние наблюдения показывают, что на самом феномене это не отразилось; все течет своим "чередом, как и прежде. Как бы то ни было, ясно одно: возник живой, современный миф. На наших глазах рождается легенда, и мы видим, как в сложную и мрачную эпоху человеческой истории создается фантастическое повествование о попытке вторжения или, по меньшей мере, о приближении внеземных, "небесных" сил; все это происходит в момент, когда человеческое воображение самым серьезным образом занято возможностями межпланетных путешествий. Мы, люди, мечтаем попасть на Луну или на Марс; одновременно, как утверждает миф, жители других планет нашей системы и даже других созвездий хотят увидеть нас. Мы осознаем собственное стремление проникнуть во Вселенную; что же касается аналогичного стремления, приписываемого нами внеземным существам, то это — мифологическое допущение, то есть проекция.

Жажда сенсации и приключений, головокружение, вызванное техническим прогрессом, интеллектуальное любопытство могут показаться достаточными мотивами для наших футуристических фантазий; но импульсы для таких фантазий особенно когда они обретают столь серьезные формы (вспомним также об искусственных спутниках) — основываются на более глубоких и скрытых причинах, а именно на ситуации отчаяния перед жизнью и на порожденных этой ситуацией потребностях. Упомянутые психологические констатации, проекции темы планетарной тревоги на нечто, находящееся в космосе, — разве не подводят они нас к вопросу о том, что человечество

ощущает недостаток пространства на Земле и хочет бежать из этой тюрьмы, где ему угрожает не только водородная бомба, но и лавинообразный рост численности населения? Об этой последней проблеме не любят говорить; в связи с ней обычно оптимистически, указывают на беспредельные возможности интенсивного производства продуктов питания, как будто в нем и заключается окончательное решение! Индийское правительство предусмотрительно выделило 500 тысяч фунтов на ограничение рождаемости, а в России для пресечения опасного роста рождаемости используются трудовые лагеря. Цивилизованные страны Запада обороняются другими способами; поэтому непосредственная опасность исходит не от них", а главным образом от отсталых стран Азии и Африки. Здесь не место обсуждать вопрос о том, в какой мере две мировые войны уже явились следствием мучительного стремления уменьшить численность населения "любой ценой". Природе известно множество способов избавляться от избытка собственных созданий... Короче говоря, жизненное и обитаемое пространство человечества, действительно, все более и более сокращается, и для многих народов оптимум уже остался далеко позади. Опасность катастроф возрастает пропорционально плотности населения. Растущая концентрация людей на ограниченной площади приводит к возникновению страха, заставляющего искать помощи во внесемных сферах, поскольку на Земле ее ждать не приходится.

Именно поэтому и возникают "небесные знамения"; обретая форму, рожденную благодаря возможности создавать сказочные образы на основании наших технических познаний, они являются нам как существа высшего порядка, путешествующие в чем-то наподобие космических кораблей. Проекция, с помощью которых мы стараемся объяснить эти знамения, обязаны своим происхождением тревоге, обусловленной не вполне понятыми причинами, и поэтому неосознаваемой. Отныне эти проекции направлены на то, чтобы найти источник нашей угнетенности, пользуясь при этом любыми, даже совершенно ложными косвенными путями. Некоторые из подобных проекций настолько очевидны, что вряд ли заслуживают более глубокого обсуждения.

Но если мы хотим проникнуть в сущность слухов сопровождаемых, насколько можно судить, целыми коллективными видениями, мы не должны удовлетворяться слишком рациональными, ясными и понятными с виду мотивами. Понять причину возникновения подобных слухов — поскольку речь идет о таком экстраординарном феномене, как НЛО, — значит затронуть самые глубинные корни нашей жизни.

НЛО были известны и в прошлом, но тогда они представляли собой редкое явление и в лучшем случае вызывали пересуды в сравнительно узком кругу. Лишь в нашу просвещенную и рационалистическую эпоху этому феномену довелось стать предметом слухов в коллективном, всеобщем масштабе. Фантазии на тему конца света, игравшие столь важную роль и получившие широчайшее распространение в конце первого тысячелетия христианской эры, имели чисто метафизическую основу и не нуждались в привлечении НЛО для дополнительного рационального обоснования. Вмешательство со стороны неба соответствовало философии и мировоззрению того времени, но наше общественное мнение явно не склонно принимать во внимание гипотезу о метафизическом акте; в противном случае многочисленные священнослужители уже говорили бы в своих проповедях о предупреждениях, посылаемых нам с неба. Метафизика чужда нашему мировоззрению; нам свойственно скорее думать о возможности психических нарушений, особенно в связи с тем, что наша психическая конституция после Второй мировой войны стала весьма хрупкой: она страдает от прогрессирующего чувства неуверенности и постоянного ощущения опасности.

Пытаясь оценить и объяснить катастрофические события европейской истории последних десятилетий, современные исследователи чувствуют обветшалость и бессилие традиционных средств. Чем дальше, тем более остро они вынуждены осознавать, что психологические и психопатологические факторы стали играть слишком заметную роль в расширении исторического горизонта. Отсюда — повышенный интерес думающей части людей к психологии. Это обострение интереса вполне естественно, однако оно уже вызвало недовольство в университетских кругах, среди недостаточно компетентных специалистов,

застигнутых врасплох подобным оборотом дел. Тем не менее, несмотря на все попытки отодвинуть эту науку в тень, осознающая свою ответственность психология не должна отступать и отказываться от критического исследования явлений коллективного порядка: ведь ввиду очевидной протivoестественности утверждений, связанных с отмеченными явлениями, гипотеза о психических нарушениях как наиболее подходящее средство для объяснения слухов напрашивается сама собой.

В соответствии с программой нашего исследования займемся психической природой феномена. Обобщим в последний раз центральную тему слухов; как днем, так и по ночам в нашей атмосфере обнаруживаются объекты, не похожие ни на какие из известных метеорологических явлений. Это не метеоры, не звезды, не отражения, вызванные инверсией температуры в смежных слоях воздуха, не облака особой формы, не перелетные птицы, не воздушные шары, не шаровые молнии и — что особенно существенно — не порождение пьяного или горячечного бреда и не вульгарный обман. Наблюдаемые объекты, как правило, представляют собой отливающие огненным блеском тела разнообразных оттенков, округлой формы (наподобие диска или шара), реже — продолговатые (в форме сигары или цилиндра), различных размеров. (Сравнительно редкая форма сигары, возможно, смоделирована по образцу дирижабля. На уровне обыденного языка легко возникает сравнение с фаллосом, то есть перевод в сексуальные термины). Рассказывают, что иногда эти тела невидимы для человеческого глаза, но дают вспышку на экране радара.

Именно округлые тела суть образы, которые особенно часто продуцируются сферой бессознательного в качестве содержимого снов, видений и т. п. В подобных случаях они должны рассматриваться как символы, в образной форме выражающие некую идею, которая рождена не сознательной мыслью, а существует в сфере бессознательного лишь потенциально, в невидимой форме; лишь процесс осознания способен сделать ее зримой. Образные формы подобного типа, однако, выражают свое содержимое самым приблизительным образом. На практике такое эскизно выраженное содержимое должно быть дополнено

усиливающими интерпретациями. В процессе этой операции неизбежно случаются ошибки, и их исправление возможно только на основе принципа *eventus docet* ("событие учит"), иначе говоря, только сравнительное изучение долгого ряда сновидений различных лиц даст нам целостный, поддающийся прочтению текст.

Образы, которые служат выражением интересующих нас слухов, пригодны для интерпретации согласно тем же принципам, что и сновидения. Прилагая эти принципы к замеченным округлым объектам — дискам или шарам, — любой из тех, кто знаком с психологией глубин, сразу же распознает аналогию с символом целостности — мандалой.* Данный символ ни в коей мере не принадлежит к современным изобретениям; он существовал во все времена и везде, сохраняя один и тот же глубинный смысл. Современным человеком он воссоздается заново, вне традиции; его округлая форма отмечает некую защитную границу или обозначает "апотропеический" (защищающий от ударов судьбы) круг. Мандала обнаруживается в доисторическом "солнечном колесе", в магическом круге, в алхимическом микрокосме; наконец, она выступает как современный символ, упорядочивающий и охватывающий целостность душевного мира. Как показано в других моих работах и как убеждает нас история алхимии, в течение последних веков мандала получила особое развитие и, несомненно, превратилась в психологический символ целостности. Особенность появления мандапы у современного человека может быть проиллюстрирована с помощью следующего сновидения шестилетней девочки.

* На санскрите — "круг", "диск"; один из наиболее универсальных, центральных буддийских символов

Девочка оказывается у входа в большое, незнакомое здание. Здесь ее ждет фея, которая проводит ее внутрь и ведет по длинному, украшенному колоннами коридору к чему-то вроде центрального помещения. К этому же помещению со всех сторон стекаются другие такие же коридоры. Фея становится в центре помещения и превращается в высокий столб пламени. Три змеи ползут вокруг огня, составляя подобие движущегося кольца.

Это — классический пример детского архетипического сна, который ребенок не только может видеть неоднократно, но и нередко пытается нарисовать, причем без всякого внешнего побуждения, явно с целью защититься от неблагоприятных, раздражающих воздействий тяжелой семейной атмосферы и сохранить внутреннее равновесие.

Поскольку мандала описывает и символизирует целостность психики, а также оберегает ее, защищая от внешних воздействий и примиряя внутренние противоречия, она представляет собой подлинный символ индивидуаций (обретения личностью самой себя); в этом своем качестве она была известна уже средневековым алхимикам. В те времена душе приписывалась форма шара, по аналогии с мировой душой платоновской философии; тот же символ можно встретить в сновидениях современного человека. Углубляясь в многовековую историю символа, мы приходим к пространствам "по ту сторону небес", где, согласно Платону, пребывают "идеи" всех вещей. Таким образом, ничто не противоречит "наивной" интерпретации, согласно которой НЛО репрезентируют "души".

Конечно, НЛО не отражают нашей современной концепции души; они скорее воплощают произвольный, архетипический, даже мифологический образ некоего обобщенного круга, выражающего целостность индивидуума и рожденного сферой бессознательного. Я описал и определил этот спонтанный образ как символическую репрезентацию понятия Самость, Означающего целостность человеческого существа — целостность, которая складывается из сознания и бессознательного. Впрочем, я не единственный автор, предлагающий подобную интерпретацию, ибо уже герметическая философия средневековья пришла к весьма похожим выводам. Архетипическая природа этой идеи подтверждается ее частыми спонтанными выходами "на поверхность" у современного человека, который, безусловно, не имеет представления о данной традиции — Впрочем, как и его окружение. Даже те, кто обладает кое-какими познаниями, никогда не осмелились бы подумать, что их детям во сне является нечто из области герметической философии. В данной области царит настолько глубокое и всеобщее

невежество, что ни о какой преемственности мифологической традиции не может быть речи.

Рассматривая округлые светящиеся небесные тела как разновидность видений, мы должны интерпретировать их как архетипические образы. В них следует видеть произвольные проекции, основанные на инстинктивном ментальном автоматизме, и эти проекции (впрочем, как и любые другие психические проявления и симптомы) не должны трактоваться как пустяки, лишённые смысла и возникшие в результате простой случайности. Всякому, кто знает историю и психологию, известно, что символы округлой формы (*rotundum* на языке алхимиков) играли существенную роль везде и во все времена; к примеру, в нашей культурной сфере они обозначали не только душу — о чем уже говорилось, — но и образ Бога: *Deus est circulus cujus centrum est ubique, cujus circumferentia vero nusquam* (Бог — это круг, чей центр везде, а окружность — нигде). "Бог" — всезнающий, всемогущий, вездесущий (Единое, Вселенная), всеобщий символ целостности, — это нечто округлое, полное и совершенное. Традиционно "эпифании" (явления Бога) представлялись в сопровождении огня и света. Таким образом, в древности НЛО были бы с легкостью восприняты как явления существ божественного происхождения.

НЛО — это впечатляющий образ целостности: простая округлая форма этих объектов удачно воплощает архетип, играющий, как мы знаем, главную роль в объединении несовместимых с виду противоположностей; вот почему форма НЛО наилучшим образом компенсирует беспорядочность, раздробленность современной жизни. Более того — этот архетип имеет принципиальное значение в ряду других архетипов, ибо он упорядочивает хаотические состояния и сообщает личности максимально возможные единство и целостность. Он творит образ великой личности. Богочеловека, исконного человека или Антропоса, шень-жэня (кит.: "истинный" или "цельный человек"), Илии, призывающего небесный огонь и возносящегося в небо на огненной колеснице (Мессия, догматически отождествляемый с Христом, имеет в лице Илии своего предтечу) и, наконец, мусульманского Хадира, который, со

своей стороны, параллелен Илии, так как он нисходит на Землю в качестве персонификации Аллаха.*

* Одна из популярнейших фигур мусульманской традиции, бессмертный мудрец и покровитель мореплавателей, обычно отождествляемый с "рабом Аллаха" (см. Коран, 18, 59-81); по преданию являлся наставником многих пророков, в том числе и Мухаммада.

Нынешняя ситуация в мире как нельзя лучше способствует тому, чтобы возбудить надежду на явление внеземного порядка, разрешающее скрытые конфликты. Если подобная надежда и не формулируется слишком явно, то только потому, что в наше время уже никто, по сути, не придерживается философии прошедших веков, согласно которой вмешательство с неба принималось как нечто само собой разумеющееся. Мы уже достаточно отделились от метафизической определенности, свойственной мировоззрению Средних Веков — но все-таки не настолько далеко, чтобы из историко-психологического фона нашей жизни смогли вытравиться любые метафизические надежды. В нашем сознании доминирует воля к рациональной ясности, презирующая любые "окультурные" тенденции, однако последние уверенно обнаруживают себя в сфере бессознательного.

Конечно, сейчас осуществляются отчаянные попытки оживить христианскую веру, но попытки эти не касаются возможности вновь, как и прежде, достичь такого ограничения образа мира, при котором сохранилось бы место для метафизического вмешательства; речь идет об оживлении традиционной религиозности, но без настоящей христианской веры в потустороннее и надежды на близкий конец света, призванный окончательно и бесповоротно исправить прискорбную ошибку, каковой явился акт творения. Вера в "посюстороннее", в человеческое могущество обрела статус практической истины, все еще не поколебленной — несмотря на все уверения в обратном..

Подобная позиция подавляющего большинства создает как нельзя более подходящую основу для появления проекции: скрытое содержимое бессознательного, несмотря на всю рационалистическую критику, выплескивается на

поверхность в форме символических по своему содержанию слухов, сопровождаемых и подкрепляемых соответствующими видениями; таким образом актуализируется архетип, посредством которого всегда, во все времена обозначались порядок, успокоение, излечение, достижение целостности. Примечательно, что в нашу эпоху этот архетип выражается в форме, не свойственной его прежним воплощениям, а именно — в форме вещи, в форме технической конструкции, — как бы для того, чтобы избежать возмутительной неуместности любой мифологической персонификации: ведь все, с виду связанное с техникой, легко воспринимается современным человеком. Крайне непопулярная идея метафизического вмешательства становится куда более приемлемой, если она поддержана возможностями межпланетной навигации.

Правда, очевидная невесомость НЛО осмысливается с большим трудом; тем не менее и для нее можно найти обоснование в том, что даже нашей современной физикой в последнее время сделано множество открытий, граничащих с чудом. Почему бы не предположить, что более высокоразвитым обитателям других планет удалось пойти еще дальше и разработать способ преодоления силы тяжести и достижения скорости света, а может быть и более высоких скоростей? В результате развития ядерной физики в головах несведущих людей воцарилась неопределенность, гораздо большая, чем в головах самих физиков, и позволяющая ныне считаться с возможностью существования вещей, которые еще вчера показались бы бессмысленными и превосходящими всякую меру. Таким образом, НЛО без труда интерпретируются как очередное чудо физики. Не могу здесь с чувством некоторой неловкости не признаться, что в свое время я был убежден в неспособности любых предметов тяжелее воздуха к полету; впоследствии мне было довольно трудно смириться с тем, что это не так.

Итак, с одной стороны физическая природа НЛО содержит в себе много загадочного даже для самых компетентных умов; с другой же стороны вокруг НЛО создается настолько впечатляющая легенда, что, применяя к ней обычные методы психологической интерпретации, мы должны считать само явление на 99% порождением психической

деятельности. Если даже непосредственной внешней причиной рождения мифа становится неизвестный физический феномен, это вовсе не обесценивает его психологической значимости: ведь сопутствующими причинами возникновения многих мифов служат небесные и другие природные явления, которые, однако, ничего в них не объясняют. По существу миф — это порождение архетипа, то есть бессознательный символ, требующий психологической интерпретации. Для первобытного человека любой предмет — хотя бы пустая консервная банка — может обрести значение фетиша, но свойства консервной банки здесь ни при чем; важно то, что мы имеем дело с явлением психического порядка.

НЛО в сновидении

То, что НЛО можно не только наблюдать, а и видеть во сне, это понятно, но особенно интересно для психологов, поскольку индивидуальные сновидения предоставляют сведения об образах бессознательного. Как известно, чтобы достичь более или менее точной картины отражаемого психикой объекта отнюдь не достаточно исключительно рациональных операций. Кроме того, сюда включаются три аспекта: эмоция (оценка), ощущение (*fonction du reel*, факт) и интуиция (восприятие перспектив), а также реакция бессознательного, т.е. картина бессознательного ассоциативного контекста. Именно эта совокупность и делает возможным более или менее полное представление о высвобожденном с помощью объекта психическом содержании. Исключительно рассудочное понимание данного объекта неудовлетворительно наполовину или даже на три четверти.

Для иллюстрации хотел бы упомянуть о двух сновидениях, принадлежащих одной образованной даме. Она никогда не видела НЛО, однако интересовалась этим явлением, так и не сумев сформировать определенного мнения о нем. Неизвестна ей и литература об НЛО. С моими идеями по данному вопросу она незнакома. Сновидица рассказывает:

Сновидение 1

Я еду с группой людей в грузовике вниз по Champs Elysees (Елисейским полям — фр.). Звучит сигнал воздушной тревоги. Грузовик останавливается, и тут все пассажиры выпрыгивают из него и исчезают в ближайших домах, закрыв за собой двери. Я выбираюсь из грузовика последней и также пытаюсь попасть в дом, но все двери прочно закрыты на полированные латунные запоры, да и Елисейские поля пусты. Я прижимаюсь к стене дома и смотрю на небо: вместо

ожидаемых бомбардировщиков вижу разновидность летающей тарелки, т.е. каплеобразный металлический шар. Очень медленно он летит по небу с севера на восток, и у меня возникает впечатление, что за мной оттуда наблюдают. В тишине я слышу стук высоких каблуков женщины, в одиночестве идущей вниз по безлюдному тротуару Елисейских полей. Обстановка очень страшная.

Сновидение 2. (Примерно месяц спустя)

Я иду ночью по улицам города. На небе появляются "engins" (машины — англ.) и все люди разбегаются. "Машины" выглядят как большие стальные сигары. Я не убегаю. Одна из машин обнаруживает меня и по наклонной траектории направляется прямо ко мне. Я думаю: профессор Юнг считает, что не нужно убегать, и тогда останавливаюсь и ожидаю "машину". Вблизи ее передняя часть выглядит как округлый глаз, наполовину голубой, наполовину белый.

Больничная палата: два моих шефа входят в комнату и очень озабоченно справляются у моей встретившей их сестры, как идут мои дела. Сестра отвечает, что все мое лицо обожжено прямым взглядом, и лишь тут я замечаю, что речь идет обо мне, а моя голова забинтована, хотя я и не могу этого видеть.

Комментарий к сноведению 1

Картины сновидения изображают начало **массовой паники**, похожей на панику при воздушной тревоге. Появляется НЛО **каплеобразной формы**. Жидкое тело, когда оно готово упасть, принимает форму капли, из чего явствует, что НЛО в качестве падающей с неба жидкости понимается по аналогии с дождем. Эта неожиданная каплеобразная форма НЛО и аналогия с жидкостью упоминаются в литературе*. Вероятно, она призвана объяснять столь часто описываемую изменчивость формы. Эта "небесная" жидкость должна обладать таинственным качеством и, видимо, сходна с

алхимическим понятием aqua permanens "вечная вода", называемой в алхимии XVI века также "небом" и представляющей собой *quinta essentia*. Эта вода — *deus ex machina* (бог из машины — *лат.*). алхимии, чудесное средство растворения, при этом "solutio" в равной мере употребимо и для химического растворения, и для "растворения" какой-то проблемы. Более того, это великий волшебник Меркурий*, разделитель и соединитель ("solve et coagula"), эффективное психическое и душевное целительное средство, одновременно способное означать и нечто угрожающее, опасное и в виде aqua coelestis (небесной воды) падающее с неба.

* Сообщение о ставшем классическим случае капитана Мантелла говорит о сходстве НЛО с "Tear drop" (каплями слез) и о том, что НЛО ведет себя как жидкость (fluid). Harold T. Wilkins "Flying Saucers on the Moon". L., 1954. P. 90.

Как алхимики говорят о "камне, который не есть камень" так и их "философская" вода — не вода, а ртуть и даже не обычная металлическая ртуть, а "дух" (pneuma, spiritus). Она представляет собой вещество посвященных, превращающее при алхимических операциях неблагородные минералы в духовную, часто персонифицированную форму (filius hermaphroditus s. Macrocosmi). "Вода философов" — это классическое вещество, которое преобразует химические элементы и внутри которого происходят изменения, и в то же время освобождающий дух их религиозной надежды. Эти представления появились еще в античной литературе, были развиты в Средние века и проникли даже в народные сказки. Один очень старый текст (предположительно первого тысячелетия от Р. Х.), говорит, что в камне, найденном в Ниле, был скрыт дух. "Следует достать и извлечь дух (pneuma). Это бывшая ртуть (вытяжка ртути)". В период около 1700 г. мы располагаем многочисленными свидетельствами влияния этого анимистического архетипа. С одной стороны, Меркурий — это металл, с другой — жидкость, которая, помимо всего прочего, легко испарялась, т.е. превращалась в vapor (пар) или в spiritus (дух) и действовала как "духовный Меркурий" и разновидность Панацеи, спасителя и "servator mundi" (хранителя мира). Меркурий — это "спаситель", "сеющий мир между врагами" и в качестве cibus immortales (пищи, дарующей бессмертие)

освобождающий творение от болезни и порчи, подобно Христу, делающему то же для людей. Подобно тому как на языке отцов церкви Христос — "клокочущий источник", так и алхимики употребляют название Mercurius aqua permanens, ros Gideonis (роса Гедеона)**, vinum ardens (глинтвейн), mare nostrum (наше море), sanguis (кровь) и т.д.

Из многих сообщений, особенно начального периода, следует, что НЛО способны неожиданно появляться и так же неожиданно исчезать. Они могут пеленговаться радаром, но оставаться невидимыми для глаза и, наоборот, могут быть видимыми, но не фиксироваться радаром! Утверждают, что НЛО могли произвольно становиться видимыми или невидимыми, а поэтому должны, очевидно, состоять из вещества то видимого, то невидимого.

Ближайшая аналогия этому **испаряющаяся жидкость**, которая конденсируется из состояния невидимости в форму капли. При чтении старых текстов можно ощутить дрожь, которую вызывало чудо исчезновения и возвращения у алхимика при виде испарения воды или ртути: это преобразование ставшей водой "души" Гераклита* в невидимый воздух под магическим жезлом Гермеса и обратное ее нисхождение в наглядность творения. Зосима из Панополя** оставил нам ценный документ, описывающий это преобразование. Видимо, фантазия, пробуждающаяся при восприятии кипящего горшка, — одно из старейших наблюдений человека, — ответственна за исчезновение и возвращение НЛО.

Неожиданная форма капли в приведенном сновидении дает повод для сравнения с центральным представлением алхимии, знакомым нам не только по Европе, но и по Индии (ртутная система), и по Китаю (здесь уже во втором столетии от Р.Х.). Необычности НЛО соответствует и необычность его психологического контекста, который должен приниматься во внимание, если вообще рискуют толковать подобные явления. Из-за принципиального своеобразия феномена НЛО нельзя надеяться, чтобы он был по плечу известным нам рационалистическим способам объяснения. Даже "психоаналитическое" понимание не способно ни на что большее, как посредством гипотетической "сексуальной теории" перевести представление об НЛО на язык

сексуальной фантазии; с грехом пополам прийти, например, к заключению, что вытесненное представление о матке спустилось с неба. Это неплохо подошло бы к старому медицинскому пониманию истерии (*Hysteros-Unterus* — матка. — *лат.*) как "странствования матки", в частности потому что речь идет о женщине, видевшей страшный сон. (Как же тогда обстоит дело с пилотами мужского пола — подлинными зачинателями слуха?). Пожалуй, "сексуальный язык" едва ли более содержателен, чем какие-либо иные символические средства выражения. Собственно говоря, эта разновидность объяснения, по существу, столь же мифологична и одновременно рационалистична, как и технизированные вымыслы о сущности и целях НЛО.

Сновидица знала о психологии достаточно, чтобы во сне сознавать необходимость не поддаваться страху и не бежать от НЛО, хотя и сделала бы это охотнее всего. Но бессознательное даже во сне создает ситуацию, в которой ей закрыт такой выход. В результате ей представился случай рассмотреть феномен с близкого расстояния. Он оказался безопасным. Более того, беззаботная поступь женщины указывает на кого-то, кто вообще не замечает или не боится его.

Комментарий к сновидению 2

Изложение начинается с факта, что на улице **темно** и ночь, время, когда полагается спать и видеть сны. Как и в предыдущем сне, царит паника. Появляется **множество** НЛО. Итак, памятуя о первом комментарии, подчеркнутая единичность "самости" вроде бы раскрывается как вышестоящая, так сказать, божественная форма внутри множества. На мифологическом уровне это соответствовало бы множеству богов, богоподобных людей, демонов или духов. Хотя на языке герметической философии таинственная материя или *quinta essentia* имеет "*mille nomina*" (тысячу имен), но, по существу, состоит из одного и единого (т.е. *ex principio* — бога), который становится множеством только в результате расщепления ("*multiplicatio*"). В этом отношении алхимия вполне чувствует себя как *opus divinum* (божественный опыт — *лат.*), как "*anima in compedibus*" (душа в оковах), т.е. демиург, заключенный в свое творение и желающий

освободиться из заключения в сотворенной материи, чтобы вернуться в первоначальное состояние единства. С психологической точки зрения множественность символа единства означает расщепление на многие самостоятельные единства, т.е. на множество "самостей". Тем самым один "метафизический" принцип — монотеистическое представление разлагается на множество "*dii inferiores*" (второстепенных богов). С точки зрения христианской догмы такую операцию не трудно интерпретировать как величающую ересь и такое понимание не противоречило бы однозначному высказыванию Христа: "Вы как боги" — и столь же ясной идее сына божьего, по крайней мере обе предполагают потенциальное родство человека с богом. С позиции психологии множество НЛО соответствовало бы проекции множественности индивидов, при этом выбор символа (круглое тело) показывает, что проецируется не множество персон, а скорее их идеальная психическая целостность, т.е. не только эмпирический человек, как он узнает себя из опыта, а вся его душа, осознанное содержание которой должно дополняться еще и содержанием бессознательного. О последнем мы знаем благодаря отысканию единого, это способствует выработку определенного, далеко идущего представления. Впрочем, на самом деле мы еще очень далеки от того, чтобы представить достаточно обоснованную гипотетическую картину целого. Только упомяну об одной из огромных трудностей психологии бессознательного: существуют **парапсихологические опыты**, которые в наше время уж (нельзя положить под сукно, а необходимо принимать во внимание при характеристике психических процессов. Нельзя рассматривать бессознательное так, как если бы оно кардинально зависело от сознания, поскольку обладает качествами, над которыми не властно сознание.

Скорее его нужно понимать как автономную величину, взаимодействующую с сознанием. Множество НЛО соответствует проекции множества образов психической целостности, появляющихся на небе потому, что, с одной стороны, они представляют собой заряженные энергией архетипы, а с другой — не признаются людьми в качестве факторов психики. Последнее обстоятельство проистекает из того, что нынешнее индивидуальное сознание не располагает категориями, с помощью которых оно могло бы

постичь психическую целостность. Напротив, сегодняшнее сознание находится в противоречии с архаическим, так сказать, состоянием, где нет места подобным сознательным восприятиям, а посему соответствующие содержания не могут признаваться частями психики. Кроме того, сознание все еще воспитывается так, что понимает такие идеи не как присущие психике формы, а скорее вынуждено верить в их существование вне психики, т.е. в метафизическом пространстве или по меньшей мере в виде исторических фактов. Если архетип благодаря условиям соответствующего времени получает дополнительный энергетический заряд, то по указанным причинам он не может прямо интегрироваться в сознание. Напротив, он вынужден проявлять себя косвенно, в форме спонтанной проекции. В таком случае проецируемый образ кажется мнимо психическим фактором, независимым от индивидуальной психики и ее состояния. Круглая целостность мандалы становится космическим судном, управляемым разумными существами. Наиболее распространенной линзообразной форме НЛО благоприятствует то обстоятельство, что, как показывают исторические свидетельства, уже издавна психической целостности свойственно родство с космосом в той мере, в какой признается "небесное" происхождение индивидуальной души и она рассматривается как частица мировой души, а соответственно понимается как микрокосмос, т.е. копия макрокосмоса. Наглядный пример этого — учение Лейбница о **монадах**. Макрокосмос — это окружающий нас звездный мир, который наивному разуму кажется шарообразным, и благодаря этому он, так сказать, наделяет и душу традиционной формой шара. Однако астрономическое небо в действительности заполнено главным образом звездными агломерациями, галактиками, форма которых совпадает с формами НЛО. Ярко выраженная линзообразная форма последних могла бы, видимо, считаться уступкой результатам новейшего астрономического исследования, ибо я не знаю никаких более древних традиций, сообщающих о линзообразной форме души. Пожалуй, здесь перед нами пример модификации древней традиции в результате прироста нового знания, иначе говоря, воздействие первоначальных образных представлений с помощью последних достижений сознания, подобно тому как в настоящее время звери и

чудовища часто заменяются в сновидениях автомобилями и самолетами.

Впрочем, следует подчеркнуть, сохраняется возможность естественного или "абсолютного" знания, представляющего собой совпадение бессознательной психики с объективным положением дел. Эту проблему выдвигают факты парапсихологии. Об "абсолютном знании" речь идет не только в области телепатии и врожденных знаний, но и в области биологии, например, в продемонстрированной Портманом настроенности вируса водобоязни на анатомию собаки и человека, в кажущемся знании осы о локализации двигательных ганглий гусеницы, которой будет кормиться потомство осы, в производстве света у рыб и насекомых с почти 99-процентным коэффициентом полезного действия, в чувстве местности у почтовых голубей, в предчувствии землетрясений курами и кошками и в удивительной кооперации при отношениях симбиоза. Как известно, процесс жизни можно объяснить исходя не только из причинности, но и из ("разумного") выбора. Таким образом, форма НЛО аналогична элементам пространственной структуры, галактикам, независимо от того, представляется ли это человеческому разуму смешным или нет.

В нашем сновидении обычная линзообразная форма заменена более редкой формой сигары, восходящей, видимо, к форме первых управляемых воздушных кораблей. Подобно тому как в сновидении I, психоаналитическое толкование каплеобразной формы может сослаться на "символ" женщины, матку, здесь напрашивается аналогия сексуального плана с формой фаллоса. Общим у архаических подоснов психики с примитивным является то, что предчувствие или что-то не вполне понятное они переводят в аналогичные инстинктивные, т.е. привычные, формы представления, так что Фрейд с некоторыми основаниями вправе установить, что все круглые или полые формы имели женское, а все продолговатые — мужское значение, как, например, ключ с полым и ключ с толстым концом или лежащий нижней стороной, вогнутый и лежащий верхней стороной выпуклый кирпич ("монахиня" и "монах"). В этих случаях пробуждается, так сказать, интерес, связанный, естественно, с сексуальностью, и привлекает остроумная наглядность подобных аналогий. Но повод к таким

переводам дает не только половое влечение, но и голод, т.е. потребность в пище, и жажда. Даже боги не только заключают половые союзы, они также едят и пьют. Такой перевод должна допускать сексуальная привлекательность: например, девушку с удовольствием "съедают". Язык полон метафор, выражающих одну сферу влечений с помощью другой, хотя отсюда и не следует делать вывод, что изначально и существенным является "любовь", или голод, или стремление к власти и т.п. Скорее изначально состоит в том, что любая ситуация пробуждает относящийся к ней инстинкт, который далее доминирует в качестве насущной потребности и определяет как выбор символа¹, так и толкование последнего.

В нашем сновидении налицо правдоподобная фаллическая аналогия, в соответствии с которой смысл этого в высшей степени архаического символа придает видениям НЛО характер "порождающего" и "оплодотворяющего", в более широком смысле "проникающего". (Соответственно, например, обращению к Дионису как к Энколпиосу².) "Вторжение" или "принятие" бога воспринималось и аллегорически изображалось с помощью сексуального акта. Но ошибочно ради пустой метафоры переиначивать подлинное религиозное переживание в фантазию, порожденную "вытесненной" сексуальностью. Ведь "проникающее" изображается и с помощью меча, копья и стрелы.

1 Фаллос — это не знак, указывающий на пенис, а из-за своей многозначности — символ.

2 Колпос: полость, морской залив. Энколпинос: находящийся в полости.

Сновидица не поддается чувству опасности, даже когда видит, что летательный аппарат направлен на нее. При этой прямой конфронтации обнаруживается первичный, шарообразный или линзообразный облик НЛО, т.е. форма **круглого глаза**. Данный образ соответствует традиционному оку божьему, которое, будучи *ranskoros* (всевидающим), испытует сердца людей, т.е. обнаруживает их истинное содержание и безжалостно срывает покровы с души в целом. Это отражает **проникновение** в действительную целостность собственного существа.

Глаз наполовину голубой, наполовину белый. Это соответствует краскам неба, его чистой голубизне и белизне облаков, лишающих небо его прозрачности. Целостность души, т.е. Самость, представляет собой сочетание противоположностей. Самость также не существует без Тени. У нее всегда два аспекта, более светлый и более темный, подобно дохристианскому представлению о божестве в Ветхом завете, который гораздо лучше соответствует опыту религиозного переживания, чем *Summun Bonum* (Высшее благо — лат.) христианского происхождения, опирающегося на шаткую почву силлогизма (а именно *privatio boni*) — Откровение Иоанна Богослова, XIV, 7. Даже очень христианский Яков Бёме не сумел отказаться от такого представления и ярко выразил его в своих "Сорока вопросах о душе".

Каплеобразная форма НЛО, указывающая на жидкую субстанцию, разновидность "воды", уступает в данном случае место круглой структуре, которая не только **смотрит**, но и, согласно старому толкованию, излучает смотрение (Свет) и даже обжигающий пылающий жар. Кто не помнит о непереносимом сиянии, исходящем от лика Моисея, после того как он видел бога? О "вечном огне, возле которого никто не может пребывать"? И о высказывании Иисуса: "Близкий мне, близок огню"?

В настоящее время опыт такого рода привлекает не теолога, а врача, в конкретном случае психиатра в качестве подходящего специалиста. Мне неоднократно приходилось консультировать людей, напуганных сновидениями и видениями. Такие случаи они считали симптомами болезни, предвещающими, быть может, даже душевную болезнь, но в действительности бывшими скорее "*somnia a Deo missa*" (сновидением, ниспосланным богом), т.е. подлинным и глубоко религиозным переживанием, случайно столкнувшимся с неподготовленным, невежественным и даже предубежденным сознанием. Более того, в настоящее время в этом отношении нет никакого выбора: все необычное может быть только болезненным, ибо последней истиной считается абстрактная середина, а не реальность. Чувство собственного достоинства вытесняется в пользу ограниченного интеллекта и предубежденного разума. Поэтому неудивительно, что наша пациентка после своего

приключения с НЛО очнулась в госпитале с обожженным лицом. Именно такую историю и следовало ожидать сегодня.

Второе сновидение отличается от первого тем, что оно четко описывает отсутствующее в последнем внутреннее отношение субъекта к НЛО. НЛО заметило сновидицу и не только направило на нее испытующее око, взгляд которого она понимает и на который отвечает, но и озарило ее магическим **жаром**, представляющим собой синоним внутреннего аффективного напряжения. Огонь — это символический эквивалент самого сильного аффекта, возникающего в данном случае абсолютно неожиданно. Несмотря на свой (оправданный) страх, сновидица устояла перед феноменом, как если бы он, в сущности, был безвредным, а теперь вынуждена убедиться, что он способен излучать опасный жар — утверждение, неоднократно встречающееся нам в литературе об НЛО, Это впечатление опять-таки представляет собой проекцию собственной, в таком качестве не сознаваемой эмоции, т.е. увеличившегося до аффекта чувства собственного достоинства, оставшегося, впрочем, неопознанным, В результате, согласно сновидению, изменилось даже лицо (ожог). Это напоминает об изменении не только облика Моисея, но и брата Клауса после его ужасного видения бога. Тем самым намекают на "неизгладимое" переживание, чьи следы видимы и другим, т.е. оно вызывает доказательные изменения во всем облике личности.

Правда, в психологическом отношении такое событие, пока оно не интегрировано сознанием, означает только потенциальное изменение. Поэтому брат Клаус почувствовал побуждение к длительным штудиям и медитациям, прежде чем ему удалось признать в ужаснувшем его зрелище видение Святой Троицы и в соответствии с духом эпохи превратить переживание в интегрированное содержание сознания, возложившее на него интеллектуальные и эстетические обязательства. Такая работа еще предстоит нашей сновидице и, быть может, всем тем, кто наблюдает НЛО, видит их во сне или распространяет слухи о них.

Символ божества совпадает с символом Самости, т.е. с тем, что, с одной стороны, означает опыт психической цельности, с другой — выражает идею божества. Тем самым утверждается не метафизическая идентичность двух сущностей, а лишь эмпирическая идентичность картин, возникших в человеческой психике, что явно следует и из нашего сновидения. Метафизическая предпосылка такой однородности ускользает, как и все трансцендентальное, от человеческого познания.

Мотив изолированного глаза божьего, который в нашем сновидении преподносится бессознательным как толкование феномена НЛО, подразумевался уже в древнеегипетской мифологии в виде **глаза Гора**, т.е. глаза сына, исцеляющего полуослепленного Сетом отца Осириса. Обособленность ока божьего предстает перед нами и в христианской иконологии.

Продукты (коллективного) бессознательного, т.е. картины, обнаруживающие бесспорный мифологический характер, необходимо включить в контекст истории символов, ибо они образуют язык врожденной психики и его структуру, а в отличие от психических склонностей ни в коем случае не является индивидуальным приобретением. Несмотря на свою первоклассную способность сознать и обучаться, человеческая психика, подобно психике животных, является природным феноменом и основывается на врожденных инстинктах, более или менее определенные формы которых складываются *a priori* (до опыта — *лат.*) и тем самым составляют специфическую наследственность вида. Своеволие, умысел, как и все индивидуальные различия, — позднейшие приобретения, обязанные своим существованием неприкрытой инстинктивности эмансипированного сознания. Там, где речь все же идет об архетипических формах, индивидуалистические способы объяснения заходят в тупик. Напротив, историко-символическое сравнение не только плодотворно по научным критериям, но допускает более глубокое понимание и с точки зрения практики. Историко-символическая "амплифицирующая" разработка дает результат, который прежде всего выглядит как обратный перевод на примитивный язык. Таким он оказался бы и в действительности, будь овладение бессознательным чисто

рациональным, а не целостным делом, т.е. не обладай архетип наряду со своим проявлением в виде формы одновременно и нуминозным качеством, т.е. практически действующим чувством собственного достоинства, последнее может быть бессознательным, поскольку допускает намеренное вытеснение. Однако вытеснение имеет ведущие к неврозу последствия, поскольку, невзирая на имеющийся аффект, просто прокладывает себе, как известно, выход в каком-то другом, неподходящем месте.

Как наглядно демонстрирует наше сновидение, феномены НЛО затрагивают бессознательные подосновы, которые исторически всегда выражались в **нуминозных представлениях**. Именно они обеспечивают толкование загадочного события, подчеркивают важность его наличия: важное потому, что речь идет не просто о второстепенных воспоминаниях или установлениях сравнительной психологии, а скорее об актуальных аффективных процессах.

Как никогда ранее, по техническим причинам воздушное пространство и небесные сферы привлекают необычное внимание. Особенно это относится к летчику, поле зрения которого заполнено, с одной стороны, сложной навигационной аппаратурой, с другой — безбрежной пустотой космического пространства. Его сознание односторонне сконцентрировано на тщательном наблюдении требуемых деталей, но бессознательное заставляет заполнять необозримую пустоту пространства. Однако его дисциплинированность, как и его так называемый *common sense* (здравый смысл — *англ.*), не позволяют ему наблюдать все то, что могло возникать изнутри и восприниматься для компенсации пустоты и одиночества околоземного полета. Подобная ситуация представляет идеальные условия для спонтанных проявлений психики. Это знает каждый, кто испытал продолжительное одиночество, безмолвие и пустоту океана, гор, пустыни и тайги. Рационализм и упрощение, по существу, следствия пресыщенной потребности во впечатлениях, отличающей городских жителей. Обитатель города ищет искусственных ощущений, чтобы спастись от своей пошлости, напротив, одиночка не ищет их, они настигают его вопреки желанию.

Из наблюдений за аскетической жизнью отшельников мы знаем, что по желанию или без него, т.е. без участия сознания, на сцену выходят психические компенсаторы биологических нужд анахорета: с одной стороны, позитивно оцениваемые, нуминозные фантастические картины, видения и галлюцинации, с другой — оцениваемые отрицательно. Первые порождает сфера бессознательного, воспринимаемая в качестве духовной, последние, как общеизвестно, — слишком знакомый мир влечений, который будет утолять голод полными блюдами и чашами и прочими пиршествами; сдерживаемому половому вожделению будут предложены обольстительные и сладострастные существа; картины богатства и мирового влияния будут заменять нищету и недостаток достоинства и власти, оживлять непереносимую тишину и одиночество толчеей, шумом и музыкой. Хотя в этом случае легко сказать, что речь идет об образах, вызванных вытесненными желаниями, и тем самым объяснить проекции фантазий, все же таким путем не удастся истолковать положительно оцениваемые видения, ибо они соответствуют не вытесненному желанию, а, напротив, полностью осознанному и поэтому неспособным создавать проекции. В виде проекции элемент психики может выступать только тогда, когда его принадлежность к Я остается неизвестной. Поэтому гипотезу о желаниях лучше исключить.

Отшельник стремится к духовному переживанию, и ради этого он вынужден терпеть суетных людей. Само собой понятно, что ущербный мир влечений реагирует посредством нежелательных проекций, впрочем, и духовная сфера отвечает проекциями положительной природы — неожиданным, так сказать, для нашего научного разума образом. Более того, кажется, что духовная сфера не испытывает никакой нужды, а с наивозможным самоотвержением наслаждается молитвой, медитацией и прочими духовными упражнениями. Согласно нашему предположению, ей, стало быть, вовсе нет необходимости компенсировать себя. Правда, ее односторонность, вынуждающая бедствовать тело, компенсируется с помощью бурных реакций мира влечений. Однако спонтанное появление положительных проекций, т.е. чувственных нуминозных картин, воспринимается как милость и божественное откровение, в таком качестве они

характеризовались с помощью содержания видений. Последние, видимо, ведут себя психологически так же, как неудовлетворенные влечения, несмотря на тот общеизвестный факт, что святой делает все, чтобы заботиться о своей духовности. Именно это позволяет духовному человеку не бедствовать и уметь обходиться без компенсации.

Если перед лицом этой дилеммы мы придерживаемся оправдавшейся на практике теории компенсации, то обязаны выдвинуть парадоксальное предположение, что духовная ситуация отшельника, несмотря на противоположную видимость, — это ситуация нужды, требующая соответствующей компенсации. Подобно тому как, например, физический голод утоляется, по крайней мере фигурально, видом отличного обеда, так и духовный голод насыщается созерцанием нуминозной картины. Впрочем, нам не очевидно, что его душа страдает от голода. Разумеется, анахорет предназначает всю свою жизнь добыванию *panis supersubstantialis* ("сверхматериального хлеба"), который только и утоляет его голод, но, кроме того, он имеет в своем распоряжении веру, доктрину и Святые Таинства церкви. В чем же он должен испытывать нужду? Но в действительности и, по правде говоря, он этим не насыщается и его неутоленное вожделение не реализуется. Очевидно, что ему недостает как раз реального события, **непосредственного опыта** духовной реальности, как бы она ни формировалась. Поначалу не важно, предстает ли она перед ним более или менее конкретно или символически. Разумеется, он ждет не физической осязаемости мирских вещей, а возвышенной неосязаемости духовного видения. Такой опыт сам по себе является более всего оцениваемой компенсацией неполноты и пустоты традиционных форм. Фактически ему является несозданный им нуминозный образ, который так же "действителен" (потому что "действует"), как и иллюзии его неутоленных влечений. Впрочем, из-за его реальности и спонтанности ему это так же желанно, как нежелательны иллюзии мира чувств. Пока нуминозные элементы пользуются более или менее традиционными формами, нет оснований для беспокойства. Но, когда они раскрывают свою архаичность посредством необычных и шокирующих качеств, положение дел становится сомнительным и неприятным. Возникает

сомнение, не являются ли они в концов столь же иллюзорными, как фантомы чувственного мира. Тогда случается так, что первоначально кажущееся божественным откровением позднее проклинается как *diabolica fraus*, бесовский обман. Критерий различения один-единственный — традиция, а не реальность или нереальность, как в случае с реальной или иллюзорной пищей. Видение — это психический феномен, подобный своему нуминозному содержанию. Духу откликается дух, тогда как при посте потребность в пище разрешается галлюцинацией, а не реальным обедом. В первом случае счет оплачивается наличными, в последнем, напротив, необеспеченным чеком. А поэтому в первом случае решение удовлетворяет, а в последнем оно явно недостаточно.

Однако структура феномена одна и та же. В случае физического голода человеку нужна реальная пища, а в случае духовного голода — нуминозный элемент, архетипический по своей природе и издавна представлявший собой естественное откровение, ибо христианская символика, подобно любым другим религиозным представлениям, основывается на архетипических образцах, имеющих начало в доисторических временах. Изначальная целостность символики включает все возможные интересы и инстинкты людей, что как раз защищает нуминозность архетипа. Поэтому в сравнительном религиоведении вновь и вновь религиозно-духовные аспекты соединяются с сексуальностью, голодом, влечением к борьбе и власти и т.д. В зависимости от обстоятельств особенно обильный источник религиозной символики образует именно то влечение, которое чаще всего считается свойственным эпохе, а стало быть, больше всего занимает индивида. Есть общества, в которых голод важнее сексуальности, и наоборот. Так, например, наша цивилизация меньше обременяет нас табу на пищу, чем сексуальными ограничениями. В современном обществе секс исполняет роль обиженного божества, сумевшего окольными путями отстоять свои притязания на все допустимые области, даже на область психологии, где пытается свести дух к сексуальному вытеснению.

Толкование *sub specie* (с точки зрения — лат.) сексуальности следует отчасти принимать всерьез. Если стремление к духовным целям не настоящий инстинкт, а всего лишь следствие определенного социального развития, то тогда напрашивается и чаще всего привлекает разум объяснение на основе сексуальных принципов. Но если даже придавать стремлению к целостности и к свободе характер настоящего влечения и строить объяснение главным образом на этом принципе, то все же сохраняется факт тесного сопряжения влечения со стремлением к целостности. За исключением религиозного желания, ничто не вызывает к сознанию и личности современных людей больше, чем сексуальность. Однако с высокой степенью достоверности можно также утверждать, что и влечение к власти безраздельно завладело человеком. Этот вопрос решается в зависимости от темперамента и субъективных предпосылок. Несомненно только то, что важнейшее из фундаментальных влечений, а именно религиозное влечение к целостности, в современном обыденном сознании играет самую незавидную роль, потому что с исторической точки зрения может освободиться из соединения или смешения с двумя другими только с большими усилиями и при постоянных рецидивах. В то время как последние могут постоянно опираться на свою известную каждому обыденность, первому для своей достоверности необходимо более или менее утонченное сознание, благоразумие, способность рефлексировать, ответственность и некоторые другие добродетели. Из-за этого оно совершенно не свойственно относительно неразумному, по природе порывистому человеку, поскольку последний, будучи привязан к знакомому ему миру, цепляется за обыденное, броское и поэтому правдоподобное и коллективно признанное, следуя девизу: "Думать трудно, поэтому пусть судит большинство!" Ему представляется важным облегчением своего существования, когда нечто кажущееся сложным, необычным, трудным для понимания, проблемным удается свести к чему-то обычному, даже банальному, когда решение кажется удивительно простым и, кроме того, остроумным. В качестве самого первого объяснения у него наготове существующая всегда и везде сексуальность, как и равно знакомое влечение к власти. Сведение к этим двум доминирующим

фундаментальным влечениям доставляет рационалистической и материалистической установке разума, как правило, плохо скрытое удовлетворение, которое не следует недо оценивать, потому что тем самым по видимости легко и основательно упраздняется опасная как для интеллектуалов, так и для морали трудность; к тому же наслало даются чувством, что завершена полезная просветительная работа ради освобождения индивида от излишнего морального и социального напряжения. Просветителя ждет слава благодетеля человечества. При более тщательном анализе положение дел выглядит совершенно иначе: освобождение от трудной и поначалу кажущейся неразрешимой задачи приводит сексуальность к худшему, т.е. рационалистическому, вытеснению или опустошающему душу цинизму, а влечение к власти — прежде всего к социалистическому идеализму, победившему, впрочем, в половине мира в виде коммунистического государства-тюрьмы. Тем самым именно то, чего, собственно, намерено достичь стремление к целостности, а именно освобождение индивида, в результате насилия над двумя другими влечениями превращается в свою противоположность. Поставленная задача вместе со своей энергией остается неразрешимой и в почти патологической степени усиливает притязания двух других влечений, издавна препятствовавших более высокому развитию человека. Во всяком случае, оно оказывает характерное для нашего времени невротизирующее воздействие и, по существу, несет основную вину за расщепление индивида и мира вообще. Разумеется, **Тени** не допускают этого, и, таким образом, правая рука не знает, что делает левая.

Поэтому положение дел правильно понимает церковь, которая, несмотря на то что считает половые прегрешения "простительными", считает сексуальность главным врагом и отыскивает ее во всех закоулках. Тем самым обостряет сексуальное сознание, вредное для слабых умов, однако раздумья и укрепление сознания оказывают им поддержку. Великолепный расцвет католической церкви во всем мире, что вызывает упреки в ее адрес со стороны протестантов, имеет очевидную цель — наглядно продемонстрировать естественному влечению к власти силу духа, что неизмеримо действеннее, чем наилучший логический

аргумент, следовать которому никто не жаждет. Только небольшая толика тысячной доли населения внимает поучениям. Все остальное проистекает из суггестивной силы наглядности.

После отступления снова вернемся к проблеме сексуального толкования. Если мы попытаемся определить психологическую структуру религиозного, т.е. интегрирующего, исцеляющего, спасающего, всеобъемлющего, переживания то, видимо, простейшей формулой, которую мы способны для него найти, будет следующая: **В религиозном переживании человек встречает другое превосходящее духом существо.** Относительно этого существа есть только свидетельства, но нет физических или логических доказательств. Оно предстает перед человеком в психическом облачении. Без усилия его нельзя объяснить как исключительно духовное, ибо наблюдение немедленно вынудило бы нас отказаться от подобной оценки, и именно тогда, когда в соответствии с психической склонностью являющееся принимает, например, форму сексуальности или другого недуховного побуждения. Только Всемогущее, вне зависимости от использованной формы выражения, способно подвинуть человека в целом и принудить его к целостной реакции. То, что такие данности существуют или даже должны существовать, не удастся доказать. Нет никаких доказательств того, что они не просто психические феномены, ибо их достоверность целиком и полностью основывается на свидетельствах и исповедях при грубой недооценке души, характерной для нашей преимущественно материалистической и статистической эпохи; это звучит как осуждение религиозного переживания. Тогда посредственный разум прибегает к неверию или к легковерию, ибо для него "душа" подобна неуловимому пару. Есть либо документированные факты, либо ничего, кроме иллюзий, созданных вытесненной сексуальностью или компенсацией неполноценности. В противоположность ему я, однако, предложил признать специфическую реальность души. Ибо, несмотря на прогресс химии, мы еще далеки от возможности биохимически объяснить сознание. Напротив, химия обязана признать, что ее законы не объясняют даже избирательный процесс ассимиляции пищи, не говоря уже о саморегуляции и самосохранении организма. Если все же душа реальна, видимо, она соответствует реальности жизни

и, кроме того, согласуется с законами формообразования неорганического. Наконец, ей также присуще качество, которое более всего не хотелось бы считать истинным, т.е. тот делающий относительными пространство и время фактор, к пониманию которого стремится парапсихология.

Со времени открытия эмпирического бессознательного душа и все, что в ней происходит, становится естественным событием, а не произвольным мнением, чем она, видимо, была бы, не будь обязана своим проявлением намерению бездонного сознания. Однако сознание с его калейдоскопической подвижностью основывается, как мы узнали благодаря открытию бессознательного, на, так сказать, статистическом или по меньшей мере глубококонсервативном основании инстинктов и его специфических форм — архетипов. Этот мир подоснов^{*} проявляет себя как противовес сознанию, который в силу своей подвижности (обучаемости) часто подвергается опасности утратить свои корни. В результате этого наблюдения люди с незапамятных времен чувствуют себя вынужденными совершать религиозные обряды, цель которых — обеспечить сотрудничество бессознательного, В примитивном мире живут без расчета; постоянно поминают богов, духов, фатум и магические свойства места и времени, правильно понимая, что отдельная воля человека представляет собой только частичку целостной ситуации. Действия первобытного человека обладают цельным характером, от чего, как от излишней нагрузки, пытается освободиться цивилизованный человек, Кажется, что дела идут и без этого. Такое явление имеет важное значение, в одной части как положительное развитие дискриминируемого сознания, но в другой части как почти равный ущерб, поскольку разлагает первоначальную целостность на самостоятельные противоборствующие друг другу функции. Соответствующая влечениям дифференциация сознания неизбежна; столь же неизбежны, наряду с преимуществами, недостатки, со стоящие в раздроблении первоначальной целостности В новейшее время эти утраты стали ощущаться все острее. Напомню только о переживании дионисийского про рыва у Ницше и о том течении в немецкой философии самым ярким симптомом которого является, пожалуй книга Клагеса "*Der Geist als Widersacher der Seele*". В результате расщепления

отдельные функции сознанию дифференцируются и соответственно могут уклониться от контроля со стороны других функций, достигая тем самым определенной самостоятельности и воздвигая собственный мир, в который другие функции до пускаются лишь в той мере, в какой они способны подчиняться доминирующей. Но в результате сознание утрачивает равновесие: начинает преобладать интеллект, затем оценочное суждение вынуждено удаляться от чувства *et vice versa* (и т.д. — *лат.*). Когда доминирует ощущение (*fonction du reel*), то прежде всего осуждается интуиция ибо последняя чаще всего пренебрегает осязаемыми фактами, и, наоборот, преобладающая интуиция живет в мире простых и недоказанных перспектив. Вместе с подобным развитием осуществляется полезная специализация, как, впрочем, и одиозная односторонность.

* Здесь я вынужден просить читателя не впадать в пошлую ошибку, что эти одосновы якобы "метафизические". Такое понимание — грубая оплошность, которую академические мудрецы могли бы приписать и себе. Скорее речь идет об инстинктах, которые влияют не только на внешнее поведение, но и на психическую структуру. Душа — не произвольная фантазия, а биологический факт, подчиненный законам жизни.

Именно наша способность к односторонности подвигает нас рассматривать вещи под одним углом зрения и, по возможности, сводить их к единственному принципу. В области психологии такая установка неизбежно ведет к односторонним объяснениям. Например, в случае преобладания экстраверсии психика в целом сводится к влиянию окружающей среды, при интроверсии — к врожденной психофизической предрасположенности и к соответствующим ей интеллектуальным эмоциональным факторам. И та, и другая точки зрения склонны механизировать психический аппарат. Желая предоставить равное слово обоим способам рассмотрения обречён на неопределенность. Необходимо пользоваться обеими точками зрения, но результатом этого станет ряд парадоксальных положений. Поэтому во избежание неприятной множественности принципов объяснения предпочитают одно из легко различимых фундаментальных влечений за счет других. Ницше все основывает на власти,

Фрейд — на удовольствии и на отказе от него. Если у Ницше бессознательное по меньшей мере отчетливо воспринималось в качестве фактора, а у Фрейда становится *conditio sine qua non* (необходимым условием — *лат.*) впрочем, не отбрасывается полностью разделение на два фактора и признается то, что в бессознательное не входит "ничего кроме" вытесненного, то у Адлера поле зрения ограничивается психологией "высочки" ("индивидуальной психологией"), при этом бессознательное как определяющая величина вообще сводится на нет. В поколении учеников такая же судьба постигла и "психоанализ" Фрейда. Важнейшие дополнения Фрейда к психологии бессознательного ограничились одним архетипом "Эдипова комплекса" и у близких учеников не были развиты дальше. Необходимость учитывать сексуальный инстинкт в случае инцестуозного комплекса настолько очевидна, что с этим мог бы согласиться даже мировоззренчески ограниченный разум. То же относится и к притязаниям субъекта на власть у Адлера. Оба хватаются за предпосылку одного инстинкта, не оставляющего никакого места для других и поэтому неизбежно заводящего в специфический тупик фрагментарного объяснения. Напротив, обнадеживающее дополнение Фрейда указывает на хорошо документированную историю рождения психики, дающую примерный образ целостной души. Ведь она проявляет себя не только в ближайшем окружении личности, но и далеко за ее пределами в виде проявлений коллективной психики, которые Фрейд в принципе правильно почувствовал, описывая, например, понятие "Сверх-Я". Слишком долго метод и теория оставались преимущественно в руках врача, постоянно и поневоле имеющего дело с индивидами и с их насущными личными проблемами. Исследование основ науки, как и ее исторически важных потребностей, было совершенно естественно далеко от него, а естественнонаучная подготовка и практика не помогли ему, когда он захотел представить себе всеобщие предпосылки психологического знания. По этой причине Фрейд чувствовал необходимость перескочить через безусловно утомительную ступень сравнительной психологии и рискнуть приблизиться к изобилующей догадками и ненадежной предыстории человеческой психики. Он покинул надежную почву,

поскольку не прислушивался к знаниям этнографов и историков, а прямо переносил в обширную область примитивной психологии представления, выработанные в часы приема современных невротиков. Он недостаточно осознал тот факт, что при других обстоятельствах сдвигаются ценностные акценты и действуют другие психические доминанты. Школа Фрейда остановилась на мотиве Эдипа, т.е. на архетипе инцеста и тем самым на преимущественно сексуалистском понимании при полной недооценке того обстоятельства, что комплекс Эдипа — сугубо мужское дело, сексуальность — не единственно возможная доминанта психического события, а инцест в результате сплетения с религиозным инстинктом — скорее выражение, чем причина последнего. Не буду упоминать свои опыты в этом направлении, так как для большинства они остались книгой за семью печатями. Это большинство не следует осуждать, поскольку даже Фрейд, несмотря на "Эдипов комплекс", был не в силах постичь справедливость моей точки зрения. Его "психоаналитическое" направление осталось скованным сексуальной теорией.

Впрочем, сексуальная гипотеза обладает значительной силой убеждения, поскольку ссылается на фундаментальный инстинкт. То же относится и к гипотезе о власти, способной опереться на влечение, характеризующее не только отдельного человека, но лежащее в основе политических и социальных устремлений. Столкновение или даже соединение двух точек зрения ничего не прибавляет, пусть даже признается своеобразная природа Самости, охватывающая и индивида, и общность. Как показывает опыт, архетипы обладают качеством **трансгрессивности**, т.е. при соответствующих условиях проявляют себя таким образом, словно они в равной мере принадлежат и обществу, и индивиду; по этой причине они ну-минозны и заразительны. (Они результат волнения, которое волнует.) В определенных, довольно частых случаях трансгрессивность служит поводом осознаваемого совпадения двух событий, т.е. акаузальных, синхронистических феноменов, подобных, например, результатам *Extrasensory Perception* (экстрасенсорного восприятия — *англ.*) Райна.

Инстинкты — это части живой целостности. Их высвобождение по отдельности ведет к хаосу и

возрастающему нигилизму, потому что они уничтожают единство и целостность индивида и тем самым разрушают последнего. Впрочем, сохранить или восстановить индивида было бы задачей психотерапевта в лучшем смысле этого слова. Порождать рационалистов, материалистов, специалистов, техников, короче, существователей, которые, не сознавая своего происхождения, погрязли в современности и содействуют расщеплению социальности, не может быть задачей воспитания, а следовательно, никакая психотерапия, ограничивающая свое поле зрения одним аспектом, не может привести к удовлетворительному исцелению. Однако склонность к этому столь велика, а опасность утраты инстинктов в условиях захватывающей дух интенсивности современной цивилизации столь неотложна, что каждое проявление инстинктов должно привлекать заботливое внимание, так как относится к образу целостности и существенно для равновесия человека.

По этим основаниям сексуальный аспект заслуживает нашего внимания, ведь он демонстрирует, что столь мощный инстинкт, как сексуальность, соучаствовал в структуре явления. Вероятно, не случайно, что соответственно сообщениям об НЛО в форме линзы или сигары в одном сновидении выступает женский, а в другом — мужской символ, там, где появляется одно, можно ожидать в Другое.

Видение представляет собой символ, состоящий не только из архетипических форм представления, но и из частей влечения, а благодаря этому может обоснованно претендовать на "реальность". Оно не только "исторично", но актуально и динамично. А поэтому захватывает не только осознанную технизированную фантазию человека или его философские спекуляции, но даже глубины его "животной" природы. От подлинного символа ожидают как раз того, что именно он — разумеется, приближенно — выражает и волнует всего человека. В этом случае, как бы ни казалось неудовлетворительным толкование с точки зрения сексуальности, все же вклад со стороны "животной природы" ни в коем случае нельзя упускать из виду, а следует достойно оценить.

В обоих сновидениях проявляется и влечение к власти: сновидица оказывается в исключительной ситуации, т.е.

выделяется, более того избирается той единственной, чей лик обжег божественный огонь. Оба толкования в той мере, в какой они претендуют на исключительность, расчлняют символический смысл сновидений и индивида в пользу проявления влечения. Еще раз констатируется ничтожество индивида, с одной стороны, и всевластие влечения — с другой. Впрочем, для каждого, кто еще это не осознал, такая констатация означает новость, производящую большое впечатление. Однако наша сновидица никак не относится к толпе наивных простаков. Поэтому было бы неуместно на ее примере предпринимать подобную редукцию смысла сна. Напротив, она принадлежит к тем современникам, которые понимают, что означает расщепление индивида. Парализующее чувство ничтожности и потерянности компенсирует сновидение: она — единственная, кто устоял перед паникой и понял ее причины. На нее нацелено вземное явление, и оно позволяет ей почувствовать свою мощь с помощью зримых следов. Она выделяется в качестве "избранной". Конечно, такой жест бессознательного полезен только там, где чувство неполноценности и бессмысленности чисто функционального существования угрожает удушением личности.

Наш случай — это парадигма для широко распространенного страха и ненадежности рассудка — в то же время классически демонстрирует компенсацию, исходящую из бессознательного.

Сновидение 3

Это сновидение — выдержка из более обширного текста: его видела и описала примерно шесть лет назад одна 42-летняя пациентка. Тогда она вообще ничего не слышала о "летающих тарелках" или о чем-то подобном.

Во сне она видела, будто стояла в саду, когда внезапно над ней послышалось гудение мотора. Она оперлась на стену сада, чтобы посмотреть, "что за суматоха". Появилась черная, металлическая форма и стала кружиться над ней: это — огромный летающий металлический паук с большими, темными глазами. Он круглой формы. Это новый уникальный самолет. Изнутри паука

торжественно звучит громкий, четкий голос, который произносит молитву, указующую, наставляющую как людей на земле, так и пассажиров паука. Смысл молитвы: "Направь нас вниз и надежно поддержи.., Вознеси нас!" По соседству с садом стоит огромное административное здание, в котором принимаются международные решения. На удивительно малой высоте паук пролетает почти вплотную к окнам здания, очевидно, чтобы голосом повлиять на его обитателей и наставить их на путь, ведущий к миру, т.е. во внутренний таинственный мир. Его обитатели обязаны принять мирные решения. В саду есть и другие зрители. Сновидица чувствует себя несколько сконфуженно, потому что полураздета.

Комментарий к сновидению 3

В части сновидения, предшествующей приведенному отрывку, констатировалось, что кровать сновидцы стоит у стены, окружающей сад. Значит, она спала под открытым небом, чем давалось понять, что во время сна и после него она изображала "свободную природу", т.е. с психологической точки зрения внеличностное коллективное бессознательное, конечно же, соответствующее нашей природной среде и постоянно на нее проецируемое. Стена будет означать границу, отделяющую ближайшее окружение сновидцы от отдаленного (административное здание). Появляется круглая "металлическая форма", названная "летающим пауком". Такое название вполне подходит НЛО. Относительно обозначения "паук" следует вспомнить о гипотезе, будто НЛО — разновидность насекомых, прилетевших с других планет и обладающих блестящими металлическим корпусом. Это похоже на металлоидный хитиновый панцирь наших жуков. Каждое НЛО — это как бы отдельное насекомое*. Должен признаться, что при чтении многих сообщений мне самому приходила в голову мысль, что своеобразное поведение НЛО больше всего напоминает какое-то насекомое, И уж если воспользоваться таким вариантом, то

* E. Sievers (Flying Saucers uber Sudafrica), P. 57, упоминает о гипотезе Джеральда Хирда, согласно которой речь идет о пчелах с Марса (The Riddle on the Flying Saucers. L., 1950). Харольд Т. Уилкинс (Flying Saucers on the Moon) упоминает о сообщении, согласно которому выпадают (в виде дождя) нити, спряденные неизвестными пауками.

допустимо, что в других условиях жизни природа способна подтвердить свое "знание" еще в одном направлении, кроме физиологического производства света и тому подобного, например, в **антигравитации**. Ведь наша технизированная фантазия все равно зачастую опаздывает по сравнению с фантазией природы. Все предметы нашего опыта подвержены гравитации, за одним заметным исключением — **душой**. Именно она сама по себе обладает опытом невесомости. Психический "объект" и гравитация для нашего знания несопоставимы. Они кажутся принципиально различными. Душа представляет единственную известную нам противоположность гравитации. Она антигравитационна в подлинном смысле слова. В подтверждение этого мы можем привлечь также наблюдения парапсихологии, например левитацию и другие, делающие относительными пространство и время психические феномены, отрицать которые станет только человек несведущий. Очевидно, в основе "летающего паука" лежит бессознательная фантазия подобного рода. И литература об НЛО также намекает на летающего паука мнимым нитевидным дождем Олоруна и Гайлака*, Кроме того, сновидение не преминет пойти на уступки современной технизированной фантазии, утверждающей, что речь идет о "новом, единственном в своем роде самолете".

*Aime Michel "The Truth about Saucers".

Психическая природа паука обнаруживается в том, что внутри него заключен голос, явно исходящий от человекоподобного существа. Этот своеобразный феномен напоминает о сходных случаях у душевнобольных, способных слышать голоса из любого тела. "Голоса", подобно видениям, являются автономными проявлениями органов чувств, вызываемых деятельностью

бессознательного. "Голоса из эфира" встречаются и в литературе об НЛО*.

* Н.Т. Wilkins "Flying Saucers on the Moon", p. 138.

Следует обратить внимание на выделение **глаз**, взгляд и направленность которых выражает "умысел". Умысел открывается с помощью глаза, обращающего послание, с одной стороны, к жителям земли, с другой — к "пассажирам паука". Рассуждая последовательно, здесь появляется другой вариант, скорее всего, вызываемый ассоциацией с "самолетом", а именно вариант машины, перевозящей пассажиров. Очевидно, что последние мыслятся по меньшей мере человекоподобными, ибо одно и то же послание предназначено и для них, и для людей. Поэтому можно предположить, что и те, и другие просто различные аспекты человека, скажем, эмпирического человека внизу на земле и духовного сверху на небе.

Шифрованное послание или молитва произносится голосом одиноким — очевидно, молещиком или проповедником. Он обращается к ведомым и несомым, т.е., вероятно, к пауку. Вследствие этого мы обязаны подробнее исследовать символ паука. Как известно, в наших широтах это совершенно безобидное насекомое является для многих людей предметом ужаса и суеверного почитания (*araignee du matin, grand chagrin, araignee du soir, grand espoir*). Если у кого чердак (мозг) не совсем в порядке, то он "рехнулся" (букв, "плетет паутину") и у него "паутина в чердаке". Исходящий от паука ужас наглядно описал наш соотечественник Иеремия Готхельф в своем "Черном пауке". Пауки и все другие нетеплокровные или не обладающие цереброспинальной нервной системой животные, будучи символами сновидения, функционируют в роли представителей глубоко чуждого нам психического мира. Насколько я могу знать, чаще всего они выражают элементы психики, хотя и активные, но еще долгое время не доступные сознанию, т.е. в определенной степени еще не вошедшие в область цереброспинальной нервной системы, а как бы остающиеся в глубинной области симпатических или парасимпатических нервов. Так, я вспоминаю сновидение одного пациента, ощущающего невероятные трудности и препятствия в отношении идеи о преобладании и решающей роли психической целостности. При чтении моих трудов он

перенял мои идеи, не научившись принципиально различать "Я" и "Самость", из-за отягощенной наследственности ему грозило болезненное разочарование в себе. В этой ситуации ему приснилось: в поисках чего-то он обшаривал глинобитный пол своего дома и обнаружил в слуховом окне чудную паучью сеть, в центре которой сидел огромный крестовик. К тому же был он голубого цвета, а его тело сверкало, как бриллиант.

Сновидец находился под сильным впечатлением от сна. Фактически сновидение — это и превосходный комментарий к опасной, ввиду его наследственности, идентификации с собой. Ибо в таких случаях существует реальная слабость Я, не способного даже предположительно занимать второе место. Оно неизбежно стало бы подчеркивать собственное ничтожество, что ни при каких обстоятельствах не допустимо. Однако иллюзии нежизнеспособны, потому что болезненны, ведь раньше или позже о них споткнутся. Поэтому сновидение пробует внести, как говорится, корректуру, подобно Дельфийскому оракулу, заканчивающему двусмысленность. В известной степени сновидение говорит: "То, что мешает твоей голове (глинобитный пол) и чего ты не осознаешь, — редкой ценности. Оно подобно чуждому тебе зверю, символизирующему ряд концентрических кругов и поэтому напоминающему о центре малого или большого мира, подобно оку божьему в средневековом описании универсума". В результате подобного сопоставления здоровый разум представил бы такое сходство с богом параноидальным и воспротивился бы идентификации с центром. Попавший в эту паучью сеть запутывается и лишается жизни. Он изолируется от человеческого общества. Общество не может больше добраться до него, а он — до общества. Он одинок, как творец мира; существует вселенная и ничего более. Если к тому же душевно больным был и отец, то существует опасность, что и сын начнет "свихиваться", и поэтому паук обладает синистральным аспектом, который нельзя упустить из виду.

В сновидении круглый металлический паук означает, видимо, нечто подобное: он уже явно проглотил некоторое количество людей или их душ и поэтому может стать угрозой для жителей Земли. Поэтому молитва призвана

побудить паука, который тем самым признается "божественным", "выпустить" души вниз, т.е. на землю, а не на небо и "надежно поставить их внизу", потому что они еще не "усопшие" призраки, а живые земные существа. В таком качестве им предопределено завершить земное существование и не допустить духовного обесценивания, в противном случае они закончат жизни в чреве паука: другими словами, они не должны ставить свое Я на самый верх и тем самым поднимать его на уровень последней инстанции, а, наоборот, обязаны постоянно помнить, что Я — не только хозяин в доме, но и со всех сторон окружен мощной силой, называемой нами бессознательным. Мы не знаем, чем оно является само по себе. Нам известны только его парадоксальные проявления. Это приближает нас к пониманию природы, требует быть с ней терпеливым, потому что она весьма запутана и сложна. Ведь не так давно были медицинские светила, "не верившие" в бактерий и поэтому допустившие смерть от родильной горячки только в одной Германии примерно 20 тыс. молодых женщин. Опустошения души, вызываемые духовной косностью "специалистов", "изъяты" из статистики, из чего заключают, что они не существуют.

Призыв оставаться внизу в земной сфере сразу же, хотя и парадоксально вытекает из просьбы: "Вознеси нас". Можно было бы вспомнить о словах Фауста: "Погрузитесь же, я мог бы также сказать: "Поднимитесь!", если бы не надо было учитывать, что сновидица с помощью хиатуса* четко отделила спуск вниз от подъема вверх. Тем самым указывалось на то, что речь идет о последовательности, а не о *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей), т.е. в расчет явно принимают этический процесс, а именно анабазис и катабазис: семь ступеней вниз и семь ступеней вверх, погружение в кратер и последующий подъем к "обитателям небес" в ходе мистерии преобразования. И месса начинается с "*Confiteor quia peccavi nimis*" и т.д. Видимо, нисхождение требует наставника, потому что человеку с трудом удается спуститься с вершины и находиться внизу. В первую очередь бояться потери социального престижа, а во вторую — утраты морального самосознания в процессе вынужденного признания собственной мерзости. Поэтому удивительным образом могут уклоняться от самокритики, поучая других и ничего не

зная о себе самом. Радуются отсутствию самопознания, поскольку в этом случае ничто не нарушает розовое сверкание иллюзий. "Низ" — это реальная почва, оказывающая влияние, несмотря на все самообманы. Достичь этого низа, да еще остаться там, представляется чрезвычайно важным, если предположить, что люди сегодня более или менее неуверены относительно своего статуса. Этот вывод, претендующий на универсальность, следует из сновидения которое представляет проблему некоей человеческой группы и поэтому характеризует ее как коллективную проблему. Более того, сновидение отмечает это в отношении всего человечества, поскольку паук пролетает почти вплотную с окнами, где принимаются "международные решения". Он намерен "повлиять" на заседающих там людей и направить их на путь, ведущий во "внутренний мир", т.е. к самопознанию. Сновидение надеется, что самопознание "сделает возможным мир". Тем самым паук играет роль **спасителя, который увещевает и доставляет целительное послание.**

Напоследок сновидица обнаруживает, что она не вполне одета. Это часто встречающийся мотив сновидения, как правило, указывает на недостаточное приспособление или на относительную неосознанность ситуации, в которой находятся. Ссылка на собственную греховность особенно уместна, если претендуют на то, чтобы открыть глаза другим, в таких случаях это дает некоторую защиту от зазнайства.

В наше время призыв "оставаться внизу" неоднократно давал теологии повод для беспокойства. Опасаются осуждаемого в данном случае с позиций психологии ослабления нравственной позиции. Психология же предлагает нам в первую очередь четкое знание не только зла, но и добра. При этом опасность впасть в грех меньше, его не сознают. Для познания же зла недостаточно одной психологии. Никто, смотрящий правде в глаза, не вправе забывать об этом; он гораздо реже падает в яму, чем слепой. Со стороны теологии исследование бессознательного подозревается в гностицизме, а его этическая проблематика — в антиномизме и вольнодумстве. Никто в здравом рассудке не будет предполагать, что глубокое исповедание в грехах и последующее покаяние —

гарантия от будущих грехов. Можно держать пари — тысяча против одного, — что в одночасье он опять примется грешить. Более глубокое психологическое знание показывает даже, что вообще нельзя жить без греха "*cogitatione, verbo et opere*" (в мыслях, на словах и на деле). Только крайне наивный и невежественный человек способен вообразить, будто он в состоянии избежать грехов. Психология уже не может руководствоваться подобными детскими иллюзиями, а должна следовать истине и констатировать, что неведение не только не оправдывает, но и является одним из самых гнусных грехов. Человеческий суд может освободить от; наказания, но тем безжалостнее мстит природа, которая не беспокоится о том, сознается вина или нет. Из притчи о неверном управителе*¹ можно понять, что господин хвалит своего слугу, выставившего ложный счет, потому что он "догадливо поступил", совершенно отвлекаясь от того (выброшенного) места в Лук., VI, где Христос говорит нарушителю субботы: "Если ведаешь, что творишь, то праведен" и т.д.

Взросшее значение бессознательного означает то же, что и богатый жизненный опыт и выросшая сознательность, и поэтому наделяет нас с виду новыми, требующими нравственного решения ситуациями. И хотя последние были всегда, но интеллектуально и морально они воспринимались менее остро и часто не без умысла оставались в тени. Этой небрежностью до некоторой степени обеспечивается алиби и тем самым может отклоняться этическое решение. Но если обретают более глубокое самопознание, то перед собой видят зачастую гораздо более сложные проблемы, а именно коллизии **долга**, которые не поддаются решению ни по каким предписаниям по десяти заповедям, ни в соответствии с какими-то другими авторитетами. Впрочем, лишь тогда и принимаются нравственные решения вообще, ибо просто следование кодифицированному "Ты должен" является не этическим решением, а простым актом послушания или при некоторых обстоятельствах удобной уловкой, имеющей только негативное отношение к этике. На своем долгом веку я не встречал ни одной ситуации, когда мне навязывался бы отказ от этических принципов или хотя бы только сомнение в них, напротив, с ростом опыта и знания обостряются этические проблемы и возрастает моральная ответственность. Мне ясно, что в

противоположность общепринятому мнению бессознательное представляет собой не оправдание, а скорее проступок в подлинном смысле слова. Хотя, как упоминалось выше, намек на последнюю проблему содержался еще в Евангелии, церковь по понятным причинам не принимала ее, а отдавала на откуп гностицизму, занимающемуся этим серьезнее. В таких случаях ссылаются на учение *privatio boni* и, кроме того, надеются узнать, что в зависимости от обстоятельств является добром или злом, и заменяют нравственным кодексом истинно этическое, т.е. **свободное** решение. Тем самым моральность опускается до законопослушного поведения, а *felix culpa* остается уделом рая. Удивляются нравственному падению нашего века и сопоставляют застой в этой области с прогрессом науки и техники. Однако не принимают в расчет, что этос забыл громкие моральные предписания. Однако этос сложный предмет, который нельзя сформулировать и кодифицировать, он принадлежит к тем творческим иррациональностям, на которых основывается любой реальный прогресс. **Он требует всего человека**, а не просто его дифференцированных функций. Конечно, дифференцированные функции связаны с человеком, с его трудолюбием, терпением, настойчивостью, с его стремлением к власти ("Macht" — власть — происходит от machen — делать) и его одаренностью.

Благодаря им двигаются вперед и "развиваются". Исходя отсюда осознали, что означает развитие и прогресс: это усилие человека, его воли и возможностей. Впрочем, перед нами только одна сторона. С другой — человек является тем, что он есть и чем он себя ощущает. В этом он не в состоянии ничего изменить, так как зависит от условий за пределами собственного круга. Здесь он не хозяин положения, а продукт, не способный сам себя изменить. Он не знает, как оказался в состоянии единственного в своем роде, и к тому же у него в высшей степени недостаточное знание самого себя. Еще недавно он даже считал: его психика состоит из того, что он знает о самом себе и что является продуктом коры головного мозга. Последовавшее более полувека назад открытие бессознательных психических процессов еще далеко от того, чтобы стать всеобщим достоянием или быть признанным важным. Например, человек еще даже не знает, что он бесспорно

зависит от действия своего бессознательного, способного обрывать напрашивающуюся фразу, которую он приготовился произнести. Он не подозревает, что им что-то **движет**, когда он рассматривает сам себя исключительно как деятеля. Он зависим и движим естеством, которого не знает, о котором, однако, создает представления, "пришедшие в голову", или — точнее — открывшееся в сумеречной, доисторической древности, давно забытой людьми. Откуда они возникли? Очевидно, из бессознательных процессов, из так называемого бессознательного, которое снова и снова в каждой новой человеческой жизни предшествует сознанию, как мать ребенку. Бессознательное постоянно проявляется в сновидениях и видениях и поставляет сознанию картины, которые в противоположность фрагментарному функционализму сознания выделяют обстоятельства только с виду относящиеся к функциям, почти исключительно интересующим людей, а на самом деле принадлежавшим к почти неизвестной цельности человека. Разумеется, сновидения чаще всего говорят на "специальном языке" — *canis pan em somniat, piscator pisce**, — но подразумевают целое, по меньшей мере то, что все еще является человеком, а именно данное и в высшей степени зависимое.

* Собаке снится хлеб, рыбаку — рыба.

В своей жажде свободы человек чувствует почти инстинктивное неприятие такого рода знания, ибо боится с некоторыми основаниями его парализующего воздействия. Правда, следует добавить, что подобная зависимость от неизвестных сил — безразлично, как бы они ни назывались — существует; однако от нее отворачиваются с возможной быстротой, как от опасного препятствия. В благоприятных условиях такое поведение может быть даже полезным, но оно не всегда идет во благо, особенно не сегодня, когда, невзирая на эйфорию и оптимизм, ощущается вибрация, проходящая по основанию нашего мира. Конечно, наша сновидица — не единственный человек, который этого опасается. Соответственно сновидение изображает коллективную потребность и коллективное увещание спуститься на землю и не подниматься вновь, так, словно паук поднимет наверх оставшихся внизу. В той мере, в какой функционализм овладел сознанием, именно

бессознательное содержит компенсирующий символ целостности. В данном случае это, как говорится, было сделано наглядным с помощью образа летающего паука. Последний — носитель односторонности и фрагментарности сознания, и нет никакого развития вверх, если бессознательное этого не допускает. Одно сознательное желание неспособно ускорить такой творческий акт. Для наглядного пояснения сновидение избирает символ **молитвы**. Так как после Павла мы действительно не знаем, почему необходимо просить, то молитва не означает ничего, кроме "стенания", выражающего наше бессилие. Тем самым нам была навязана позиция, которая компенсировалась суевериями в отношении человеческих желаний и возможностей. Однако в этом проявлялась регрессия религиозного представления к звероподобному символу высшей силы, т.е. возврат к давно забытой ступени, где змея, обезьяна или заяц персонифицируют спасителя. Сегодня христианский "агнец божий" или "голубь" Святого духа претендуют всего лишь на значение метафоры. В противоположность этому следует, однако, подчеркнуть, что в сновидческой символике животные означают инстинктивные процессы, которым принадлежит основная роль в биологии животных. Именно они в решающей мере обуславливают и формируют ход жизни животных. В повседневной жизни человеку, видимо, не нужны никакие инстинкты, и уж не тогда, когда он убежден во всемогуществе своей воли. Человек игнорирует важность инстинктов, обесценивает; последние вплоть до полного отказа от них, и не видит, насколько, в результате утраты инстинкта, он подвергает опасности даже собственное существование. Если по этой причине сновидения выделяют инстинкт, то этим они пытаются заполнить опасную для жизни пустоту в нашей приспособительной деятельности. Об удалении от инстинкта свидетельствуют **аффекты**, которые и в сновидении выражаются с помощью животного. Поэтому "необузданные" инстинкты с полным основанием считаются звериными или примитивными, и по этой причине их нужно избегать. Однако без вытеснения, т.е. без расщепления сознания, от них нельзя уклониться. В реальности нельзя упразднить силовое превосходство инстинктов, где-то они находят место, даже если их нельзя обнаружить в сознании. В худшем случае они проявляют себя в неврозе или в

бессознательной организации "необъяснимых" дурных случаев. Святой, вроде бы свободный от этих слабостей, оплачивает свое преимущество страданиями и отречениями от своего земного качества, без чего он и не был бы святым. Жизнь святых показывает, что из этого получается. Никто не избегнет цепи страданий, ведущих к болезни, к старости и к смерти. В интересах гуманности можно и нужно "обуздать" аффект, т.е. держать себя в узде, но знать при этом, что такое достижение необходимо дорого оплачивать. Иногда нам предоставлялся выбор валюты, в которой мы будем оплачивать дань.

"Пребывание внизу" и подчинение звероподобным символам, воспринимаемое нами как *crimen laesae maiestatis humanae* (преступление, заключающееся в оскорблении человеческого величия — *lat.*), не будет, пожалуй, означать ничего, кроме того, что эти простые истины остаются осознанными и никогда не теряют из виду тот факт, что земной человек *in puneto* (в части — *lat.*) анатомии и физиологии, несмотря на все свои высокие полеты, есть и остается родственником антропоидов. Однако если человеку, видимо, предопределено переходить без уродования своей природы к более высокому состоянию, то такие изменения не в его власти, а зависят от условий, на которые он не способен повлиять. С тоской и со стенаниями человек вынужден довольствоваться надеждой и молитвой, что, быть может, его нечто вознесет, поскольку ему совершенно не удастся мюнхаузеновский эксперимент. Благодаря такой позиции в его бессознательном располагаются полезные и в то же время опасные силы; полезные, если он их понимает, опасные — если не понимает. Как всегда, этим силам и возможностям можно дать название, это ничего не меняет в их наличии. Никто не может воспрепятствовать религиозному человеку последовательно назвать эти творческие силы и возможности богами и демонами или даже просто "богом". На практике они ведут себя соответствующим образом. Если многие в этой связи используют слово "материя" и считают, что этим что-то сказано, то им нужно принимать во внимание, что вместо X они поставили Y и тем самым не сдвинулись с места. Не вызывает сомнения только наше глубокое неведение; мы никогда не знаем, приблизились ли мы к решению крупной загадки или нет. Из "нам-как-будто-

кажется" выводим только головоломный кульбит веры, который мы обязаны оставить соответственно, одаренным или озаренным людям, Любой видимый или реальный прогресс связан с наблюдением фактов, а установление последних, как известно, одна из труднейших задач, стоящих перед человеческим духом.

Сновидение 4

Во время написания этой работы один знакомый иностранец неожиданно прислал письмо о сновидении, которое он видел 27 мая 1957 г. Наши отношения ограничиваются письмом за один или два года. Он любитель астрологии и интересуется вопросами синхроничности. О моих предубеждениях в отношении НЛО он ничего не знал и никак не связывал свое сновидение с интересующей меня темой. Напротив, факт, как и неожиданное, необычное решение сообщить мне сон, относится скорее к категории совпадения по духу, которое отклоняет статистические предрассудки.

Сновидение сообщает:

"Был поздний полдень или ранний вечер, солнце приближалось к горизонту. Оно покрыто пленкой облаков, достаточно тонкой, чтобы проглядывать как четкий диск. Солнце белого цвета. Неожиданно эта белизна превратилась в необычную блеклость, жутким образом распространившуюся на всю западную часть горизонта. Блеклость — и я хотел бы это слово подчеркнуть — дневного света обернулась вызывающей страх пустотой. Затем на западе на той же высоте появилось второе солнце, только немного севернее. Но пока мы с напряженным вниманием наблюдали за небом — тут было много людей, разбросанных на большой площади, которые, как и я, рассматривали небо — второе солнце вдруг превратилось в четкий шар в противоположность к появившемуся вначале диску. Одновременно с закатом солнца и

наступлением ночи шар стал быстро приближаться к земле.

С наступлением ночи настроение сновидения изменилось. Тогда как слова "блеклость" и "пустота" точно описывали впечатление, что жизнь, энергия или потенциал солнца уменьшается, теперь небо обрело черты "силы" и "величия", вселявшие скорее почитание и немного страха. Не могу утверждать, были ли видны звезды, но ночное небо производило впечатление, как в том случае, когда тонкая пленка облаков позволяет время от времени видеть какую-то звезду. Безусловно, это ночное зрелище обладало величием, мощью и красотой.

Пока шар очень быстро приближался к земле, я сначала подумал, что это — Юпитер, сошедший с орбиты, но когда он приблизился, я увидел, что, несмотря на свои размеры, он гораздо меньше этой планеты. После приближения шара появилась возможность наблюдать на его поверхности определенную маркировку, иначе говоря, линии меридианов или что-то подобное. По виду они были скорее декоративными и символическими, чем географическими или геометрическими. Я должен отметить красоту шара с его приглушенным серым цветом или непрозрачной белизной, видимой на фоне ночного неба. Сообразив, что это должно привести к ужасному столкновению с землей, мы естественно почувствовали страх; но это был страх, в котором преобладало благоговение. Это космическое событие требовало почтительного молчания. Пока мы были захвачены зрелищем, появились и стали очень быстро приближаться второй, третий шар и еще несколько. Каждый шар лопался на земле, как бомба, но, видимо, на столь значительном расстоянии, что я по меньшей мере не мог определить природу взрыва, или детонации, или того, чем это было. По крайней мере, в одном случае мне

показалось, будто я видел вспышку. Эти шары падали повсюду между нами, но всегда так далеко, что нельзя было ощутить их разрушающее воздействие. Видимо, существовала определенная опасность от осколков или от чего-то подобного.

Затем я вошел, по-видимому, в свой дом, где обнаружил себя беседующим с девушкой, сидевшей в плетеном кресле, перед ней была открытая записная книжка, и она была погружена в работу. Все мы шли в одном, мне кажется, юго-западном направлении, видимо, в поисках более безопасного места, и я спросил девушку, не лучше ли ей пойти с нами. Опасность казалось огромной, и мы не могли оставить девушку в одиночестве. Однако она ответила категорично: нет, она останется на месте и продолжит свою работу. Действительно, везде было одинаково опасно, и одно место не было надежнее другого. Я сразу понял, что рассудок и практический разум на ее стороне. В конце сна я встретил другую девушку или, быть может, ту же самую, в высшей степени знающую и самоуверенную даму, которую до этого видел сидящей в плетеном кресле и углубившейся в работу. Правда, вторая — крупнее и лучше видна, я мог видеть ее лицо. Она также говорила со мной откровенно и понятно. Назвав меня полным именем, она очень решительно заявила: "Вы будете жить до одиннадцати-восьми". Эти восемь* слов она произнесла с непревзойденной ясностью и четкостью, т.е. в столь властной манере, словно меня нужно было осуждать за то, что я буду жить до одиннадцати-восьми.

* Вместе с именем и отчеством.

Комментарий сновидца

За этим обстоятельным описанием следовали комментарии сновидца, которые могут дать определенные отправные

точки для нашего толкования. Как и следовало ожидать, важнейшим моментом сновидения он считал внезапную смену настроения в его начале, а именно в превращении смертельной, вызывающей страх блеклости и пустоты солнечного заката в могучее величие наступившей ночи, а боязни — в благоговение. По его словам, это связано с его нынешними предчувствиями политического будущего Европы. На основании своих астрологических рассуждений он опасается наступления в 1960-1966-х годах мировой войны. Он даже чувствовал побуждение написать письмо одному высокопоставленному политику с выражениями своих опасений. Здесь же он сделал (вполне обычное) наблюдение, что его прежнее, вызывающее страх настроение более или менее внезапно превратилось в удивительное спокойствие и даже в равнодушие, словно все это дело вообще не имело к нему никакого отношения.

Правда, он не сумел объяснить, каким образом произошла смена первоначального страха, так сказать, торжественным настроением. Однако он уверен в своем предположении, что здесь речь идет о коллективном, а не личном деле, и задает себе вопрос, не означает ли слабость, блеклость и пустота конец нашей веры в культуру и цивилизацию, тогда как наступление "ночи" несет с собой прибавление сил и жизни. Конечно, в такое толкование трудно включить понятие "величие". Он относит его к "предметам, прибывающим извне извне пространства" и "не подлежащим нашему контролю". "На религиозном языке можно было бы сказать, что абсолютно невозможно знать определения бога и в вечности ночь столь же важна, как и день". Как будто нам "осталось только подчиниться ритму вечности" и превратить "неумолимое величие ночи в источник силы", если идти в ногу с изменениями социальной структуры. По видимости, сновидение подчеркивает это характерное пораженчество с помощью гигантского космического интермеццо звездного столкновения, оставляющего человека без надежды на спасение.

По словам сновидца, в сновидении нет следов "сексуальности", если отвлечься от встречи с молодой дамой. Будто бы любое отношение с противоположным полом неизбежно и всегда основывается на сексе! Как он сам подчеркивает, его беспокоил тот факт, что встреча

происходит "ночью"! Как показывает этот пример, с помощью "sex-consciousness" (сексуализированного сознания — *англ.*) весьма и весьма можно далеко зайти. В этом отношении совершенно не подходяще плетеное кресло, оно означает для сновидца, по его словам, отличное условие для сосредоточенной, духовной деятельности, на которую фактически указывает и записная книжка.

Поскольку, как упоминалось, сновидец — прилежный исследователь астрологии, то цифровая комбинация 11-8 представила для него особую загадку. О XI.8 он думает как о месяце и дне своей кончины. Находясь в библейском возрасте, он безусловно имеет право на такие соображения. На основании астрологических расчетов он относит этот фатальный ноябрь к 1963 г., т.е. к середине предполагаемой войны. Однако осторожно добавляет: "Впрочем, я не вполне уверен".

По его словам, это сновидение оставило у него особое чувство довольства и благодарности за то, что ему "выпало" такое переживание. На деле речь идет о так называемом "великом" сновидении, за которое он заранее благодарен, даже если и не понял его или понял неправильно.

Комментарий к сновидению 4

Сновидение начинается с солнечного заката, при котором солнце прикрыто облаками настолько, что можно видеть только его диск. Этим как бы подчеркивается форма круга. В последующем такая тенденция подтверждается: два солнечных диска, Юпитер, последующее множество круглых тел, "предметов внеземного пространства". Тем самым это сновидение можно причислить к психическим феноменам НЛО.

Жуткая блеклость солнца указывает на страх, распространившийся по дневному миру в предчувствии наступающей катастрофы. В противоположность "дневной картине" она внеземного происхождения; Юпитер, отец богов, сошел со своей орбиты и приближается к земле. Этот мотив встречается в мемуарах душевнобольного Шребера^{*}: необыкновенное событие, происходящее рядом с ним, побуждает самого бога "расположиться поближе к земле". Таким образом, бессознательное "толкует" угрозу как

божественное вмешательство, которое проявляется в появлении маленьких копий большого Юпитера. Сновидение не делает наиболее простого вывода — об НЛО и в своем выборе символа, видимо, не находится под влиянием сознательного анализа последних.

* Schreber "Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken". Leipzig, 1903.

Несмотря на возможную угрозу космической катастрофы, страх превращается в положительное настроение торжественности, праздничности и благоговения, как это свойственно Божоявлению. Но все же пришествие бога означает для сновидца наивысшую опасность, так как небесные тела "лопаются" на землю, подобно мощным бомбам, что соответствует его боязни мировой войны. Впрочем, как ни странно, они не вызвали ожидаемого сотрясения земли и даже взрыв был, видимо, особой и неожиданной разновидностью. В окружении сновидца нет никаких разрушений. Падения происходят так далеко за горизонтом, что, по его мнению, он вообще наблюдал вспышку единственного взрыва. Поэтому столкновение с этим планетоидом протекает несравненно безопаснее, чем при его реальном совершении. При этом главной заботой представляется страх перед возможностью третьей мировой войны, который наделяет данное событие аспектом, вызывающим страх. Именно такое толкование сновидца гораздо важнее, чем сам факт, приведший его в сильное возбуждение. Тем самым вся ситуация приобретет упомянутый психологический аспект.

Это немедленно подтверждается встречей с молодой дамой, которая, отстаивая свою позицию, беззаботно продолжает работу и во втором, улучшенном варианте, предсказывает дату его смерти. Она делает это так внушительно, что он чувствует необходимость отметить даже **число** употребленных ею слов, а именно восемь. То, что "Еосемь" отнюдь не случайно, доказывает дата предполагаемой смерти: **восьмое** ноября. Такое двукратное выделение восьмеричности не могло быть случайным, поскольку 8 — это удвоенная четверичность и как символ индивидуации играет в мандале примерно такую же важную роль, как и кватернионы* (ср. с этим 4 и 8 в сцене с кабирами** в "Фаусте", 11). Из-за недостатка ассоциативного материала

мы в виде опыта только обозначим толкование одиннадцати с помощью традиционной числовой символики: 10 — это полное развитие единицы. 1-10 означает завершённый цикл. По этой причине $10 + 1 = 11$ означает начало нового цикла. Так как гипотеза при толковании сновидений гласит *post hoc ergo propter hoc* (после этого, следовательно, по причине этого — лат.), то 11 приводит к 8, т.е. к октоаде (восьмерке), символу целостности, стало быть, к реализации целостности, что уже подразумевалось благодаря появлению НЛО.

Молодую даму, с которой сновидец, видимо, незнаком, можно понимать как фигуру, компенсирующую Аниму. Она представляет более полную картину бессознательного, чем так называемые Тени, поскольку придает личности и женские черты. Как правило, наиболее отчетливо она выступает тогда, когда сознание основательно знакомо с Тенью собственного Я, а в качестве психологического фактора пользуется большим влиянием на него тогда, когда женские качества личности еще не интегрированы. Если эти противоположности не соединены, то не образовалась целостность и еще не осознана Самость в качестве символа. Но если она сформировалась, то проявляется в проекции, покрытая как собственной сутью Анимой, намекающей по меньшей мере на то, что имело место в этом сновидении: Анима с ее спокойствием и беспечностью противостоит возбуждению сознательного Я, а с помощью упоминания восьми намекает на целостность, существующую в проекции НЛО, на Самость.

Предчувствие огромного значения Самости в качестве распорядителя личности, как и находящихся под ее влиянием коллективных доминант или артефактов в виде так называемых метафизических принципов, обуславливает целостную ориентацию сознания, вызывает торжественное настроение в начале сновидения. Оно соответствует грядущему Богоявлению, которое вызывает опасение, что оно означает мировую войну или космическую катастрофу. Видимо, Аниме лучше знать. По крайней мере, не заметно ожидаемых разрушений, поскольку в окружении сновидца нет собственно ничего, внушающего страха, кроме его собственной паники. Анима игнорирует его страх катастрофы и вместо этого указывает на его смерть — возможно, как на подлинный источник этого страха.

Созерцание смерти побуждало к иному окончанию, не допускавшемуся прежде никаким волевым усилием или добрым намерением. Такое эре лице — завершитель, ставящий последнюю неумолимую точку в конце человеческой жизни. Лишь в нем была достигнута — так или иначе — целостность. По мнению Гераклита, смерть — конец эмпирического и цель духовного человека: "Это — ад, к которому они неистово мчатся и справляют праздники". Все, что еще не находится там, где должно быть, и что еще не совершилось там, где должно было совершиться, ощущает страх перед концом, т.е. перед самым последним расчетом. До поры, сколько можно, уклоняются от осознания тех вещей, которым еще недостает целостности, и тем самым препятствуют сознанию Самости — готовности умереть. Самость сохраняется в проекции. В нашем случае она выступает в виде Юпитера, превращающегося, впрочем, при приближении к Земле во множество маленьких небесных тел, так сказать, во множество "Самостей" или индивидуальных душ и исчезающего в Земле, т.е. интегрирующегося с нашим миром. Тем самым в мифологической форме обрисовывается воплощение; наоборот, в психологической форме, — проявление бессознательного в области сознания.

Поэтому, в духе сновидения, я посоветовал бы сновидцу рассматривать страх перед всеобщей катастрофой прежде всего *sub specie* (с точки зрения — *лат.*) собственной смерти. Ведь в этом отношении характерно, что предполагаемый им год смерти приходится на середину критической фазы между 1960-1966 гг. Итак, закат мира был как бы его собственной смертью и поэтому в первую очередь личной катастрофой и концом личности. Но так как символика сновидения недвусмысленно описывает коллективную ситуацию, то мне, видимо, предстоит обобщить субъективный аспект феномена НЛО и предположить, что на НЛО проецируется коллективный, но не признаваемый таковым страх смерти. Ведь после первых оптимистических спекуляций о космических пришельцах вновь обсуждается их возможная опасность, более того, угроза их вторжения на землю с его непредсказуемыми последствиями. Основания для более чем привычного страха смерти в настоящее время даже не нужно искать. Они очевидны, и это, когда все бессмысленно промотали, а

жизнь прошла, тем более означает смерть. Но последнее обстоятельство может образовать основу неестественного роста страха смерти именно в наше время, когда для очень многих жизнь потеряла свой более глубокий смысл и по этой причине вынуждает их менять присущий жизни ритм вечности на пугающие удары секундной стрелки. Поэтому хотелось бы еще многим пожелать компенсирующей позиции Анимы, как в нашем сновидении, и рекомендовать им избрать девиз, подобный девизу базельского ученика Гольбейна Ганса Хопфера, жившего в XVI в.: "Смерть — последняя грань вещи. Я покорюсь".

Сновидение 5

Сновидение принадлежит даме, получившей университетское образование. Она видела его несколько лет назад безотносительно к феномену НЛО.

Две женщины, как бы разыскивая что-то, стояли вдвоем на краю Земли. Более пожилая и крупная — немощна. Я ассоциировала с ней мою подругу мисс Х. Она смело выглядывала наружу. Более молодая — меньше; чувствуя свою силу, поддерживала более крупную, однако не отважилась выглянуть за край земли. Во втором я узнала саму себя. Слева на небе я видела Луну и Венеру, справа — восходящее солнце. Эллиптический, серебрям отливающий объект, прилетел с правой стороны. Он был укомплектован командой, члены которой стояли вдоль края объекта. Казалось, что это мужчины в серебристо-белых одеждах. Обеих женщин покорило это зрелище, и они трепетали в этом неземном, космическом пространстве — ситуация, возможная только в момент видения.

Сразу после крайне впечатляющего сновидения сновидица взяла кисть и зарисовала видение. (См. рис. 1.) Сновидение описывает типичный феномен НЛО, содержащий, подобно сновидению 3, мотив "команды", т.е. присутствия человеческих существ. Как показывает выражение "на краю земли", речь явно идет о пограничной ситуации. По ту сторону явно находится космическое пространство с его

планетами и солнцем, или загробный мир, или бессознательное. В первом варианте убеждает космический корабль, техническое достижение жителей некоей более высоко развитой планеты; второй представляет разновидность ангелов или усопших, прибывших на землю за своими душами. Все это произошло с мисс Х., которая уже тогда "нуждалась в поддержке", иными словами, была больна. Действительно, состояние ее здоровья давало повод для опасения. Позднее, примерно через два года после сновидения, она умерла. Соответственно сновидица толковала свое видение как предвосхищение. Наконец, третий вариант, а именно вариант с бессознательным, указывает на персонификацию последнего, т.е. на Аниму с ее характерной множественностью, торжественная белизна которой доводит до сознания идею брачного союза противоположностей. Как известно, этому символическому образу свойственна также идея смерти — заключительной реализации **целостности**. Поэтому толкование сновидицы, что сон возвещает смерть ее старой подруги, могло иметь законное основание.

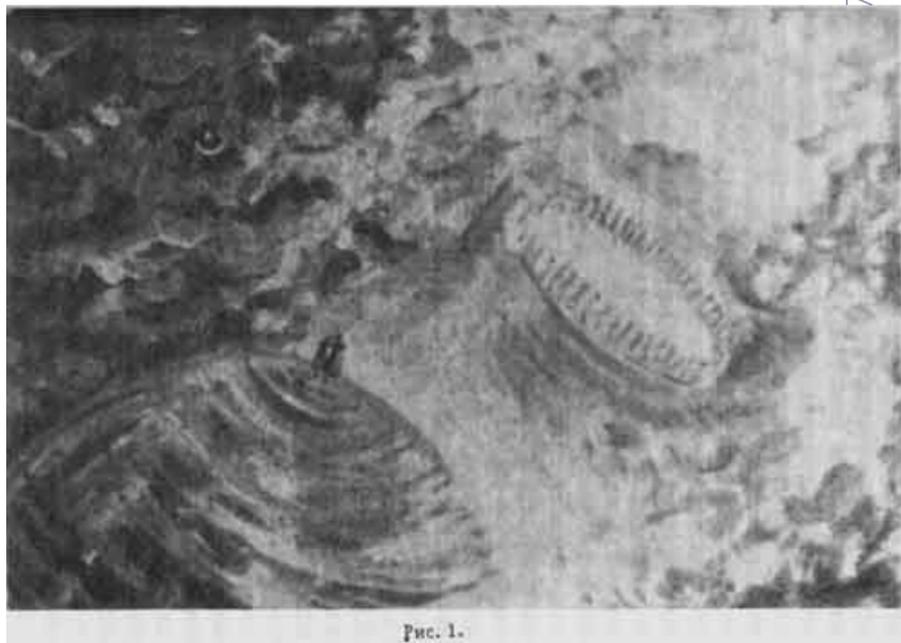

Рис. 1.

Сновидение пользуется символом круглого диска, НЛО, **несущего** призраков, **космического** корабля, пришедшего из потустороннего мира на край нашего за душами умерших. Из видения не ясно, откуда прибыл корабль: с Солнца, с Луны или откуда-то еще. Согласно мифу "Acta Archelai", таким местом могла бы быть нарождающаяся Луна, в полнолуние приобретающая множество умерших душ, которые с помощью двенадцати ведер с земли вычерпывают солнце и опустошают их на луне. Правда, идея, что НЛО, видимо, представляет собой разновидность лодки Харона, переправляющего души через Стикс, мне еще не встречалась в литературе об НЛО. Это неудивительно, поскольку, с одной стороны, такие "классические" связи далеки от современного образования, с другой стороны, они могли бы привести к весьма неприятным выводам. Кажущийся значительным рост наблюдений НЛО в новейшее время, т.е. на протяжении около столетия, привлекший к себе всеобщее внимание, даже тревогу, мог дать повод предположить, что при таком количестве потусторонних кораблей следует

соответственно ожидать и увеличения случаев смерти. Как известно, в прежние столетия подобные явления толковались в таком же смысле: они были предзнаменованиями "большой смерти" от войны или чумы, т.е. той смутной догадкой, которая лежит в основе и современного страха. В таком случае никоим образом нельзя отделаться от предположения, что огромные массы людей просвещены до такой степени, что подобные гипотезы больше не могут в них укорениться. Средневековье, античность и древность не вполне отжили, как полагают "просвещенные", а весело здравствуют среди значительной части населения. Более того, древнейшая мифология и магия процветают среди нас и неизвестны только относительно немногим людям, отдалившимся благодаря своему рационалистическому образованию от первоначального состояния. Совершенно независимо от повсеместно наблюдаемой религиозной символики, которая олицетворяет шеститысячелетнюю духовную историю и воспроизводится снова и снова, продолжают жить, несмотря на все школьное образование, незримые родственники последней — магические воззрения и обычаи. Правда, у нас нужно прожить в сельской местности много лет, чтобы познакомиться с этим фоном, который нигде не выступает на поверхность. Но однажды увидев это, смотрят на все иначе. Не только обнаружат примитивных врачей в лице многочисленных так называемых "колдуний"; но и их договоры с чертом на крови, с их "подковыванием" и "парным молоком", как и настоящие рукописные колдовские книги. У одного "знахаря" я обнаружил подобную книгу конца XIX столетия, начинавшуюся с мерсебургского магического заклинания на новом верхненемецком диалекте, и фигуру Венеры неизвестной давности. В данном случае "знахарь" имел обширную клиентуру в городе и деревне. Я сам видел собрание многих сотен благодарственных писем, полученных врачом за успешное устранение домовых из дома и хлева, за освобождение от колдовства людей и домашней скотины и за исцеление от самых разнообразных болезней. Для тех моих читателей, которые, должно быть, незнакомы с такими вещами и хотели бы отвергнуть мое сообщение как преувеличение, я могу указать на проверяемые каждым факты, что эпоха расцвета астрологии приходится не на

темное средневековье, а на середину XX столетия, когда многие ежедневные газеты не стесняются публиковать гороскопы на неделю. Однако тонкий верхний слой "просветителей" читает с удовлетворением в энциклопедическом словаре, что еще в 1723 г. некий имярек велел составить для своих детей гороскоп, и не знают, что гороскоп достиг уже почти уровня личной визитной карточки.

* Я укажу при этом на книгу A. Jaffe "Geisteserscheinungen und Vorzeichen", исследующую редкие случаи мифологических идей у современников.

Правда, для всех тех, кто знаком с этим фоном хотя бы наполовину и более или менее соприкасался с ним, существует неписаное, но тем не менее строго соблюдаемое соглашение: "Об этом не говорить!" В результате об этом чаще всего говорят шепотом, но не упорствуют, так как никто не желает, чтобы его считали глупцом. В действительности же дело обстоит совершенно иначе.

Я упоминаю об этих вещах, стучащихся в основания нашего общества, главным образом из-за символики наших сновидений, которые звучат очень непонятно, поскольку покоятся на неизвестных исторических фактах. Что сказали бы, связи сон простого человека с Вотаном или Бальдром? Меня обвинили бы в ученом сумасбродстве, так как не знали, что в той же деревне живет врачеватель, который освобождает хлев простого человека от домовых и при этом пользуется колдовской книгой, начинающейся с мерсебургского заклинания. Тот, кто не знает, что в швейцарских местечках — насквозь просвещенных — все еще избегают "Wuotens Heer", обвинил бы меня в крайнем произволе, если бы страшный сон некоего горожанина из уединенных Альп я связал с "saligen Lut", где его окружали люди, которые толковали "Doggeli"* ночные прогулки как пугающую, хотя и непонятную, вроде бы незнакомую реальность. Более того, у него нет потребности в переброске моста через кажущуюся пропасть, разверзшуюся между первобытным миром и современностью. Однако наша идентичность с сознанием современности столь велика, что мы забываем о "вневременном" основании психики. Все, что существовало издавна и будет существовать в дальнейшем,

считается: как бы алкоголем современных течений, почти что бредом, которого по возможности следует избегать. Но в результате надвигается огромная психическая опасность, угрожающая нам сегодня, а именно опасность оторванных от всех духовных корней интеллектуальных "измов", которые все вместе пытаются сомнительно расплатиться по счету без хозяина, т.е. без реальных людей. К несчастью, воображают, что это затрагивает только осознанное и что для всего неизвестного есть специалист, который уже давно сделал из этого науку. Такая иллюзия особенно правдоподобна в эпоху, когда отдельному человеку на деле стало невозможно не замечать, что в наши дни специальная дисциплина, которую он не изучал, знает все. Так как ныне субъективно самые сильные переживания в то же время самые интимные и поэтому самые невероятные, человек, задающий вопрос, как раз не получит никакого удовлетворительного ответа. Типичным примером этого является сочинение Мензела об НЛО. Научный интерес слишком легко ограничивается распространенным, правдоподобным, ибо в конце концов это и есть основа любой эмпирической науки. Правда, в этой основе мало смысла, если нет стремления к чему-то экстраординарному.

* Немецко-швейцарское обозначение кошмарного сна или домового из стойла.

В пограничной ситуации, вроде описанной в нашем сновидении, следует ожидать необычного, лучше сказать, представляющегося необычным, однако в действительности с древнейших времен являющегося обычным для такой ситуации: корабль мертвых с сонмом усопших, к которым присоединяются все новые умершие, или шествие мертвых забирает их души с собой.

Появление подобных архетипических представлений всегда указывает на необычное. Наше толкование не притянута за уши, к нему как бы подталкивается внимание сновидицы. Увлеченная разными внешними сторонами, она смогла обратить внимание на существенное вне себя, а именно на близость смерти, которая в некотором смысле касается ее в той же мере, как и ее подругу. Тема "команды" космического корабля нам уже встречалась в предшествующем сновидении. Инстинктивный отпор, установленный в отношении глубинного аспекта этой темы,

вполне может объяснить, почему в прежней литературе об НЛО этот смысловой вариант практически совсем не признавался. Можно сказать словами Фауста: "Не созывайте хороших знакомых толпу...", впрочем этот созыв не нужен, так как распространившийся по всему миру страх уже позаботился обо всем остальном,

Сновидение 6

Сновидение родом из Калифорнии, так сказать, классической страны "тарелок". Сновидице 23 года.

Я стояла с [неизвестным] мужчиной под открытым небом на какой-то площади или в округлом городском центре. Была ночь, и я увидела, как что-то круглое и флуоресцирующее, похоже из страшной дали, стало приближаться к нам. Чем ближе оно подлетало, тем больше становилось. Я подумала, что это flying saucer. В конце концов этот огромный световой круг покрыл небо целиком. Корабль, а это и был он, приблизился настолько, что я увидела на его борту спящих людей. Сначала я подумала, что кто-то шутит, однако затем решила, что это реальность. Я обернулась и, посмотрев вверх, увидела позади себя каких-то людей с кинопроектором. Сзади стояло здание, похожее на отель. Эти люди находились на его крыше и проецировали эту картину на небо. Я обратила на это внимание всех находящихся поблизости.

Затем я оказалась, видимо, в каком-то киноателее. Там находилось двое "продюсеров"-конкурентов — оба пожилые люди. Я ходила от одного к другому и вела переговоры о моей роли, которую должна была играть в их съемках. В них принимало участие множество девушек, среди которых были и знакомые мне. Один из "продюсеров" дирижировал flying saucer. Вдвоем они делали научно-фантастический фильм, и я была назначена на главную роль в нем.

Сновидица, молодая актриса, находится на излечении от яркого выраженного распада личности со всеми соответствующими симптомами. Как и обычно, распад проявляется в ее отношениях с лицами мужского пола, а именно в конфликте между двумя мужчинами, которые соответствуют двум несоединимым половинкам ее личности.

Как и в сновидениях 1 и 2, речь здесь идет об осознанном НЛО сновидицы, и в том и другом случае НЛО выполняет роль носителя символа носителя символа. Его появление, так сказать, ожидается, поскольку с этой целью сновидица помещена в "центральное" положение, а именно на круглой площади в центре города. Тем самым задано среднее положение между двумя противоположностями, справа равно удаленное, как и слева, и поэтому можно видеть или чувствовать обе стороны. При условии такой "установки" НЛО появляется в качестве пояснения или "проекции" такой позиции. Сновидение настаивает на проекционном характере НЛО, поскольку оно сводится к кинематографическим действиям двух конкурирующих продюсеров фильма. В их образах нетрудно распознать противоположные объекты ее диссоциированного любовного выбора и тем самым фундаментальный конфликт, который должен был разрешиться в *tertium comparationis* (третий для сравнения — лат.), в опосредовании противоположностей. НЛО появляется здесь в уже известной нам роли посредника, однако оказывается придуманным кинематографическим трюком, которому явно недостает такого опосредствующего значения. Если учитывать роль, принадлежащую некоему кинопродюсеру в жизни молодой актрисы, то преобразование конкурирующих любовников в "продюсеров" означает повышение ранга или увеличение важности последних. Тем самым они перемещают, так сказать, под огни рампы ее любовную драму, в результате чего само НЛО блекнет, хотя в качестве простого фокуса еще не утрачивает полностью своего значения. Ценностной акцент полностью передвинулся с мнимо космического феномена на "продюсеров", и первый не представляет собой ничего, кроме мелкой уловки последних, а внимание сновидицы обращается во сне целиком к ее профессиональному честолюбию. Это подтвердила и сама сновидица.

Трудно понять, почему сновидение вообще создало НЛО, чтобы тут же уничтожить его как фокус способом, вызывающим разочарование. Ввиду обстоятельств начала сновидения (центр!) и очевидно, хорошо известного сновидице поразительного значения НЛО, этот переворот оказывается несколько неожиданным. Дело обстоит таким образом, словно сновидение хотело сказать: "Но это не так — даже совсем не так. Это только кинотрюк, научная фантастика. Подумай лучше о том, что в обоих случаях у тебя главная роль".

На основании этого процесса можно увидеть, для чего придумано НЛО, почему оно было опять-таки вынуждено сойти со сцены: личность сновидицы занимает центральное положение, которое компенсирует распад личности, раскол на противоположные части и потому представляет средство преодоления распада. Для того чтобы пробудить устремление к единству, нужен аффект. В аффекте исчезает колебание между автономными противоположностями и возникает однозначное состояние. Это осуществляется с помощью возбуждения при появлении НЛО, на момент приковывающему все внимание.

Видно, что в этом сновидении феномен НЛО имеет переносное значение и является всего лишь средством для достижения цели, как если бы кто-то крикнул "Внимание!". По этой причине он немедленно обесценивается: это — не феномен, а только трюк, и действие сновидения передвигается на личную проблему сновидицы, на ее колебание между двумя мужчинами. Если эта хорошо известная и повторяющаяся ситуация означает нечто большее, чем временная неопределенность выбора, то чаще всего в ее основе лежит тот факт, что проблему не принимают всерьез, подобно Буриданову ослу, не способному выбрать, какую из двух охапок сена ему съесть первой. Это псевдопроблема: на самом деле у него не было аппетита. Таков же, видимо, случай и с нашей сновидицей: ведь она думает о себе, а не об одном из двух претендентов. То, чего она, собственно говоря, желает, ей сообщает сновидение, превращающее любовников в "продюсеров", изображающее ситуацию как съемку фильма и приписывающее ей главную роль в снимаемой сцене. В действительности сновидица думает именно об этом, т.е в

духе своей профессии — об исполнении главной роли, в данном случае — о роли юной любовницы, безразлично с каким партнером. На самом деле ей это явно не вполне удастся, поскольку она все еще находится в плену искушения считать своего партнера реальным, тогда как в личной драме она всего лишь играет роль. Это как раз свидетельствует не о ее художественном призвании, и вызывает сомнение в серьезности профессионального выбора. В противовес неопределившемуся сознанию сновидение решительно указывает на профессию как на ее истинную любовь и тем самым дает ей в руки решение конфликта.

На основании этого сновидения у нас не складывается представления о сути феномена НЛО. Он используется здесь, так сказать, лишь в качестве сигнала тревоги, вызывающего коллективное волнение по поводу flying saucers. Как бы этот феномен не интересовал или не тревожил, молодость обладает или присваивает себе привилегию считать проблему Она и Он гораздо более привлекательной. Тут молодость абсолютно права, так как если что-то необходимо выдвигать на передний план, то земной жизни и ее законам принадлежит большее значение, чем знание любого, звучащего издали послания, которое возвещают небесные знамения. Так как известно, что молодость продолжается очень долго и ее специфическое душевное состояние представляет собой наивысшее достижение в жизни многих людей, то это психологическое ограничение относится в общем-то и к седовласым старцам, день рождения которых означает всего лишь празднование двадцатилетия. В лучшем случае причиной феномена НЛО является концентрация на профессии, а все остальное, что еще могло бы присоединиться к ней, нежелательно как грубая помеха. От такой сосредоточенности не защищает ни возраст, ни социальное положение, ни воспитание. Несмотря ни на что, человеческое общество все еще очень молодо: ибо что по большому счету значат 3000-5000 лет!

Этот сон я воспринял как парадигму способа, которым бессознательное может обходить интересующую нас в данный момент проблему. Тем самым я хотел бы показать, что символ ни в каком отношении не является однозначным, а его смысл зависит от многих и очень различных факторов.

Жизнь продолжается именно с того места, где себя ощущают.

Сновидение 7

В следующей главе я займусь несколькими картинами, относящимися к феномену НЛО. Автор второй картины, которому я в письме сообщил, что некоторые ее детали я связал с необычными небесными явлениями, предоставил в мое распоряжение сновидение, имевшее место 12 сентября 1957 г.

Вместе с другими людьми я находился на вершине холма, с которого открывался красивый, широкий, холмистый пейзаж с сочной зеленью.

Вдруг перед нами зависло "летающее блюдо", остановилось на уровне глаз и лежало, светлое и отчетливое, в лучах солнца. Оно не выглядело как машина, а походило на глубоководную рыбу, круглую и плоскую, только гигантского размера (примерно 10-15 метров в поперечнике). Голубые, серые, белые крапины покрывали все тело рыбы. Ее края вздымались и беспрестанно трепетали; они служили рулем и плавниками.

Это существо начало кружиться вокруг нас, затем разом умчалось, словно выстреленное из пушки, прямо в голубое небо, с невысказанной скоростью снова ринулось вниз и опять стало выделять петли вокруг нашего холма. Оно явно делало это из-за нас. Когда один раз оно пролетело совсем рядом, то оказалось значительно меньше и было слегка похоже на рыбу-молот.

Затем оно приземлилось почти рядом с нами... Вышел пассажир и направился прямо ко мне. По виду это была женщина. Люди отбежали и в почтительном отдалении ждали, глядя на нас. Женщина сказала, что там, в другом мире (из которого она прибыла), меня хорошо

знают и следят за тем, как я выполняю свою задачу (миссию?).

Она говорила строгим, почти угрожающим тоном и, видимо, придавала сказанному чрезвычайное значение.

Комментарий к сновидению

Поводом для сновидения стало предвкушение визита, который сновидец намеревался нанести мне в ближайшие дни. Выдержка из сновидения описывает положительное, обнадеживающее чувство ожидания. Драматическое развитие событий начинается с внезапного появления НЛО, стремящегося предстать перед наблюдателем предельно четко. Осмотр установил, что речь идет не о машине, а скорее о звероподобном существе, о глубоководной рыбе, скажем о гигантском скате, который, как известно, иногда пытается взлететь. Его движения подчеркивают нацеленность НЛО на наблюдателя, а попытка приближения заканчивается приземлением. Человекоподобная фигура вышла из НЛО, чем устанавливается интеллектуальная связь между НЛО и наблюдателями. Такое впечатление усиливается посредством появления женской фигуры, которая благодаря своей неизвестности и неопределенности относится к типу Анимы. Нуминозность этого архетипа вызывает у части присутствующих "людей" паническую реакцию, иначе говоря, сновидец фиксирует реакцию бегства людей. Причина заключается в присущем фигуре Анимы значению судьбы: она — сфинкс Эдипа, некая Кассандра*, посланница Грааля**, возвещающая смерть Белая женщина и под. Такое толкование подтверждается переданным ею посланием: она прибыла из другого, потустороннего мира, где сновидец известен и где внимательно следят, как он осуществляет свою "миссию".

Как известно, Анима персонифицирует коллективное бессознательное*, "царство матери", которое, как доказывает опыт, обладает явной тенденцией руководить сознательной жизнью, а там, где это не удастся, даже насильственно вторгаться в сознание, чтобы представить ему свое необычное и чаще всего непонятное содержание. Согласно сновидению, НЛО представляет собой подобное содержание, необычность которого не позволяет желать

большого. Трудность интеграции в этом случае столь велика, что обычные возможности рассудка оказываются несостоятельными. При таких обстоятельствах обращаются к мифологическим средствам объяснения, т.е. ответственность возлагается на жителей звезд, ангелов, призраков и богов, прежде чем узнают, что же наблюдали. Нуминозность таких представлений настолько велика, что даже не возникает вопрос, не идет ли речь о субъективных восприятиях коллективных бессознательных процессов. Ибо субъективное наблюдение может, согласно общепринятому пониманию, быть или только "истинным" или, если это обман органов чувств или галлюцинации,- только "неистинным". Однако, если даже последние являются подлинными феноменами и достаточно обоснованы, видимо, обязательно учитывать, в какой мере отсутствуют явные патологические нарушения. Но проявления бессознательного имеют место даже у нормальных людей, и они могут соответственно быть "реальными", создавать впечатление, что наблюдатель инстинктивно противится пониманию своего восприятия в качестве обмана или тем более галлюцинации, Его инстинкт твердо убежден: не только внешнее наблюдают как внутреннее, но иногда и внутреннее — как внешнее. Если внутренний процесс в таком качестве не может быть интегрирован, он часто проецируется вовне. Даже существует правило, что мужское сознание все восприятия, возникающие из женских персонификаций, проецирует на фигуру Анимы, т.е. на реальную женщину, и благодаря этому они переплетаются с последней так, как в действительности она связана с содержимым бессознательного. Из этого факта вытекает судьбоносность Анимы, дающая о себе знать и в нашем сновидении, т.е. в вопросе: Как реализуешь ты свою жизненную задачу ("миссию"), свой *raison d'être* (здравый смысл — *фр.*), смысл и цель своего бытия? Это вопрос **индивидуации**, вопрос судьбы, *par excellence*, обращенный к Эдипу в форме непонятней детской загадки Сфинкса и им в принципе не понятый. (Можно ли себе представить, чтобы остроумный афинянин, герой трагедии, попался на "страшную загадку" Сфинкса? Эдипу не понадобился его ум, чтобы разгадать наводящую ужас, но по-детски простую и слишком легкую загадку, и трагическая судьба выпала ему

как раз потому, что он полагал, будто ответил на вопрос. Ответ был предназначен Сфинксу, а не его подмене.

* Если так называемая "Тень", иначе говоря, низшая личность преимущественно бессознательна, то — бессознательное представляется мужской фигурой.

Подобно Мефистофелю, скрывающему в пуделе свою суть, Анима является квинтэссенцией НЛО, и так же, как Мефистофель не представляет Фауста в целом, Анима, в свою очередь, является лишь частью целого, которое в неудобопонятной форме подразумевается под "глубоководной рыбой", круга. Анима играет здесь роль mediatrix, посредника между бессознательным и сознанием, это, подобно Сфинксу, — двойственная фигура, с одной стороны, с "животной", инстинктивной природой, с другой (благодаря голове) — со специфически человеческой. В первой стороне заключены глубоко влияющие на судьбу силы, в последней — возможности доступной чувствам модификации. (Эта основная мысль отражается и в позднее воспроизведенной картине сновидца.) Сновидение употребляет в этом случае мифический язык, который пользуется представлениями о потустороннем мире и ангелоподобных существах, следящих за всеми человеческими действиями. Тем самым наглядно выражается симбиоз сознания и бессознательного.

Во всяком случае, это, видимо, самое понятное и удовлетворительное объяснение. Относительно возможных метафизических подоснов мы обязаны честно засвидетельствовать свое незнание и невозможность привести какие-либо аргументы. Безусловно, тенденцией сновидения является стремление создать психологему, встречающуюся нам снова и снова в этой и во многих других формах, что совершенно не зависит от вопроса, понимаются ли НЛО как конкретная реальность или как субъективное явление. Психологема — это реальность в себе и для себя. Она основывается на реальном восприятии, которое не нуждается в физической реальности НЛО и проявлялось задолго до того, как вообще пошла речь об НЛО.

Конец сновидения отводит особую роль посланию женщины, поскольку подчеркивает серьезность, даже угрожающий характер сообщения. Параллельно к этому в коллективной

психологии появляется многократно выраженное опасение, что в конце концов НЛО не вполне безобидно и что возможный контакт с другими планетами может привести к непредвиденным последствиям, Это обстоятельство подтверждает тот факт, что запрещение определенной информации компетентными американскими властями, пожалуй, нельзя полностью отнести к области вымысла.

В эпоху", когда унификация со всеми ее деструктивными последствиями проявляется так отчетливо, серьезность, даже угрожающий характер проблемы индивидуации больше нельзя, видимо, отрицать, и эта проблема все же представляет собой важную альтернативу миру западной культуры. Это факт, что подданный диктаторского государства лишен индивидуальной свободы, следующий факт состоит в том, что мы находимся под угрозой соответствующего политического развития, а настоящие средства защиты ненадежны. Поэтому перед нами со всей остротой встает вопрос: хотим ли мы гаг шиться индивидуальной свободы? Что мы способна сделать, чтобы воспрепятствовать такому развитию?

Обращаются к коллективным мерам и тем самым поддерживают унификацию, т.е. именно то, с чем намерены бороться. Против унифицирующего воздействия любых коллективных мер есть только одно средство: выделение и повышение ценности индивида. Требуется перемена образа мыслей, т.е. реальное признание целостного человека. Это может быть только делом отдельного человека и, чтобы стать реальным, должно начинаться с индивида. Таково послание нашего сновидения, направленного сновидцу, послание из коллективного инстинктивного основания человечества. Огромные политические и социальные организации должны быть не самоцелью, а вынужденной временной мерой. Подобно тому как Соединенные Штаты сочли необходимым раздробить громадные тресты, тенденция к разрушению гигантских организаций с течением времени окажется необходимостью, потому что они словно раковая болезнь разъедают человеческую природу, как только становятся самоцелью и тем самым приобретают автономию. Начиная с этого момента они перерастают человека и выходят из-под его контроля. Он становится их жертвой, и им овладевает химера ставшей никому не

подвластной идеи. Все огромные организации, в которых тонет индивид, несли эту опасность. Против этой насущной угрозы есть, видимо, только одно средство, а именно "восстановление ценности" индивида.

Однако эту превосходную меру нельзя реализовать по своему произволу, т.е. исходя из намерения и понимания, ибо отдельный человек слишком мал и слаб. Скорее для этого необходима произвольная вера, так сказать метафизическое повеление, которое никто не в состоянии создать искусственно, иначе говоря, намеренно и рассудочно. Подобная доминанта может сложиться только случайно. Событие подобного рода лежит в основе нашего сновидения. Мое замечание, что некоторые его детали, возможно, связаны с проблемой НЛО, оказалось достаточным, чтобы пробудить в сновидце свойственную этому коллективному явлению архетипическую легенду, а именно нуминозное представление о метафизически обоснованном значении индивида: эмпирически человек тростируется за пределы границ своего сознания, а его образ жизни и планирование судьбы имеют гораздо большее, чем просто личное значение. Участие "потустороннего мира" идет ему навстречу и ожидает от него деятельности, выходящей за сферу эмпирического и ее тесные границы. В результате ранг индивида повышается и удаляется в область космической важности. Это нуминозное превращение осуществляется не на основе сознательного намерения или рационального убеждения, а благодаря встрече с потрясающими архетипическими впечатлениями.

Такого рода опыт небезопасен до тех пор, пока он, как это часто бывает, воздействует на индивида обесценивающе: его Я воображает себя увеличившимся и возвышенным, тогда как в действительности оттесняется на задний план, и даже до такой степени, что оно чуть ли не нуждается в обесценивании (напр., чувство избранности), чтобы не потерять почву под ногами, хотя такая инфляция как раз и лишает его фундамента. В явлении проступает не возвысившееся Я, а большее, т.е. Самость, символ, выражающий всего человека. Однако Я нравится считать себя человеком в целом и поэтому оно старается избежать инфляционной опасности. Эта серьезная трудность — вместе с тем основа страха перед такими наблюдениями, более

того, опасения их как болезни. Поэтому неприятна уже идея бессознательного, а тем более изучение его. Ведь прошло не так много — несколько тысячелетий — времени, когда мы жили еще в примитивном духовном состоянии с его "*perils of the soul*" (душевными опасностями — *англ.*), "потерями души" и состояниями бешенства, угрожающими единству личности, т.е. Я. К этому еще надо добавить, что в нашем современном цивилизованном обществе эта опасность далеко не преодолена. Впрочем, она в той же мере захватывает не только индивида, а, пожалуй, в большом масштабе социальные или национальные группы, как слишком отчетливо демонстрирует наша современная история. Именно проявление бешенства уничтожает индивида.

В отношении этой опасности может помочь только тоска, не подавляющая и не разрушающая индивида, а, напротив, созидаящая целое. Однако это может произойти только тогда, когда к сознанию человека присоединяется и его бессознательное. Процесс соединения только отчасти располагается в сфере нашей воли, в другой части оно носит произвольный характер. С помощью сознания мы в лучшем случае можем оказаться вблизи бессознательного, а затем вынуждены ждать и наблюдать, что произойдет дальше. С точки зрения сознания процесс представляется авантюрой или "*quest*" (поиском — *англ.*), кажется чем-то вроде "*Pilgrims Progress*" Джона Буньяна, которому д-р Эстер Хардинг* посвятил обстоятельное исследование и при этом показал, что, несмотря на отличие языка и представлений, Буньян рассказывает о тех же внутренних наблюдениях, которые случаются с человеком и сегодня, если он избрал этот опасный путь. Я рекомендую эту книгу каждому, кто хотел бы уяснить, что следует понимать под процессом индивидуации. На тысячекратно повторяемый вопрос: "Что я могу делать?" — я не знаю никакого другого ответа, кроме: "Стань тем, кем ты всегда был", т.е. той целостностью, которую мы утратили в результате условий цивилизованного, сознательного существования; целостностью, которой мы были, но не сознавали этого. Книга Хардинга написана настолько простым и общепонятным языком, что с ее помощью любой доброжелательный человек может получить даже без специальных познаний картину того, как обстоит дело. Из

нее ему также станет ясно, почему, несмотря на вопрос, что он со своими силами способен сделать ради воли небес в современном угрожающем состоянии мира, видимо, серьезно его волнующий, он все же охотнее склонен не действовать, а сохранить все по-старому. Более того, очевидно, достойнее подчиняться коллективным идеалам и действовать совместно с огромными организациями, несмотря на то что они принадлежат к гробовщикам индивида. Группа всегда несколько менее ценна, чем среднее значение ее отдельного члена, а если же она состоит из множества лодырей и никчемных людей, что тогда? Тогда никуда не годятся и провозглашаемые ею идеалы. Даже правильные средства в руках извращенного человека действуют извращенно, — гласит мудрое китайское изречение.

* Esther Harding "Jorney into Self". N.Y., 1956.

Послание, доставленное НЛО сновидцу, заключает в себе проблему времени, показателем которой является каждый отдельный человек. Знаменья появляются на небе, дабы их видел каждый. Они напоминают любому человеку о его душе и целостности, потому что именно в них, должно быть, таится ответ, который мог бы дать Запад на угрозу унификации.

НЛО в живописи

Огненный сеятель (рис. 2)

Благосклонная судьба соблаговолила, чтобы в момент моего решения написать эти заметки я познакомился с произведением

Рис. 2.

одного художника, очень глубоко задетого современными событиями и осознавшего фундаментальный страх нашей эпохи, а именно распространившийся по всему миру страх перед катастрофической вспышкой разрушительных сил.

Ведь издавна живопись, следуя своему правилу превращать

самые сильные побуждения соответствующей эпохи в наглядную картину, сделала своим предметом разрушение формы и "битие скижалей" и создавала произведения, которые в равной степени абстрагируются и от разума, и от чувства и отличаются в такой же степени "бесмысленностью", как и осознанной незаинтересованностью в зрителе. Тем самым она, так сказать, полностью отдалась духу разложения и создала новое представление о красоте, удовлетворяющееся отчуждением от разума и чувства. Все состоит из черепков, неорганических обломков, дыр, скрещений,

инфантилизмов и аляповатостей, которые используют даже примитивную неумелость и избочивают во лжи общепринятый тезис - "искусство возникает из умения". Как мода находит "красивой" любую, пусть даже абсурдную и отвратительную новинку, так и "современное искусство" требует восхищения. В нем "красота" хаоса. То, что возвещает и прославляет такое искусство, - это куча блестящих черепков нашей культуры. Можно добавить, что такое смелое предприятие вызывает страх, в особенности если оно соединяется с политическими перспективами нашего неустойчивого времени. Конечно, может представиться, что в нашу эпоху "великих разрушений" это предвещает особое удовлетворение, по крайней мере является метлой, сметающей прошлое в угол.

Автору этой картины хватило - можно теперь сказать - мужества осознать и средствами искусства выразить наличие всеобщего и очень глубокого страха, тогда как другие не осмеливались выбрать или не сумели избежать выбора в качестве мотива творчества столь же всеобщую, сознательную или бессознательную волю к разрушению и образно представили распыление и хаос. Они делали это с преобладанием геростратовской страсти, не знающей ни боязни, ни оглядки. Однако страх - это признание поражения и из-за боязни хаоса страстная жажда более прочной и понятной реальности, преемственности существующего и чувства полноты, т.е. культуры. Страх - это сознание, что разложение нашего мира возникло из-за его неудовлетворительности и что ему недостаток чего-то существенного, способного предотвратить вторжение хаоса. Фрагментарности предстоящего этот страх обязан противопоставить стремление к целостности и исцелению. Но так как в современном мире последнее, по-видимому, не встречается, то и нет возможности представить себя обретшим целостность. Люди стали скептиками, а химерическая идея улучшения мира упала в цене. И именно по этой причине даже старым рецептам, ставшим в конце концов непригодными к употреблению, или не доверяют вовсе, или доверяют только наполовину. Отсутствие дельных или хотя бы заслуживающих доверия общих представлений создает положение, соответствующее *tabula rasa*, на которой может появиться все что угодно. Видимо, феномен НЛО - явление подобного рода.

Более или менее осознавая аналогию с НЛО, художник* нарисовал на небе над окутанным вечерними сумерками городом круглое, вращающееся огненное тело. Следуя наивному порыву к персонификации, он наделил его с помощью нескольких штрихов лицом, в результате оно стало головой, впрочем, отделенной от своего тела, что свидетельствует о ее самостоятельности. Как и голова, тело состоит из пламени. Перед нами гигантская фигура "сеятеля, сеющего на ходу". Он сеет пламя, и вместо воды с неба падает огонь. Скорее всего, это невидимый огонь, "огонь философов"*, так как на город он не влияет и нигде не вызывает пожар. Огонь падает случайно, вроде бесцельно, в разных местах, как семена из рук сеятеля. Подобно нематериальному существу, фигура проходит сквозь здания города; два мира, взаимно проникающих и не касающихся друг друга.

*Он не "saucer addiet" (фанатик тарелок — *англ.*) и незнаком с литературой об НЛО.

Как уверяют нас "философы", т.е. старые учителя алхимии, их "вода" в то же время "огонь". Их Меркурий - "гермафродит" и "двуполное существо", "complexio oppositorum" (сочетание противоположностей), посланец богов, единство и целостность. Правда, он же Hermes katchthomos (подземный Меркурий), испускаемый землей дух, излучаемый, как свет, и горячий, как жар, тяжелый, как металл, и легкий, как воздух; змея и орел одновременно, он отправляет и исцеляет. Это сама Панацея и, с одной стороны, Elixir Vitae (*эликсир жизни - лат.*), а с другой - смертельно опасен для несведующих людей. Для образованных слоев предшествующих веков, на чьем вооружении находилась и философия алхимиков, она, собственно говоря, являлась *religio medici* (религией врача - *лат.*) - такое видение было, вероятно, полно намеков, и они без труда могли включить его в кладовую своих знаний. Для нас же это означает необычное явление, которое бесполезно рассматривать с позиции возможных сравнений: настолько то, что подразумевает сознание, отличается от того, на что направлено бессознательное.

* В дальнейшем делаются многочисленные намеки на средневековую символику, возможно, неизвестную читателю. Необходимые исторические

свидетельства он найдет в моей книге "Psychologic und Alchemie". Zurich, 1952, и в других сочинениях.

16

Картина изображает несоизмеримость двух миров, правда, пересекающихся, но не соприкасающихся. Хотя сеятель высеивает свое пламя на Землю, однако он беззаботно раскидывает его на населенный людьми город и на пустое пространство, и никто из смертных этого не замечает. Картину можно было бы сравнить со сновидением, которое пытается толковать сновидцу: с одной стороны, его сознание заполнено банальным рассудочным миром, но, с другой - оно сопоставимо с призрачным ночным явлением "homo maximus".* Гигантскую фигуру, понимаемую как результат отражения, можно было бы объяснить в качестве разновидности психологического привидения из Брокене. В таком случае нужно было бы предположить существование вытесненной мании величия, неведомой самому художнику. Тем самым вся ситуация как бы сдвинулась в патологию и уже перестала означать невротическое самосознание, оказавшееся так сказать, под рукой. В результате устрашающий аспект апокалиптического состояния мира как бы преобразуется в индивидуальный эгоцентрический страх, который чувствует каждый, кем овладела тайная мания величия, иначе говоря, опасение, что при столкновении с реальностью маниакальное величие может потерпеть поражение. Мировая трагедия стала как бы комедией мелкого выскочки. Более того, достаточно известно, что подобные фокусы встречаются слишком часто.

Но, чтобы надежно осознать такой *climax a majori ad minus*, совершенно недостаточно поверхностного умничания. Намек на значительность заключен, конечно же, не только в размере и обособленности фигуры, но и в нуминозности ее бессознательных, символично-исторических подоснов. Если бы не было ничего, кроме личного тщеславия и инфантильного притязания на значимость, то гораздо уместнее был бы другой выбор символов, а именно образа удачливого и вызывающего зависть конкурента по профессии, разумеется, представленного в соответствующей выразительной форме или в виде "повышения собственного ранга", как в аналогичных случаях демонстрирует опыт. Но здесь все указывает на противоположное: по всем признакам фигура, как уже подчеркивалось выше,

оказывается архетипической. Размерами она, подобно архаическому царю или богу, превосходит человека, состоит не из плоти и крови, а из огня; ее голова округла, словно небесное тело, словно ангел в "Откровении Иоанна Богослова", X, 1, чья голова окружена радугой и "лицо его, как солнце, светит", а "ноги его, как столпы огненные" раскалены, или словно подобные звездам головы богов-планет в средневековых рисунках. Голова, чтобы подчеркнуть ее самостоятельность, отделена от тела, она сопоставима с алхимической субстанцией, с философским золотом, "*aurum non vulgi*" (не вульгарным золотом), с элементом "голова" (*elementum capitis*) или "элементом Омега" (/омега/-голова), символом, введенным Зосимой из Панополя (III век). Дух - это странник, бредущий по земле, сеющий огонь, а стало быть, сравним с богами и с боголюдьми, странствующими и творящими чудеса, несущими разрушение и исцеление. Псалом 104 сравнивает божьих "слуг" с "огненным пламенем", сам бог - это "пожирающий огонь". "Огонь" - это напряжение любой страсти и символ Святого Духа, который изливается в чудесах Троицы в виде отдельных очагов пламени. Все особенности фигуры, сеющей огонь, вполне традиционны, часть заимствована из известных библейских преданий, часть - из унаследованной склонности к таким же, но автохтонным* представлениям и идеям. Более или менее осознанный подход к современному феномену НЛО проливает свет на внутреннее родство обоих комплексов представлений: один предвещает другой, поскольку оба возникают из одного и того же источника. Характерно, что другая картина этого же художника берется по аналогии со сновидением за мотив голубого и белого. На ней весенний ландшафт. Над ним свод неба, чья голубизна смягчена серебристой дымкой. Однако в одном месте тонкая пелена тумана прорезана округлым отверстием, через которое видна темная голубизна свободного от дымки неба. По обе стороны окружности расположено горизонтально вытянутое, белое облачко, так что целое выглядит как глаз. Внизу по проселочной дороге деловито снуют абсолютно реалистические автомобили. "Они это не видят", - объяснил мне художник. На этой картине НЛО соответствует традиционному "оку божьему", взирающему с неба.

В случае с этими комплексами символических представлений речь идет об архетипических образах, возникших не из свежих наблюдений НЛО, а имевших место всегда. Исторические сведения подобного рода есть также из предшествующих десятилетий и столетий. Еще 30 лет назад, прежде чем вообще зашла речь о "летающих тарелках", я наблюдал соответствующие видения во снах, скажем, например, большое количество маленьких солнц или золотых монет, падающих с неба, или образ ребенка, чье одеяние состояло из золотых лучистых кружков, странника, бредущего по полю из звезд, или восход похожего на солнце тела, которое в дальнейшем ходе видений превращается в мандалу. Я вспоминаю о картине, попавшейся мне на глаза в 1919 г.: внизу находится город, протянувшийся вдоль берега моря, будничная картина современной морской гавани с пароходами, дымящими фабричными трубами, укреплениями с пушками и солдатами и т.д. Над этим расстилается плотная пелена облаков, а еще выше вращается "строгая форма", круглый сверкающий диск, разделенный красными равносторонними крестиками на квадраты. Это два разъединенных облаками мира, не соприкасающихся друг с другом.

Поначалу сообщения об НЛО заинтересовали меня в качестве возможных символических слухов, и с 1947 г. я собирал все доступные мне публикации об этом. По моему мнению, они поразительно совпадают с символом мандалы, о чем я впервые написал в 1927 г. (в изданном совместно с Р. Вильгельмом сочинении "Das Geheimnis der Goldenen Blute"). Заслуживающие доверия очевидцы и специалисты по радарам охотно признают *beneficium dubli**, но вынуждены указать на несомненное сходство явлений НЛО с психологическими и условиями, которые нельзя упустить из виду при анализе и оценке наблюдений. Независимо от сложившегося в результате психологического объяснения феномена, сопоставление проливает свет и на психическую компенсацию коллективного страха, обременяющего души. То есть содержание слуха об НЛО не исчерпывается смыслом детерминистски понятого симптома, а претендует на важность и значение живого символа, иначе говоря, динамически действующего фактора, который из-за господствующей bestолковщины и невежества вынужден, однако, ограничиться созданием визионерских слухов. Факт,

что архетипическим формам свойственна, как показывает опыт нуминозность, способствует не только расширению слухов как в пространственном, так и в содержательном отношении, но и их назойливости. Далее из нуминозности комплекса представлений следует, что он побуждает к более строгому рассуждению, вплоть до того, что в конце концов кто-то задает вопрос: что означает подобный слух сегодня? что бессознательное современного человека готовит будущему? Если задолго до этого Афина Паллада в полном вооружении появилась из головы Зевса, отца Вселенной, то предвосхищающее сновидение заблаговременно занялось этой темой и доставило сознанию ее незаконченные эскизы. Для нас важно с помощью разума содействовать рождению грядущих явлений и поддерживать их целительное воздействие или под давлением предрассудков, узколобости и невежества вытеснять и тем самым обращать их влияние в свою противоположность, в яд и разрушение.

Меня заинтересовал вопрос, постоянно задаваемый моими пациентами. Чем полезна компенсация, которая из-за символической формы непонятна для сознания? Конечно, отвлекаясь от тех нередких случаев, когда для понимания смысла сновидения достаточно беглых размышлений, можно считать правилом, что наличие компенсации выявляется не сразу и поэтому легко упускается из виду. Язык бессознательного отличен от намеренной однозначности языка сознания, ибо образуется путем концентрации многих, зачастую тонких данных, чья принадлежность к содержанию сознания неизвестна. Он формируется не путем последовательных суждений, а следует за инстинктивным архаическим "паттерном",*, который из-за своего мифического характера не признается разумом. Реакция бессознательного - естественное проявление, которое не заботится или не осуждает отдельных людей, а руководствуется исключительно потребностями психического равновесия. Таким образом, при данных условиях, как я часто наблюдал, даже непонятное сновидение может действовать компенсаторно, хотя обычно необходимо осознанное понимание, согласно алхимическому тезису: "*Quod natura relinquit imperfectum, ars perficit*" (То, что природа оставляет незаконченным, завершается искусством). Если бы дело обстояло иначе, то

размышление человека и его усилия стали бы излишними. Со своей стороны сознание часто оказывается не в состоянии понять некоторые жизненно важные и даже им самим созданные ситуации во всей их полноте и важности и тем самым пробуждает более утонченный контекст бессознательного, который выражается не на рациональном, а на древнем, двузначном или многозначном языке. Так как метафоры этого языка простираются в отдаленную в историю развития человеческого духа, для понимания его смысла интерпретатору необходимы исторические знания.

Так обстоит дело и с нашей картиной: изображенное на ней открывает свой смысл только благодаря исторической амплификации. Страх, источник данной картины, объясняется столкновением сознательного мира художника с необычным явлением, возникшим из другой, незнакомой ему сферы бытия. Этот находящийся сзади, внизу и наверху мир предстает перед нами как бессознательное, которое своим утонченным содержанием содействует формированию осознанного и целенаправленного образа. Из этого возникает фигура "homo maximus", Антропоса и "filius hominis" (человека и сына человеческого) с огненной природой, возвещающего о своей божественности, т.е. нуминозности, своим подобием с такими фигурами, как Енох, Христос¹, Иисус Навин, и сходные воображаемые образы у Даниила и у Иезекииля*. Так как огонь Яхве** карает, убивает и пожирает, то наблюдатель имеет право вспомнить и об "огне гнева" Якоба Бё-ме*, заключающем в себе ад вместе с Люцифером. Поэтому рассыпанные огни можно понимать и как жар Святого Духа, и как пламя дурных страстей, т.е. как ту полную страсти крайность, на которую хотя и способна человеческая природа, но которая в повседневной жизни запрещена, подавлена, сокрыта или вообще неосознанна. Пожалуй, не без серьезных оснований имя "Люцифер" подходит обоим, Христу и дьяволу. Сцены искушения (Мат. IV, 3 и далее) описывают противоречия и неоднократно упоминаемую борьбу с дьяволом и его демонами, взаимное противостояние и одновременно внутреннее единство нравственного суждения. Противоположность существует только там, где есть одно и нет другого или где существует только односторонняя зависимость, т.е. где налицо только добро, но нет зла.

¹"Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся" — Лук. XIII, 49.

Огненная фигура двусмысленна и поэтому соединяет противоположности. Она является "объединяющим символом", т.е. превосходящей человеческое сознание целостностью, всесторонне "дополняющей" фрагментарность совершенно рассудочного человека. Одновременно она - носитель и счастья, и несчастья. Чем она станет - преуспеванием или гибелью - зависит от разумения и нравственного решения индивида. Поэтому наша картина представляет собой нечто похожее на послание к современным людям, призывом принимать во внимание и правильно толковать "знамения, появляющиеся на небе".

Преломление феномена НЛО в фантазии художника наделяет картину характеристиками, сходными и со встречающимися нам уже при анализе сновидения. По своей сути она относится к одному измерению - миру богов, который вроде бы нигде не связан с нашей реальностью. Картина производит впечатление, что это видение отдельного, избранного индивида, которому дано видеть и особым способом понимать, что втайне делают боги на земле. Толкование, которое дал при этом явлению художник, уносится в астрономические дали от принятого объяснения, согласно которому речь идет об управляемой космической машине.

Четвертое измерение (рис. 3)

Как картину в предыдущем разделе, так и эту работу диктует современность. Во избежание недоразумения сразу же замечу, что она написана на холсте и из-за особой обработки основы не соответствует деревянной фактуре, просвечивающейся и используемой для создания образа. Художник намерен изобразить что-то растущее или летящее. Чтобы подчеркнуть пересекающую картину горизонталь, он использует также "skyline" (линию горизонта - *англ.*). Тогда как Якоби противопоставил город, расположенный глубоко внизу на земле, просторному и высокому ночному небу (как это сделано и на упомянутой мною ранее картине из серии "активные фантазии"), Биркхойзер сдвинул горизонталь вверх, чтобы этим дать знать: задний план опускается вниз

благодаря удаленности земли. Город приглушенного темно-красного цвета; напротив, задний план светлого, зеленовато-голубого цвета воды, а местами бледно-желтый с ярко-красным.

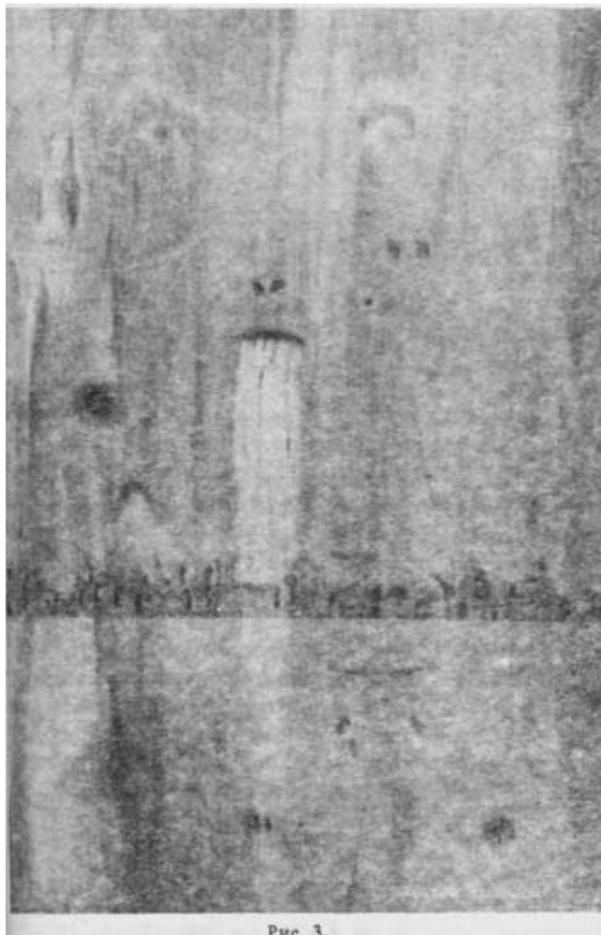

Рис. 3.

На этом заднем плане проступает 14 более или менее четких окружностей. Десять из них выглядят как гла-???? тично человеческие лица. Оставшиеся четыре выглядят как отверстия от сучков или как круглые, свободно парящие в человеческие лица. Оставшиеся четыре выглядят как отверстия от сучков или как круглые, свободно парящие в воздухе темные тела, некоторые из них окружены гало. Из рта огромного лица наверху течет вода, устремляющаяся сквозь город вниз. Ни один глаз не соприкасается с другим,

что подразумевает несоизмеримость миров, располагающихся в двух *toto coelo* (очень резко – лат). различающихся разных плоскостях: с одной стороны - в вертикальной, а с другой стороны - горизонтальной. Так как на горизонтали находится трехмерный город, на который слева падает не попадающий на задний план свет, то для последнего подходит только четвертое измерение. Разделяющая два мира линия образует крест (город и поток воды). Единственная отчетливая связь между этими мирами заключена во взгляде огромного лица, направленном вниз на город. Подчеркнутые ноздри и ненормально расставленные глаза подразумевают, что лицо можно считать человеческим только условно. Из четырех других лиц только одно - слева вверху - с трудом узнаваемо. Если лицо, находящееся в центре и выделяющееся своим размером и тем, что из его рта вытекает вода, признаем главным лицом и источником, то основная структура выглядит как группа из пяти объектов, т.е.

Это - символ Quinta Essentia*, идентичной Ляпису** философскому камню. Символ представляет собой разделенные на четыре части круг с центром - развертывающееся в четырех направлениях божество или характеризующееся четырьмя функциями единое основание сознания, т.е. Самость: здесь четвертичность обладай структурой 3 + 1: три зверино-демонических личины и одно человеческое лицо¹

¹При анализе круглых тел я хотел бы напомнить о "Звездной ночи" (1899) Ван-Гога, на которую обратили мое внимание друзья,

Такая своеобразная композиция нашей картины напоминает о частой в истории символики четвертичности, которую обсуждал еще Платон в "Тимее", а еще раньше пережил Иезекииль в видении четырех серафимов. У одного было человеческое лицо, у трех других - звериные личины. Этот мотив появляется также в некоторых изображениях сыновей Гора и в аллегорических изображениях евангелистов, равно как и в трех синоптических и в одном "гностическом" *

евангелиях, last not least, в четырех персонах христианской метафизики: Троица и дьявол. В алхимии структура 3 + 1 - постоянная тема и приписывается женщине-философу Марии ** коптке или еврейке (II-III век). Этот же мотив вновь поднимал Гёте в сцене с кабирами ("Фауст", II). Число четыре в качестве естественного разделения круга - символ целостности в философии алхимиков, которая распространяется на протяжении XVII в., при этом не следует забывать, что центральный христианский символ также четверка, более того, структура 3 + 1 изображается в виде вытянутого креста².

Эта картина, как и предыдущая, описывает столкновение двух несоизмеримых миров, вертикального и горизонтального, соприкасающихся только в одном месте, т.е. в одном случае - в намерении сеятеля посеять на земле огонь, в другом - во взгляде, направлением на землю.

Звезды изображены там как большие светящиеся диски, т.е. в таком виде, в каком они никогда не воспринимаются зрением. Говоря о своей картине, художник использует выражение "пантеистическое упоение" или называет ее "отпечатком апокалиптической фантазии" и сравнивает звезды диски с "группой живых образом наших братьев". Должно быть, картина возникла из сновидения.

²У машины-времени Уэллса Г. три видимых колонны, четвертая, однако, воспринимается смутно.

Что же касается четырех кругов, не являющихся глазами, то следует заметить, что только один из них представляет собой завершённую окружность. Второй круг (справа вверху) - светлый с темным центром; третий, темный, частично покрытый стекающей водой; наконец, кажется, что четвертый через свое отверстие испускает белесый туман. Итак, речь идет о дифференцированной четверке, которая в отличие от недифференцированной восьмерки глаз относится, если отвлечься от центрального главного лица, к четверичности со структурой 3 + 1.

Несомненно, главное лицо в равной мере и звериное и человеческое. Так как именно главное лицо представляет собой "источник живой воды" (квинтэссенция, *Aurum potabile*, *Aqua permanens*, *Vinum ardens*, эликсир жизни и

т.п. - синонимы) и на три четверти выглядит как звериное, а на одну четверть человеческое, то его человеческое качество отнюдь не очевидно. Возникает представление о "человекоподобном существе", в видении Иезекииля, появляющемся на престоле из сапфира и напоминающем о необузданном характере Яхве, который проглядывает во многих местах Ветхого завета. В мире христианских образов есть противоположный случай, поскольку Троица состоит из трех ипостасей (ранее часто изображалась в виде трицефала) и четвертой, традиционно изображаемой в виде полуживотного. Представляется, что наша мандала (символический круг) дополняет христианскую целостность.

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство: два нижних лица - это обратное изображение верхнего, но они являются не зеркальным отражением, а самостоятельными сущностями и представляют собой нижний или противоположный мир. К тому же одно из двух лиц светлое, а второе выглядит темным и чем-то похоже на острое ухо. В отличие от этого контраста вода недвусмысленно и однозначно течет сверху вниз, что означает падение. Источник расположен не только над горизонталью земли, но и над центром картины, тем самым верхний мир - местоположение источника жизни. Так как обычно трехмерное тело понимается как место обитания "жизненной энергии", то здесь речь идет о компенсации, ведь источник перемещается в четвертое измерение. Родник вытекает из идеального центра, главного лица. Стало быть, четвертое измерение только по видимости симметрично, а на самом деле асимметрично - что в равной степени важно и для ядерной физики, и для психологии бессознательного.

"Четырехмерный" задний план картины - это "лицо" в его двойном значении: то, что видит, и то, что видят. Вероятно, совершенно случайно получилось именно так, все могло выглядеть и совсем иначе, пожелай этого прихоть случая: россыпь нематериальных точек на едва намеченной, зыбкой поверхности, большинство из них без всякого умысла служат глазами неразумных, зверо-человеческих лиц, на которых отсутствует какое-либо выражение. Такой вид не привлекает внимания; оно исключает любую попытку подступиться к нему, потому что случайная природная форма - особенно если она не несет никакой эстетической нагрузки - обычно

не вызывает симпатии. Ее абсолютная случайность, будучи пустой игрой фантазии, не дает ни малейшей зацепки для обнаружения смысла. Уже это заслуживает часто кажущегося дилетанту непонятным интереса психолога, который, следуя смутному стремлению к порядку, использует для этого самое простое средство, а именно исчисление. Конечно, там, где налицо более или менее сопоставимые характеристики, основой классификации остается количество. В любом случае маленькие диски или отверстия оказываются круглыми, а большинство походит на глаза. Только случайно - повторяю - возникают числа и другие виды порядка, чье повторение чаще всего маловероятно. Поэтому в таких случаях необходимо воздержаться от статистической обработки или логического эксперимента, ибо научная проверка потребовала бы в нашем случае астрономических цифр. Подобные приемы исследования возможны только там, где за самое короткое время эксперимент может быть многократно повторен, как, например, при поисковом методе Райна. Поэтому данный случай представляет собой уникальный комплекс, о котором со статистической точки зрения можно сказать, что он ничего не означает. Но так как здесь мы вынуждены иметь дело с психологией, для которой подобные курьезы могут быть важны, потому что сознание невольно находится под сильным впечатлением от их нуминозности, то следует учитывать этот факт, каким бы незначительным, невероятным и иррациональным ни казался, - именно потому, что он представляет собой важный фактор психического явления. И все же хотелось бы подчеркнуть, это ничего не доказывает.

Психология, там, где она практически затрагивает человека, не может довольствоваться только усредненными данными, объясняющими исключительно обычное поведение, а обязана уделять особое внимание индивидуальным случаям, становящимся жертвами статистики. Человеческая психика обретает своеобразие не в усредненном, а в неповторимом, которое теряется в ходе научной обработки. Опыты Райна научили нас - хотя практика сделала это несколько ранее него - тому, что невероятное способно произойти и что наша картина мира соответствует действительности только тогда, когда в ней есть место и для невероятного. Сугубо научную установку не привлекает

такой способ рассмотрения, чему не мешает даже то, что без исключений нет и статистики. Еще можно добавить, что для реальной действительности исключения едва ли не более важны, чем усредненные данные.

Наша картина допускает определенные выводы о природе форм, появляющихся на небе. "Небо" - это не видимая нами голубая атмосфера и даже не заполненный звездами космос, а своеобразное четвертое измерение, содержащее сверхживотных и сверхлюдей, а наряду с ними темные диски или круглые отверстия. Если это - дыры, то речь идет о трехмерном теле, у которого отсутствует четвертое измерение. Как уже упоминалось, задний план обладает абсолютно текучим, "водянистым" характером и поэтому совершенно противоположен сугубо огненной природе предыдущей картины. Огонь символизирует динамику, страсть и аффект, напротив, вода, из-за своей низкой температуры и материальности, представляет собой *patiens* (терпение - *англ. Прим. пер.*), пассивный объект, беспристрастное созерцание, отсюда "*aqua doctrinae*" утоляющая жажду и "охлаждающая", гасящая огонь, т.е. "саламандра" алхимии. Как говорили старые учителя алхимии, *aqua nostra ignis est* (наша вода - это огонь), при этом речь идет об идентичности, разлагаемой, однако, мышлением на противоположности, подобное обнаруживается и в случае с бессознательным образом бога. Такая видимая таинственность свойственна так или иначе всему сущему, в особенности бессознательному, реальность которого мы в состоянии обнаружить только, как говорится, путем сравнения. Таким образом, и четвертое измерение можно считать простой математической фикцией, выдумкой нашего разума или откровением бессознательного, ибо о нем отсутствует соответствующее практическое наблюдение.

Поэтому, исходя из бессознательной обусловленности элементов образа, относительно НЛО складывается мнение, что речь идет о ставшем наглядным содержанием заднего плана, стало быть, об архетипических формах.

Картина И. Таути (рис. 4)

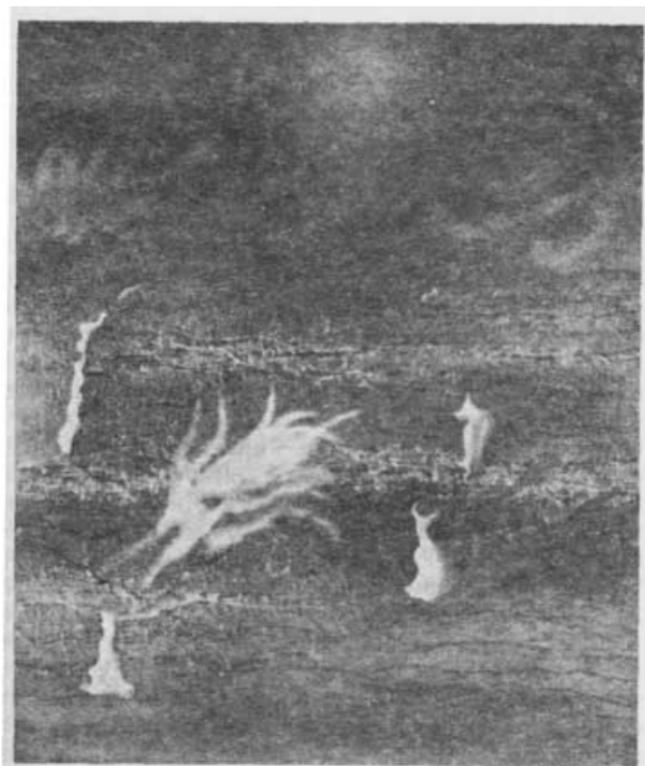

Рис. 4.

Картина Ивеса Танги написана в 1927 г. Значит, она более чем на десятилетие предшествует эпохе крупных бомбардировок городов. Ведь кажется, что именно о последних напоминает картина. Так как обычно современную картину трудно интерпретировать, она упраздняет смысл и форму или вынуждена преодолевать и заменять их экстравагантностью, то я продемонстрировал ее, возможно, большему числу самых разных людей, т.е. использовал что-то похожее на тест Роршаха*. Задний план, выполненный в черном и белом цвете и обнаруживающий минимум четкости и максимум абстрактности, большинство толкуют как плоскость. Такое толкование решительно подкрепляет тот факт, что на картине есть источник света, который с высоты примерно 30-45 градусов наделяет тенями пять центральных фигур. Хорошо видно как эти тени падают

на плоскость. Последнюю ??? лучаю по-разному: одни видят в ней покрытое льдом море во время полярной ночи, другие - ночное море в тумане, третьи - поверхность необитаемых и удаленных от Солнца планет, скажем Урана или Нептуна, а другие, наоборот, большой ночной город вроде Сан-Франциско или Нью-Йорка, окутанный тусклым мерцающим светом и расположенный вдоль морской бухты. Странная пятерка над городом ставит большинство в тупик. Но некоторые интерпретируют ее как падающие бомбы, другие - как взрыв (в особенности центр). В центральной фигуре одни видят морское животное (морскую ветреницу, полип и т.п.) или цветок, другие - лицо демона с растрепанными волосами, смотрящее слева вниз, третьи - облако тумана и дыма от большого пожара. По аналогии и четыре окружающие фигуры толкуются как разновидность морских животных, образований из дыма, желе или из-за рогов как злых демонов. Фигура в левой половине картины, которая своим ярким желто-зеленым цветом отличается от других, тусклых и неопределенно окрашенных, интерпретируется как ядовитый дым, водяное растение, пламя, пожар отдельного дома и т.п.

Как признано почти всеми, фигуры отбрасывают тени на расположенную ниже плоскость. Должен признать, что меня более всего убеждает сравнение с большим ночным городом у моря, которое предполагает значительную высоту наблюдения, скажем высоту самолета. Должно быть, художник вначале был моряком, и тогда ему выдался случай для подобных наблюдений.

Горизонт теряется за расположенными низко облаками, над которыми парит круглое слабо светящееся пятно, слева примыкающие к плохо освещенному слою облаков (?) сигарообразной формы. Как бы случайно в центре светимости находится очень плохо видимое на репродукции пятно того же, что и пламя, цвета (слева в группе из пяти предметов). Второе - идентичной окраски, но на этот раз отчетливо видимое пятно - расположено гораздо ниже (справа от середины картины), прямо над городом (?). Тонкая линия соединяет его с аналогичным пятном, которое кажется продолжением пламени (?). Продолговатая форма второго пятна указывает на середину плохо видимого концентрического круга, который как будто вращается.

Примечательно, что и упомянутое первым пятно (над центром картины) соединено с такими же концентрическими кругами. Поскольку слишком темно, его, к сожалению, нельзя обнаружить на репродукции, а только на оригинале при соответствующем освещении. На картине видна лишь эллиптическая светимость, окружающая желтоватое пятно. При ощупывании круг воспринимается как слегка выделяющаяся линия. Ее либо нанесли краской, либо - что еще более вероятно - процарапали в краске острым инструментом. Но в ее округлости нет сомнений, очевидной в отношении нижней концентрической формы.

Что касается этих деталей, речь, видимо, идет о чистых случайностях, такое же впечатление безусловно складывалось в определенной мере и от предыдущей картины. Упреки в чистой случайности решительно нечего противопоставить. Однако при сравнении дело приобретает несколько иной вид. Как случайно появление двух темных, почти неразличимых окружностей, столь же случайна сигарообразная форма на ночном небе, а также слегка эллиптическая светимость с маленьким ярким пятном и линия, соединяющая две окружности с пламенем. Линию можно без труда продолжить и предположить, что пламя относится к снаряду, появляющемуся из темной окружности, т.е. - как мы сказали бы сегодня - из НЛО, которому, кроме всего прочего, приписывается способность вызывать пожар. Здесь огонь сеет НЛО, так как от него четкая линия ведет к пламени, где она и оканчивается. Правда, есть еще ряд других почти волнообразных линий, пересекающих картину по горизонтали, отчасти они похожи на проспекты, отчасти - на границы территорий. Связаны ли они с небесными явлениями? Об этом и многом другом остается только догадываться: например, точнее неопределимых, по виду вещественных форм, которые вместе с пламенем образуют четверку со структурой $3 + 1$. Равным образом вряд ли можно расшифровать форму в центре картины, при всем том, что она недвусмысленно отличается от других похожих на облако образований, хотя, как и последние, отбрасывает тень.

Описание картины было бы неполным, не укажи я на одну важную связь, устанавливаемую при более тщательном рассмотрении картины: цилиндрическая, фаллическая

форма облака (?) в верхней левой части направлена на указанный круг и тем самым с сексуалистской точки зрения может быть истолкована как совокупление. Как отчетливо видно в верхней половине картины, из этой округлости возникает небольшое пламя, в свою очередь опять-таки связанное с большим пламенем (внизу слева). Так называемое пламя - это единица, отличающаяся от тройки, стало быть, одна дифференцированная функция против трех недифференцированных и тем самым психологически главных функций. Четверка в целом символизирует развившуюся целостность, т.е. эмпирически проявившуюся Самость. Имя гностического божества звучит как Барбело, что означает: "Бог - это четыре". Согласно представлениям раннего христианства, единство ставшего видимым бога основывается на число "четыре", т.е. на "столпах" четырех Евангелий (образующих структур $3 + 1$), подобно гностическому моногеносу* (Unigenitus, единоутробный) за трапезой (Trapeza, четвероногий-стол). Христос - это глава еkkлезии (общины). В качестве бога он является единством троичности, а в качестве исторически существовавшего сына человеческого и Антропоса - образцом и прототипом углубившегося во внутренний мир человека одновременно - вершиной, и целью, и цельностью эмпирического человека.

В результате возникает вроде бы случайная картина находящегося на небе иерогамоса (святого брака), за которым следует рождение Избавителя и Божоявление на земле. Для картины характерна явно выделенная горизонталь. Вертикаль четко выражена с помощью четвертичности и изображается драматически, а именно посредством небесного происхождения огня. Нельзя сразу же отвергнуть сравнение с бомбардировкой, поскольку этот вариант носился в воздухе во время создания картины, с одной стороны, как воспоминание, а с другой - как предвосхищение. Образы НЛО наверху и странное явление внизу образуют выразительную вертикаль, которую легко интерпретировать как вторжение предметов иного порядка. Без сомнения, акцент картины приходится на группу из четырех предметов, достаточно рассмотренную нами ранее. Она выглядит типичной загадочной картинкой, что явно входит в намерение художника. Несомненно, ему удалось выразить пустынную, холод, безжизненность, даже

"бесчеловечность" космоса и дурную бесконечность горизонтали, невзирая на вторжение "большого города". Тем самым он подтверждает тенденцию этой разновидности современного искусства изменять объект до неузнаваемости и пресекать соучастие и разумение зрителя, который чувствует себя отвергнутым и обреченным тщетно копаться в самом себе. Психологический эффект сравним с эффектом теста Роршаха, в котором совершенно случайная иррациональная картинка обращается к таким же иррациональным силам фантазии у зрителя и тем самым включает в игру его бессознательную предрасположенность. Там, где направленное вовне внимание ведет себя до некоторой степени запальчиво, это отражается на так называемом "субъективном факторе" и повышает его энергетический заряд - феномен, который четко проявился уже при первых ассоциативных опытах. Сказанное экспериментатором отдельное слово-раздражитель ошеломляет в той мере, в какой оно неоднозначно, и по этой причине вызывает некоторое замешательство испытуемого. Последний не знает точно, как ему следует отвечать, из-за этого в ходе экспериментов имеет место чрезвычайное разнообразие ответов, а главное, значительное количество искаженных реакций¹, вызываемых вторжением бессознательного. Из бесцеремонного нарушения заинтересованности (в результате непонимания) следует интроверсия последней и обусловленное этим состояние сознания. Тот же эффект и у обсуждаемого здесь современного искусства. Поэтому ему можно приписать сознательное или бессознательное намерение вызвать у зрителя аскетическую, избегающую понятного и приятного "мира" точку зрения, а за это как бы взамен утраченного, понятного человеку окружения, заставить раскрыть бессознательное. В основе такого намерения лежит практическое применение ассоциативного эксперимента * и теста Роршаха: они должны доставить сведения о качествах заднего плана сознания. И выполняют эту задачу с большим успехом. "Экспериментаторская установка" современного искусства очевидна ему самому; оно задает зрителю вопросы: "Как ты реагируешь? Как ты мыслишь? Что за фантазия пришла тебе в голову?" Иначе говоря, это означает: современное искусство только по видимости имеет в виду созданный им образ, на самом деле

оно рассчитывает на воспринимающего субъекта и его произвольную реакцию. Когда тщательно всмотревшись в картину видят оттенок цвета, то внимание возрастает, и тут обнаруживается форма, насмехающаяся над любым человеческим разумом. Из-за чувства разочарования зрители обречены на субъективную реакцию, изливающуюся во всевозможных восклицаниях. Тот, кто научился их читать, может многое узнать о субъективной предрасположенности зрителя, но мало или совсем ничего о картине как таковой. Последняя для него - всего лишь психологический тест. Это, видимо, звучит обескураживающе, но только для того, у кого "субъективный фактор" в качестве реального свойства души вызывает чувство неудобства. Впрочем, если его интерес направлен к собственной душе, то он обратится к последней и попытается тщательнее исследовать свои разбухшие комплексы.

¹ Торможение, пропуск, оговорка, последующее забывание и т.д. Они образуют признаки так называемого комплекса.

Но так как сегодня даже самая смелая фантазия творящего художника - как бы далеко она не выходила за границы понятности - связана рамками психических возможностей, то в его картине могут появляться определенные, незнакомые ему формы, которые обозначают эти ограничения и пределы. В случае с картиной Танги таковыми являются четверка предметов, четверичность со структурой $3 + 1$ и, кроме того, "небесные знамения" в виде окружностей и сигарообразных форм, т.е. в виде архетипов. При попытке покинуть мир наглядных и понятных вещей и двинуться в беспредельность хаоса изобразительное искусство вызывает, хотя и в совершенно иной степени, чем психологический тест, "комплексы", которые, впрочем, сменили свой привычный для личности вид и поэтому появляются в изначальном виде, а именно в первоначальной форме инстинкта. Они сверхличностны, т.е. обладают коллективно-бессознательной природой. Индивидуальные комплексы возникают там, где происходят конфликты с инстинктивными задатками. Такие конфликты - места пониженного приспособления, чувствительность которых пробуждает аффекты, и как раз те аффекты, которые срывают с лица цивилизованного человека маску

приличия. Видимо, это и есть цель, которой косвенно добивается наше современное искусство. Правда, в этой области, видимо, еще и сегодня преобладает крайний произвол и невообразимый хаос. Впрочем, вызванные этим потери в красоте и смысле, покрываются усилением бессознательного. Поскольку последнее находится не в хаотическом состоянии, а обладает естественным порядком, то следует ожидать, что со временем возникнут формы, демонстрирующие этот порядок. Мне кажется, что это и происходит в приведенных мною примерах. В хаосе вариантов как бы случайно появляются неожиданные принципы порядка, которые находятся в самом близком родстве с психическими доминантами вечности, одновременно привлекают характерной для нашего технического века коллективной фантазией и завораживают небесами.

Подобные картины редки, но все же они есть. Так что даже если только немногие люди видели НЛО, нельзя сомневаться в существовании слухов. Они привлекли к себе даже склонных к крайнему реализму военных. Тому, кто хочет выработать независимую от меня картину распространенности легенды об НЛО, я рекомендую книгу Эдгара Сиверса "Летающие тарелки над Южной Африкой"¹. Будучи во многих отношениях спорной, она предлагает добротную картину усилий, которые разумный и доброжелательный человек нашего времени считает необходимым предпринять при желании понять НЛО. Безусловно, именно это дерзкое стремление заставляет данного автора привести в движение небеса и преисподнюю. К сожалению, ему недостает знания психологии бессознательного, которую в данном случае хорошо было бы принять во внимание в первую очередь. Но этот пробел в знаниях он разделяет с огромным большинством своих современников. Его книга предлагает множество старых и новых попыток объяснения, опирающихся на естественнонаучные и философские точки зрения и даже на непроверяемые, к сожалению, теософские утверждения. Некритичность и доверчивость, в противном случае ставшие бы пороком, здесь сослужили хорошую службу, поскольку позволили собрать разнородные умозрения о проблеме НЛО. По этой причине то, кто интересуется психологией этого слуха, книгу прочтет с

пользой, ведь она доставляет ему обширные сведения о психической феноменологии НЛО.

¹Sievets E. "Flying Saucers uber Sudafrika".
Pretoria, 1955.

К истории феномена НЛО

Хотя НЛО стали общеизвестны лишь в конце второй мировой войны, однако сам феномен был известен до этого и наблюдался не только в первой половине XX столетия, а и в предыдущие века и, быть может, наблюдался и был описан уже в античные времена. В литературе об НЛО есть подборка всевозможных, относящихся к ним сообщений, которые, впрочем, нуждаются в критическом рассмотрении. Я облегчу себе эту задачу, предложив читателю только несколько примеров.

Базельская листовка 1596 г. (рис. 5)

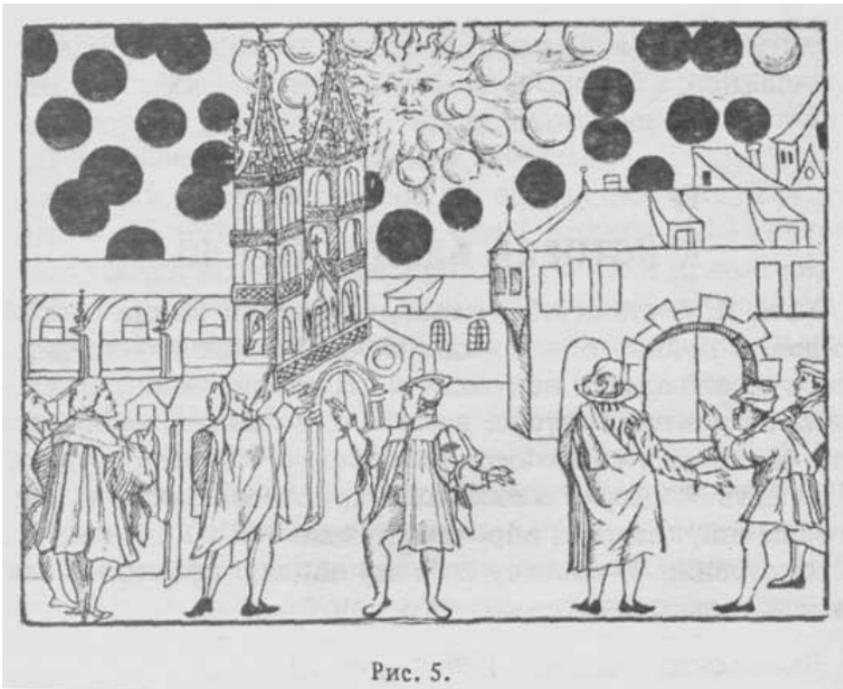

Рис. 5.

Речь идет о листовке "der heylgen Geschrift vnnnd freyen kunsten studiosus zu Basel im Vatterland", составленной

Самуэлем Коккиусом в августе 1566 г. Он сообщает, что 7 августа этого года во время восхода солнца в воздухе были видны большие черные шары, "улетающие стремительно и резко за солнце, затем возвращавшиеся и словно бы сражавшиеся друг с другом, некоторые из них вращались и были управляемы, другие уменьшались и исчезали".

На иллюстрации видно, что явление наблюдали в Базеле. Рисунок изображает площадь Мюнстера с Собором святого Павла. Темный цвет НЛО, видимо, результат наблюдения этих объектов против лучей восходящего солнца. Другие, напротив, светлые (и даже огненные). Для НЛО характерна быстрота и произвольная беспорядочность движения.

Нюрнбергская листовка 1561 г. (рис. VI)

Листовка появилась в Нюрнберге и свидетельствует об "ужасающем зрелище" 14 апреля 1561 г. во время восхода солнца. Его наблюдали "множество мужчин и женщин". Рядом с солнцем появились "шары кроваво красного, голубоватого и черного цвета или округлые шайбы, около трех футов в длину и, скорее всего, четырех в диаметре, некоторые были отделены от других, а между такими шарами виднелось несколько крестов кровавого цвета". К тому же "две большие трубы" (т.е. три)... в которых вращались большие и малые шарики, а также четыре или больше шаров. Все они сражались друг с другом". Зрелище наблюдалось около часа. Затем "все они, как бы отторгнутые солнцем, упали с неба на землю подобно огню и вызвали внизу на земле огромные столбы дыма". Среди шаров была видна продолговатая форма, "похожая на огромное черное копье". Само собой разумеется, что это "зрелище" было понято как божественное предостережение.

От читателя, видимо, не укрылось, что в этом сообщении содержатся детали, напоминающие о предыдущей картине. Среди них в первую очередь "трубы", аналогичные цилиндрическим формам из сообщений об НЛО. На языке НЛО это корабли-матки, которые должны перевозить маленькие линзообразные НЛО на большие расстояния.

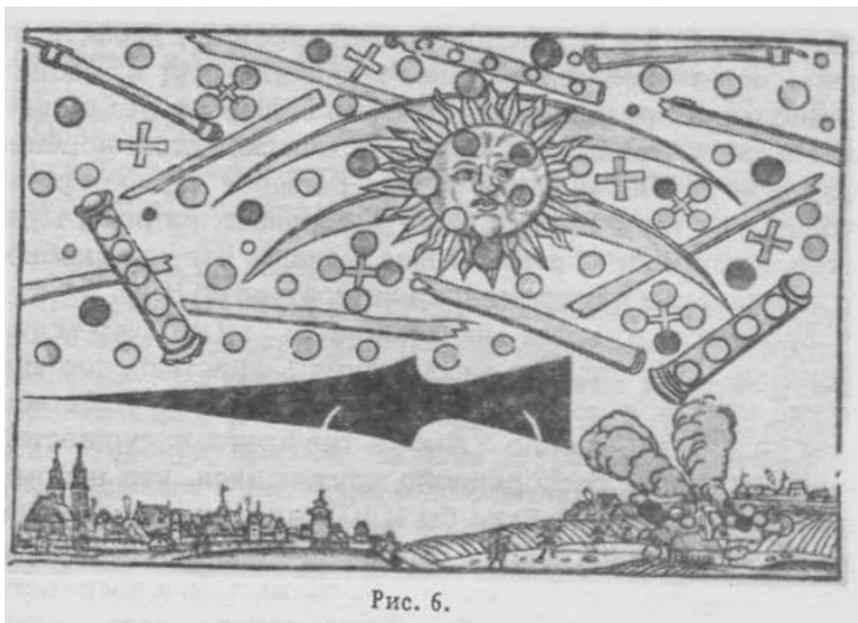

Рис. 6.

Рисунок изображает их в действии, а именно во время отправления или приема НЛО. Особенно важна, хотя и отсутствует в современных сообщениях об НЛО, бесспорная четверичность, наблюдаемая отчасти в виде простых крестов, отчасти - в виде крестообразно соединенных дисков, т.е. в виде настоящей мандалы. Случайно перед нами четыре простых креста и четыре мандалы. Примечательно, что в дилемме 3 и 4 появляется еще и мотив $3 + 1$. Как для нашего времени характерно технизированное толкование, так и для XVI в. свойственно милитаризованное объяснение. Шары - это пушечные ядра, а "трубы" - пушки, хаотическое столкновение шаров - артиллерийская дуэль. Большое черное острие копья, как и рукоятка пики (?), означает, видимо, мужское, в частности проникающее, начало. Что-то подобное упоминается и в современной литературе об НЛО.

Бросается в глаза выделение мотива креста. Вряд ли здесь следует рассматривать христианское значение креста, ведь речь идет, так сказать, об естественном явлении, а именно о множестве круглых сущностей, стремительно и беспорядочно кружащихся, что напоминает репортеру бой. Если бы НЛО были живыми существами, то в голову пришла

бы мысль о рое каких-то насекомых, поднявшихся с солнца не сражаться, а спариваться, т.е. справлять свадьбу. В этом случае крест - единство противоположностей (вертикаль и горизонталь), "скрещивание" и, подобно знаку плюс, соединение и сложение. Там, где произошло сопряжение, т.е. в чет-вертичности, речь явно идет о спаривании с помощью креста - о так называемой брачной четверке, описанной мною в моей работе о переносе¹. Она образует схему примитивного "cross-cousin-marriage" (брака между кузинами - англ.), но одновременно является символом индивидуации, союзом "четырех". Две похожие на четверть луны "полосы кровавого цвета", пересекающие солнце, не поддаются простому толкованию. На земле, в местах, куда падали шары, поднимаются столбы дыма, что напоминает картину Танги, как и четверичность. Момент солнечного восхода, "Aurora comsurgens"* святого Фомы и Якоба Бёме, впечатляет как появление света.

К.Г.Юнг «Психология переноса»

Оба сообщения явно аналогичны не только друг другу, но и современным известиям о тарелках и нынешним формам индивидуального бессознательного.

Гравюра XVII века (рис. 7)

Этот рисунок XVII в., предположительно изображающий озарение розенкрейцеров, неизвестного мне происхождения.

На правой стороне изображен знакомый нам мир. Паломник, явно дошедший до "pelerinage de l'ame"*, просунул голову за ночную границу своего мира и заглядывает в иную, сверхъестественную Вселенную с ее слоями различных облаков, с горами (?) и пр. В ней есть колеса Иезекииля и дискообразные окружности или формы, похожие на радугу, явно представляющие "небесные сферы".

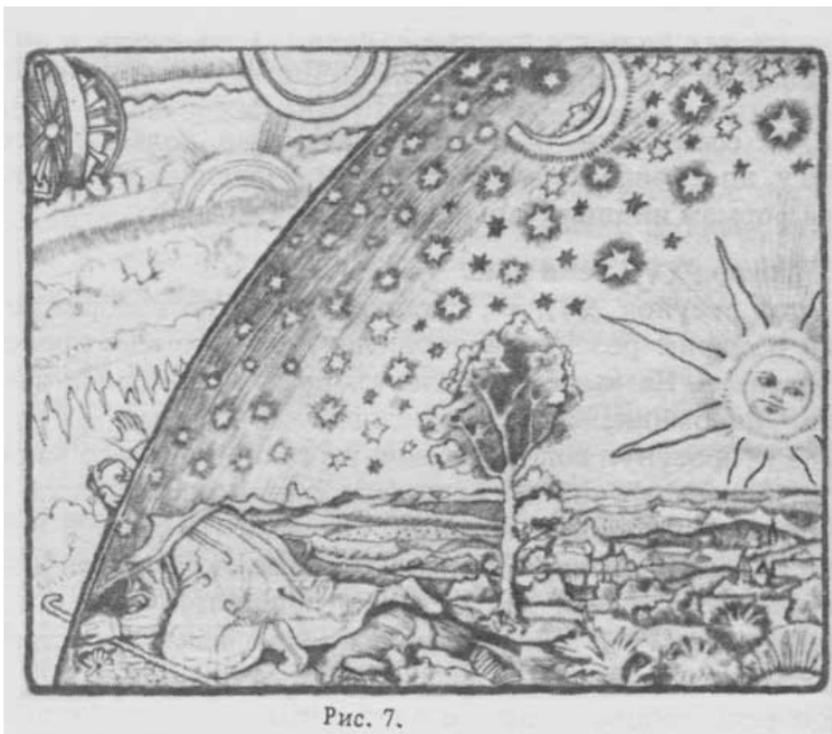

Рис. 7.

В этих символах перед нами предстает прототип видения НЛО, выпавшего "озаренному". При этом речь, видимо, идет не о небесных телах, принадлежащих к эмпирическому миру, а о проекции "ротонды" внутреннего или четырехмерного мира. Такое положение дел еще отчетливее предстает в следующей картине.

Из рукописи "Scivias" Х. фон Бингена (рис. 8)

Этот рисунок взят из рупертсбергского кодекса "Scivias" Хильдегарда фон Бингена (XII век). Он изображает оживление, т.е. наделение душой ребенка, зарождающегося в теле матери. Из верхнего мира influxus (истечение - *лат.*) просачивается в *foetus* (связь, союз. -*лат.*). Как ни странно, этот сверхмир имеет квадратную форму и разделен соответственно Троице на три части; однако отличается от последней, всегда состоящей из трех одинаковых частей, наличием пустого центрального поля. Это поле содержит круглые формы, тогда как два другие характеризуют мотив

Рис. 8.

глаз. Здесь, как и в колесах Иезекииля, ротонда комбинируется с глазом.

Как сообщает текст Хильдегарда, блеск "бесчисленных глаз" (на самом деле их всего 24) означает "мудрость бога", т.е. его зрение и познание, по примеру семи очей Божьих, "которые объемлют взором всю землю" (Зах. IV, 10). Напротив, ротонды являются делами Божьими, как, например, отправление своего сына Спасителем (с. 127)». Здесь Хильдегард добавляет: "Все, и доброе, и злое, проявляется в мудрости Бога, ибо она не омрачена никаким неведением" Дело в том, что мыслящие души людей - это "огненные шары" (с. 120, 126, 130), и, вероятно, душа Христа была подобным шаром,

ибо своим видением Хильдегард намекает не просто на появление человека, а особенно на Христа и Богородицу (с. 127). Разделенный на три части четырехугольник изображает дух, который воспринимает ребенок, (с. 129). Оплодотворяющая сторона Святого духа соединяет божество с материей, что явно следует из Священного писания. Очевидно, что промежуточной формой между духом и материей являются ротонды, предварительные ступени живых и одушевленных тел, во множестве (30) заполняющих поле четырехугольника. Число 30 - как бы случайно оно ни было - указывает на Луну, властительницу материального мира, тогда как число 24 - означая продолжительность суток - откосится к *Rex Sol* (царь-солнце - лат.). Тем самым подразумевается мотив конъюнкции (Солнца и Луны); видимо, один из тех многочисленных случаев бессознательного предчувствия, позднее выразившегося в определении Бога у Николая Кузанского как *complexio oppositorum* (единство противоположностей - лат.). На миниатюре шары цвета пламени, огненные семена, из которых рождаются человеческие существа -

разновидность икры-пневмы*. Такое сравнение оправдано в той мере, в какой алхимия сравнивает ротонду с "*oculi piscium*" (рыбьими глазами - лат.). Глаза рыбы, как и глаза Божьи, постоянно открыты. Они равнозначны *scintillae* (искры - лат.), представляющим, в свою очередь, "искры души". Нет ничего невероятного в том, что они привились у Хильдегарда в качестве алхимических представлений через посредничество атомов Демокрита (*Spiritus insertus atomis - искры разума разбивают неделимые атомы - лат.*). Нечто похожее правомерно и для четырехугольника Духа святого.

В алхимии квадрат как четверичность - символ целостности. В то же время, будучи "угловатым", он характеризует землю, духу присуща форма круга. Земля представляет женское начало, дух -- мужское. Во всяком случае квадрат как символ мира пневм очень необычен, но становится понятнее, если принять во внимание пол Хильдегарда. Эта примечательная символика отражается в известной проблеме квадратуры круга, равным образом представляющей собой *coniunctio oppositorum (единство противоположностей - лат.)*. В алхимии "четыреугольность", считаясь важным качеством, придается единичным сущностям, *Mercurius Philosophorum sive quadratus* и характеризует его хтоническую природу, которой он обладает наравне с духовностью. Он - и металл, и "дух". В христианской догматике этому соответствует то, что Дух святой в качестве третьего лика Божьего не остается привилегией Бога, ставшего человеком, а распространяется и на обычного, *запятнанного macula peccati (пятно греха - лат.)* человека. Впрочем, во времена Хильдегарда эта идея еще не была эксплицитно осознана, но из-за аналогии с Христом была, видимо, имплицитно активизирована, существуя в коллективном бессознательном. В содержание сознания она вошла уже в следующем веке, но была четко разработана еще в III в. в трудах Зосимы из Панополя. Впрочем, относительно исторической связи нужно подчеркнуть, что дело вряд ли заключается в ней, а скорее в активизированном архетипе прачеловека (Антропоса).

Равным образом алхимии свойственна ритмическая структура Духа Святого. Он - единство, состоящее из двух принципов: из глаз и огненных шаров, разделенный на три части и прямоуголен. Эта тема известна под названием

аксиомы Марии (женщины-философа из Александрии III в., сыгравшей определенную роль в классической алхимии).

Обе видимых на картине группы людей воплощают судьбу, которой подчинена пробуждающаяся душа. Существуют люди, изготавливающие "хорошие, посредственные или плохие сыры"¹, при этом черт подталкивает их под руку.

Согласно словам Хильдегарда.

Рисунок, как и предыдущий (7), ясно демонстрирует, что глаза и огненные шары отнюдь не идентичны небесным телам, и отличаются от звезд. Это подтверждает -шары изображают *души*.

Резюме

Из примеров сновидений и из различных рисунков следует, что для проявления своего содержания бессознательное пользуется фантастическими элементами, сопоставимыми с феноменами НЛО. Более того, в сновидениях 1, 2, 6 и 7 и в картине "Сеятель огня" (рис. 2) связь с НЛО осознана, тогда как в остальных сновидениях и в случае двух других картин такая связь не обнаружена. Если в сновидениях подчеркивалось, так сказать, личное отношение между НЛО и наблюдаемым в сновидении объектом, такое отношение полностью отсутствует в картинах. Личное участие в Божоявлении или в иных визионерских событиях, как известно, изображается на средневековых картинах с помощью явной актуализации видений у реципиента. Однако подобное представление совершенно не соответствует программе современной живописи, заключающейся скорее в том, чтобы как можно дальше отвести свои объекты от зрителя, подобно картинке из теста Роршаха — намеренной "кляксографии" во избежание любого воздействия на разум и ради пробуждения чисто субъективной фантазии.

После тщательного исследования сновидения, как и картины, обнаруживают смысл, который вполне можно характеризовать как Божоявление. В рис. 2. этот смысл ясен без каких-либо пояснений. В' других случаях к аналогичному результату приводит более или менее обстоятельный сравнительно-психологический анализ.

Читателю, не доверяющему психологии бессознательного, я хотел бы заметить, что мои умозаключения берут начало не в моей необузданной фантазии, как, скажем, часто поспешно предполагают, а основываются на результатах исследования истории символов. Единственно ради того, чтобы не усложнять мой текст пояснениями, я отказался от

любых ссылок на исходный материал. Тем же, кто чувствует потребность проверить справедливость моих выводов, нужно волей-неволей предпринять усилия и познакомиться с моими соответствующими работами. Метод амплификации, применявшийся мной для толкования смысла, доказал свою плодотворность как на историческом, так и на актуальном материале. В данном случае он обеспечил достаточно надежный — как мне кажется — вывод, что во всех примерах проявляется известный в качестве центрального архетип, названный мною Самостью. Именно это происходит в стародавнем образе нисходящего с неба Божоявления, сущность которого в большинстве случаев отмечена противоположностями, а именно огнем и водой, согласно так называемому "циту

Давида" состоящему из: Δ =огни и ∇ =воде. Шестеричность — символ целостности: четыре — в качестве естественного разделения круга, два — в качестве вертикальной оси (зенит и надир), стало быть, пространственное представление целостности. Современным развитием символа правомерно считать намек на четвертое измерение в рисунках 2 и 3.

Противоположность мужского и женского проявляется в продолговатых и круглых объектах: форма сигары и круга (рис. 4). Вероятно, это символизация секса. Китайский символ единой сущности, дао, состоит из Ян (огонь, жар, сухое, южная сторона горы, мужское и т.д.) и Инь (темное, влажное, холодное, северная сторона горы, женское и т.д.). Следовательно, это полностью соответствует вышеупомянутому иудейскому символу. Христианский аналог содержится в церковной доктрине о единстве матери и сына и в андрогинности Христа, не говоря о прасуществованиях гермафродитов экзотических и примитивных религий, в "отце-матери" гностиков и — last not least — в гермафродите Меркурии у алхимиков.

Третья противоположность — верхнее и нижнее, как, например, в рис. 3, где она скорее перенесена в четвертое измерение. В остальных примерах она различает то, что происходит наверху на небе, и то, что случается внизу на земле.

Четвертая противоположность единичности и четверичности проявляется в соединении четырех предметов (рис. 3 и 4), при этом четыре в известном смысле образует рамки единого, особо выделенного в качестве центра. В истории символов четверка появляется как развертывание единого. Единая космическая суть непознаваема, так как ее нельзя ни от чего отличить и ни с чем сравнить. С развитием в "четыре" она достигает минимума различных качеств и поэтому может быть познана. Это соображение — не метафизика, а всего лишь психологическая формула, которая описывает процесс осознания бессознательного содержания. Пока что-то остается в бессознательном, у него нет познаваемых качеств, и поэтому оно относится к вообще неизвестной величине, к бессознательному Везде и Нигде, некоторым образом к "не бытующей", если воспользоваться гностическим выражением, сущности космоса. Но, когда бессознательное содержание проявляется, т.е. вступает в сферу сознания, оно уже разделено на "четыре", иными словами, оно может стать предметом опыта только благодаря четырем основным функциям сознания: такое содержание воспринимается как нечто несуществующее, в таком качестве познается и отличается от познанного, оказывается приемлемым, "приятным" или, наоборот, "неприятным" и, наконец, предчувствуется, откуда возникает и куда направляется. В данном случае последнее не может быть ни воспринято органами чувств, ни осмыслено интеллектом. Поэтому его протяженность во времени и происходящее с ним являются по преимуществу предметом интуиции. Вследствие этого расщепление на "четыре" означает то же, что и разделение горизонта на четыре стороны света или годового цикла на четыре времени года. Иными словами, в акте осознания выявляются четыре основных аспекта целостного решения. Естественно, это не мешает тому, чтобы игривый ум сумел с таким же успехом придумать 360 других аспектов. Названные четыре аспекта уже не будут означать минимальное естественное разделение круга, а, следовательно, и целостности. У моих пациентов я часто встречал символ "четверку", очень редко Pentas (пятиричность), еще реже Trias (троичность). Так как с давних пор моя практика интернациональна, то у меня было множество подходящих случаев для сравнительных этнических наблюдений, при этом мне бросилось в глаза,

что моя триадическая мандала в общем и целом возникала у немцев. Мне кажется, что это определенным образом связано с тем фактом, что по сравнению с французской и англосаксонской художественной литературой типичная фигура Анимы в немецком романе играет относительно малую роль. В отличие от обычной структуры 3 + 1 триадическая мандала, если рассматривать ее с точки зрения целостности, обладает структурой 4-1. Четвертая функция противостоит первой или главной функции, функции недифференцированной или более низкой по уровню, характеризующей теньевую сторону личности. Там, где в символе целостности ее недостает, в результате перевешивает сознание.

Пятая противоположность касается различия загадочного надземного мира и человеческого повседневного мира. Именно это самое важное противоречие наглядно проявляется во всех примерах и поэтому может быть признано главной заботой сновидений, как, впрочем, и картин. Противопоставление производит впечатление намеренно обостренного и, видимо, тогда, когда учитывают это чувство, нечто становится посланием. Горизонталь сознательного мира, который, отвлекаясь от психических состояний, замечает только движущиеся тела, противостоит другому порядку бытия, "психическому" измерению; все, что можно сказать о нем с уверенностью, касается психического, с одной стороны, математически абстрактного, вымышленного и мифологического — с другой. Если число понимать как открытие, а не как инструмент счёта, т.е. как вымышленное, то в соответствии со своим мифологическим выражением оно относится к области "божественных" человеческих и звероподобных фигур и подобно последним архетипично. Не походя на них, оно, однако, "реально", поскольку, будучи некоторым количеством, находится в области опыта и тем самым прокладывает мост между доступным для понимания, реальным физическим миром и миром воображения. Правда, последний не реален, но действителен в той мере, в какой он действует. В его действительности нельзя сомневаться, особенно в наше время. Это — не действие, не недостаток или избыток физических вещей, с которыми непосредственно соприкасается человечество, а мнение, которое мы о них имеем, или воображение, которое овладело нами.

Роль, которую число играет в мифологии и в бессознательном, заставляет задуматься. Оно является аспектом и физически-реального, и психически-воображаемого. Оно не только считает и измеряет, это не просто количество, оно характеризует и качество, а поэтому является чем-то пока еще загадочным средним между мифом и реальностью; с одной стороны — открывает, с другой — придумывает. Например, уравнения, придуманные в качестве чистой фантазии математики, задним числом оказались формулировкой количественного воздействия физической вещи, и, наоборот, благодаря своим индивидуальным качествам числа являются носителями и посредниками психических процессов в бессознательном. Так, например, структура мандалы в принципе — дело арифметики. Более того, вместе с математиком Якоби можно оказать: "В сонме олимпийцев царствует вечное число.

Этим замечанием я хочу показать моим читателям, что противостояние человеческого и надземного мира не абсолютно, а в высшей степени относительно, так как не существует какого-либо моста между посюсторонним и потусторонним бытием. Иначе говоря, между ними в качестве важного посредника находится число, реальное и в том, и в другом случае, по своей сути оно архетип. Пониманию указанного в наших примерах раскола образа мира ничего не добавляет уход в теософские спекуляции, так как в этом случае речь идет только об именах и словах, которые не указывают нам никакого пути к "Unus Mundus" (единому миру). Число же принадлежит двум мирам, реальному и воображаемому; оно наглядно и ненаглядно, количественно и качественно.

Таким образом, особенно важно, что число характеризует и "индивидуальную" суть посредствующей фигуры, т.е. посредника. С позиции психологии и теоретико-познавательных ограничений, поставленных перед любой наукой, я обозначил посредствующий или "объединяющий символ", который психологически неизбежно возникает из достаточно сильного антагонистического напряжения, термином "Самость", чем хотел засвидетельствовать, что для меня первостепенно обозначение эмпирически постигаемых обстоятельств, а не сомнительный уход в

метафизику. В последнем случае я вторгся бы в чужую область всевозможных религиозных убеждений. Живя на Западе, я должен был бы вместо "Самость" говорить Христос, на Ближнем Востоке — хадир, на Дальнем Востоке — атман, или Дао, или Будда, а на Дальнем Западе — Заяц или Маисовый крахмал, а на языке каббалистики — Тиферет. Наш мир сузился, и это мешает понять то, что существует только одно человечество с одной душой и что смирение является немаловажной добродетелью, которой христианин должен руководствоваться по крайней мере ради *caritas* — самой значительной из всех добродетелей, — подавая хороший пример и признавая, что есть только одна истина, выражаемая, однако, на разных языках и только из-за несовершенства нашего разума мы этого все еще не смогли понять. Никто не равен Богу настолько, чтобы быть единственным знатоком истинного слова. Все мы смотрим в то "темное зеркало", в котором слагаются темные мифы, намекающие на незримую истину. В этом зеркале духовное зрение замечает изображение, форму которого мы обозначаем как Самость в сознании того факта, что речь идет об антропоморфной картине, которую это словосочетание только называет, но не объясняет. Мы подразумеваем под этим психическую целостность. Однако не знаем, какие реалии лежат в основе этого понятия, так как психическое содержание в его бессознательном состоянии невозможно наблюдать, и вдобавок психика не способна познать свою собственную суть. Бессознательное известно сознанию только в той мере, в какой оно стало осознанным. Об изменениях, которые претерпевает бессознательное содержание в процессе осознания, у нас крайне слабое представление и нет никакого достоверного знания. Из-за существования бессознательных компонентов понятие психической целостности неизбежно предполагает определенную трансцендентность. В этом случае трансцендентность не равнозначна метафизическому представлению или гипостазе, а претендует, по словам Канта, лишь на роль "пограничного понятия".

О том, что могло бы находиться по ту сторону теоретико-познавательного порога, можно только догадываться; однако архетип указывает, что на другой стороне находится нечто и наиболее явно число, являющееся на этой стороне количеством, а на другой стороне в качестве автономной

психической единицы характеризует качество в формах, предшествующих суждению. Такими формами являются не только причинно объяснимые психические феномены вроде символов сновидения и подобное, но и примечательные релятивизации пространства и времени, которые мы тщетно пытаемся объяснить детерминистски. Это те парапсихологические явления, которые я обобщил в понятии синхронистичность и которые статистически исследовал Райн. Положительный результат его экспериментов поднимает парапсихологические феномены на уровень фактов, которыми нельзя пренебречь. Тем самым мы несколько продвинулись к пониманию загадочного психофизического параллелизма, ибо теперь знаем, что существует фактор, перебрасывающий мост через мнимую несоизмеримость тела и души, поскольку наделяет вещество определенными "психическими" способностями, а психику — определенной "вещественностью", благодаря чему одно может воздействовать на другое. То, что живое тело воздействует на психику, кажется азбучной истиной; однако, строго говоря, известно только, что физические уродства или болезни проявляются и в психике. Конечно, это предположение имеет силу только тогда, когда психике приписывают существование само по себе, что противоречит хотя бы материалистическому представлению. Но последнее опять-таки не способно объяснить, каким образом из химического обмена веществ должна была возникнуть психика. Обе точки зрения, материалистическая, как и спиритуалистская, — это метафизические предрассудки. Предположение, что живому веществу присущ психический аспект, а психике — физический, лучше согласуется с опытом. Но если мы примем — как и следовало бы — во внимание парапсихологические факты, то гипотезу о психическом аспекте необходимо распространить за пределы биохимических процессов на вещество вообще. В этом случае бытие основывалось бы на одной пока неизвестной сущности, обладающей и вещественным, и в то же время психическим качеством. Имея в виду современный физикалистский способ мышления, данное предположение натолкнется, видимо, на меньшее противодействие, чем прежде. Тем самым была бы искоренена и сомнительная гипотеза психофизического параллелизма и появился бы удобный случай для

конструирования новой модели мира, приближающиеся к идее Unus Mundus. "Акаузальная" корреляция психических и не зависящих от них физических процессов, т.е. синхронистические явления, в частности психокинез, перешли бы тем самым в сферу понятного, ибо всякое материальное событие включало бы *eo ipso* (в силу этого — *лат.*) психическое, *et vice versa* (и наоборот — *лат.*) Такие соображения — не пустопорожьи спекуляции, а импульс к серьезному психологическому исследованию феномена НЛО, что и будет продемонстрировано в следующей главе.

VI

Феномен НЛО в непсихологическом освещении

Как упоминалось вначале, мы намеревались рассматривать феномен НЛО в первую очередь как исключительное дело психологии. Для этого есть очень много причин, как достаточно доказывают противоречивые и "невероятные" слухи о них. С полным основанием они наталкиваются на критику, скепсис и открытое отвержение, и хотя кое-кто не хотел бы видеть за ними ничего, кроме бреда, повсеместно смущающего души и вызывающего протесты разума, их можно не только понять, но и даже испытать симпатию. Разумеется, можно было бы удовлетвориться психологическим объяснением и тем очевидным фактом, что в формировании слуха решающее участие принимает сознательная и бессознательная фантазия, даже лживость, и тем самым сдать все дело *ad acta* (в архив — *лам*).

Но таким образом ситуация, как она представляется нам сегодня, не была бы исчерпана. Насколько мне известно, существуют подтвержденные многочисленными наблюдениями факты, что НЛО воспринимались не только визуально, но и экранами радаров и — last not least — даже фотопленкой. В данном случае я опираюсь на синоптические, безоговорочно не вызывающие сомнения, данные Руппельта и Кейхое, а также на то обстоятельство, что астрофизику профессору Мензелу не удалось, невзирая на все предпринятые усилия, удовлетворительно объяснить рациональными средствами хотя бы одно достоверное сообщение. Иными словами, когда признают, что, то ли психические проекции отражают луч радара, то ли, наоборот, появление реального тела давало повод к мифологическим проекциям, речь идет не о чем-то малозначительном.

Теперь я должен к этому прибавить, что даже если НЛО физически реальны, то из-за этого соответствующие психические проекции являются, собственно говоря, не причиной, а поводом. Мифические утверждения подобного рода, и вместе с НЛО и без них, существовали всегда. Впрочем, до эпохи наблюдения НЛО никому не приходило в голову связывать первое с последним. В первую очередь мифические свидетельства основываются на специфическом качестве заднего плана психики, коллективного бессознательного, благодаря чему его проекции имели место всегда. Конечно же, проецируются и многие другие формы, кроме формы небесного круга. Данная проекция вместе со своим психическим контекстом является слухом, специфическим явлением нашего времени и характерна именно для него. В свое время доминирующее представление о посреднике и о боге, ставшем человеком, вытеснило на второй план политеистическое представление, а сегодня оно, в свою очередь, готово превратиться в иллюзию. Бесчисленные миллионы так называемых христиан утратили веру в реального и живого посредника, в то же время верующие стремятся обратить в свою веру первобытные народы, хотя было бы плодотворнее, важнее и нужнее побеспокоиться о белом человеке. Но всегда гораздо легче, да и трогательнее говорить и действовать сверху вниз, чем в обратном направлении. Что делает Альберт Швейцер в Ламбарене? Личности, подобные ему, гораздо нужнее в Европе.

Ни один христианин не станет оспаривать важность религиозного представления вроде представления о посреднике. Вместе со мной он не будет также отрицать следствия, которые влечет за собой утрата такой веры. Могучая идея, подобная идее божественного посредника, соответствует глубочайшей потребности души, которая не исчезает, даже если проявление последней теряет свою силу. Что происходит с энергией, которая когда-то поддерживала жизнь этой идеи и чья мощь поддерживала душу? Политический, социальный, философский и религиозный антагонизм, в такой степени не наблюдаемый никогда раньше, раздирает сознание нашей эпохи. Там, где разверзлись подобные неслыханные противоречия, можно с уверенностью ожидать, что потребность в посредничестве заявит о себе. Впрочем, вопль о посреднике непопулярен

из-за иррациональности и ненаучности. В нашу статистическую эпоху нет ничего подобного. Поэтому потребность, основанная на глубочайшем страхе, может выражаться только вполголоса; и никому не хочется быть пессимистами подобно ранним христианам, ибо оптимизм, высокая конъюнктура и "keep smiling" (постоянная улыбка — *англ.*) образуют идеал героя американизированной Вселенной. Некоторый пессимизм сразу же подозревается в разрушительных намерениях, но, по всей видимости, это единственное, что могло бы сделать нас вдумчивее. Впрочем, оптимистическая, крикливая и суетная поверхность не может препятствовать зарождению в глубинах человеческой души идеи посредника. Тысячекратно подтверждается наблюдение, что и в природе, и в душе напряжение противоположностей означает потенциал, который в любое время может разрядиться посредством выхода энергии. Сверху вниз падает камень или поток воды, а между горячим и холодным происходит турбулентный обмен. Между психическими противоположностями возникает поначалу бессознательный "объединяющий символ". Именно этот процесс происходит в бессознательном современного человека. Между противоположностями спонтанно образуется символ единства и целостности независимо от того, осознается он или нет. Если же во внешнем мире происходит что-то необычное или впечатляющее, будь то человек, предмет или идея, то на это может быть спроецировано бессознательное содержание. В результате носитель проекции становится нуминозным и наделяется мифическими силами. Вследствие этого он действует в высшей степени суггестивно и приспосабливает к себе легенду, основные черты которой повторяются с давних пор.

Повод к обнаружению скрытого психического содержания предлагает НЛО. С некоторой гарантией мы знаем о нем только то, что он обладает поверхностью, видимой глазом и одновременно отражающей луч радара. Все остальное пока до такой степени ненадежно, что должно считаться неподтвержденной догадкой или слухом, пока об этом не удастся получить дополнительные сведения. Неизвестно даже, идет ли речь об управляемых машинах или о разновидности животных, неведомо откуда появившихся в нашей атмосфере. Неправдоподобно, чтобы это было

неизвестным метеоритным явлением, ибо способ действия объекта никак не производит впечатление события, требующего физической интерпретации. Движения объектов обнаруживают произвольность и принадлежность к психике, как, например, изменение курса и бегство, быть может, даже нападение или защиту. Они движутся в пространстве не прямолинейно и не с постоянной скоростью, как метеоры, а меняя направление, как летают насекомые, и с различной скоростью, от нуля до многих тысяч километров в секунду. Наблюдаемые ускорения и изменения курса таковы, что их, как и высокую температуру, вызываемую трением о воздух, не выдержало бы ни одно земное существо.

Одновременное визуальное и радарное наблюдение было бы само по себе достаточным доказательством реальности. Но, к сожалению, это перечеркивают хорошо документированные сообщения, согласно которым есть Случаи, когда глаз видит нечто, но это не появляется на экране радара, или когда объект, хотя и наблюдается радаром, но не воспринимается зрением. О других и более курьезных сообщениях, опирающихся на авторитетные свидетельства, я не хочу упоминать, поскольку из-за своей невероятной природы они предлагают слишком жестокое испытание разуму и готовности доверять. Если эти предметы реальны — в чем по человеческим меркам вряд ли можно больше сомневаться, — нам остается только выбирать между гипотезами невесомости, с одной стороны, и психической природы — с другой. Эту проблему я не способен решить. При таких обстоятельствах мне казалось уместным в виде опыта исследовать в первую очередь психологический аспект феномена НЛО, чтобы достичь некоторой ясности в этом запутанном деле. При этом я ограничился немногими, самыми очевидными примерами. К сожалению, за более чем десятилетнее занятие проблемой мне не удалось собрать достаточное количество наблюдений, на основе которых можно сделать достоверные выводы. По этой причине, я был вынужден довольствоваться обозначением хотя бы нескольких направлений будущих исследований. Правда, это почти ничего не добавляет к физическому объяснению явления. Однако психическая сторона играет здесь столь большую роль, что ее нельзя оставить без внимания. Ее анализ, как

попыталось показать мое описание, ведет к психологическим проблемам, в равной, как и физикалистский угол зрения, степени затрагивающим фантастические допущения или невероятия. Если даже военным пришлось учредить бюро по сбору и анализу соответствующих наблюдений, то психология, со своей стороны, не только имеет право, но и обязана внести свой вклад в прояснение этой ситуации.

Проблему антигравитации, выдвинутую феноменом НЛО, я обязан оставить физике, которая только и в состоянии сообщить нам, есть ли у подобной гипотезы шанс на успех. Противоположный взгляд, согласно которому речь идет о чем-то психическом, обладающем физическими качествами, представляется еще менее вероятным, ибо откуда появляются подобные предметы? Если даже невесомость — трудноразрешимая гипотеза, то идея материализованного психического вообще не имеет под собой почвы, хотя парапсихология и знает факты материализации. Однако подобный феномен имеет место при наличии одного или нескольких медиумов, которые лишь объединенными усилиями могут произвести субстанцию, обладающую весом. Конечно, психика способна передвинуть тело, но только вблизи живой структуры. Выше нашего разума, что психическое по качеству явление, обладающее свойствами вещества и наделенное огромным энергетическим зарядом, должно было восприниматься на значительном удалении от медиумов. Здесь наше знание совершенно бессильно; бесплодно рассуждать в этом направлении.

Мне кажется, что со всеми необходимыми оговорками есть третий вариант: НЛО — реальные вещественные явления неизвестной сущности, предположительно прибывшие из космического пространства, которые, видимо, издавна наблюдались жителями Земли, но в остальном не имеют никакого явного отношения к Земле или к ее жителям. Однако в самое последнее время и в момент, когда взгляды людей устремлены на небо, с одной стороны, из-за их фантазии о возможном прилете космического корабля, с другой — из-за острой угрозы земному существованию, содержимое бессознательного спроецировалось на непонятные небесные явления, что придавало им явно не заслуженное значение. Так как их появление со времени

второй мировой войны, видимо, стало более частым, чем когда-либо ранее, то речь может идти о синхронистическом феномене, т.е. о соответствующем совпадении двух процессов. Психическая ситуация человечества, с одной стороны, и феномен НЛО в качестве физической реальности с другой, не находятся в явной каузальной связи друг с другом, а, видимо, совпадают в результате осмысления. Их смысловая связь складывается, во-первых, благодаря проекции и, во-вторых, благодаря согласующемуся с проецируемым смыслом круглых и цилиндрических форм, с незапамятных времен изображающих единство противоположностей. Другим столь же "случайным" совпадением является выбор авиационных знаков отличия в Советской России и США: в одном случае — красной пятиконечной звезды, в другом — белой. Почти целое тысячелетие красное считалось мужским, а белое — женским цветом. Алхимики говорили о *servus rebeus* (Красном рабе) и о *femina Candida* (Белой женщине), которых они совокупляли и тем самым соединяли противоположности. Когда говорят о России, охотно вспоминают о "батюшке"-царе и о "батюшке" Сталине, поговаривают и об американском матриархате, подразумевая что большая часть американского капитала находится в руках женщин, не забывая кайзерлинговского "*aunt of the nation*". Пожалуй, можно предположить, что подобная параллель не имеет общего с выбором символа, по крайней мере не в виде осознанной причиной связи. Хотелось бы сказать: особым образом красное и белое стали цветами эмблем; на Россию в роли упирающегося или несостоявшегося любовника *femina candida* в Белом доме они бросают забавный свет — хотя это и имеет свои причины

Эпилог

Я уже заканчивал рукопись, когда мне в руки попала книга, о которой я не могу не упомянуть: Orfeo M. Ange-lucci "The Secret of Saucers", Amhust Press, 1955. Автор — самоучка и сам пишет о себе как о невротике, страдающем "конституционными недугами". В 1952 г. после смены ряда занятий он поступил рабочим на службу в "Lockheed Aircraft Corporation" в Бербанке (Калифорния). По всей видимости, он лишен какого бы то ни было серьезного образования, однако располагает естественнонаучными знаниями, несколько превосходящими уровень, которого следовало бы ожидать при его обстоятельствах. Он — американский итальянец, наивный и — если не **ошибаюсь** — серьезный и идеалистичный. Теперь он живет проповедью Евангелия, возвещенного ему посредством "тарелок". По, этой причине я и упоминаю о его книжечке.

Его карьера началась с наблюдения вроде бы подлинного НЛО 4 августа 1946 г. Говорят, что тогда он не слишком интересовался этой проблемой. В свободное время работал над сочинением, озаглавленным "Природа бесконечных сущностей"*, позднее изданном за собственный счет. 23 мая 1952 г. произошло событие, сделавшее его настоящим профессионалом: около 11 часов вечера он почувствовал себя, по его словам, плохо, а в верхней половине головы ощутил покалывание, как перед грозой. У него была ночная смена, и когда в 12.30 утра он в своем автомобиле возвращался домой, то увидел красный светящийся, овальный объект, парящий низко над горизонтом, вероятно, никем, кроме него, не видимый. На пустынном участке дороги, где ее полотно лежало выше окружающей местности, он увидел "на близком расстоянии" рядом с землей и ниже себя на дороге красный, круглый, "пульсирующий" объект. Неожиданно под углом от 30 до 40 градусов он умчался в высоту и с огромным ускорением удалился на Запад. Но, прежде чем он исчез, от него отделились два зеленых огненных шара, из которых зазвучал "мужской" голос, говоривший на "настоящем

английском". Он сумел запомнить слова: "Не бойся, Орфео, мы — друзья!" Голос предложил ему покинуть автомобиль. Он вышел из него и, прислонясь к машине, с "близкого расстояния" смотрел на два "пульсирующих" объекта круглой формы. Голос возвестил о том, что светящийся шар — это "*instruments of transmission*" (средство передачи — *англ*), т.е. разновидность органа чувств или наблюдателя, и что Орфео находится в прямом контакте с "друзьями из другого мира". Голос напомнил ему о событии 4 августа 1946 г. Неожиданно почувствовав сильную жажду, он услышал: "Выпей из хрустального бокала, который ты видишь на подкрылке". Он выпил, это был "самый великолепный напиток, который он когда-либо пробовал", и почувствовал себя посвежевшим и окрепшим. Оба светящихся шара отделяло друг от друга примерно три шага. Вдруг они поблекли, и между ними возникло "трехмерное" свечение, внутри которого появились головы и плечи двух персон: мужчины и женщины, "*being the ultimate of perfection*" (существ безупречного совершенства — *англ.*). У них были огромные, сияющие глаза и, несмотря на свое сверхъестественное совершенство, они были, как ни странно, ему знакомы и близки. Они рассматривали его и все вокруг. Ему казалось, будто он находился с ними в телепатической связи. Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, а огненные шары снова обрели свое былое сияние. Он услышал слова: "Путь будет открыт, Орфео", — и голос продолжал: "Мы видим каждого жителя Земли, и не так, как это позволяют ограниченные человеческие органы чувств. За жителями твоей планеты наблюдение велось столетиями, но лишь недавно их подвергли повторному исследованию. Каждый шаг вашего общества регистрировался нами. Мы знаем вас, как вы не знаете себя. Каждый индивид, мужчина, женщина, ребенок зарегистрированы в наших статистических сборниках с помощью кристаллических дисков. Любой из вас бесконечно дороже нам, чем вам, обитателям Земли, потому что вы не сознаете подлинную тайну своего существования... Из-за древнего родства нашей планеты с Землей нас связывает с ее жителями братское чувство. В вас мы можем увидеть давно прошедшие времена и воссоздать некоторые детали своего прошлого. С глубоким сочувствием и пониманием мы

наблюдаем путь вашего мира сквозь болезни роста. Мы просим тебя видеть в нас твоих старших братьев".

По характеристике автора она содержит "Atomic Evolution Suspension and Involution, Origin of Cosmic Rays" (Эволюция атома, суспензия и инвалюция, происхождение космических лучей — англ.).

Из последующего автор узнал, что НЛО доставляют кораблёматки. На самом же деле пассажиры НЛО не нуждаются в подобных средствах передвижения. Им, "эфирным" существам, последние нужны только для того, чтобы предстать перед людьми в материальной форме. НЛО почти достигли скорости света. "Скорость света равна скорости истины" (т.е. "быстроте мысли"). Небесные посетители безобидны и преисполнены лучших намерений. "Космический" закон запрещает шумную посадку на Земле. В настоящее время Земле угрожает большая опасность, чем когда-либо прежде.

После этих откровений А. почувствовал себя возвышенным и уверенным. "Дело обстояло так, — рассказывает он, — словно на мгновение я встал над смертью и породнился с этими высшими существами". Когда светящиеся шары исчезли, ему показалось, будто обыденный мир утратил свою реальность и стал местом обитания теней.

23 июля 1952 г. он почувствовал недомогание и не пошел на работу. Вечером вышел прогуляться и на обратном пути в пустынном месте его охватили ощущения, подобные пережитым 23 мая того же года. С этим было связано "*the dulling of consciousness I had noted on that other occasion*" (помрачение сознания, которое я замечал в некоторых других случаях, — англ.), т.е. восприятие "*abaissement du niveau mental*", состояние, являющееся одной из самых важных предпосылок для появления спонтанных психических феноменов. Внезапно он увидел перед собой слабо светящееся, туманное образование на земле, похожее на большой "мыльный пузырь". Этот объект на глазах обрел плотность, и он увидел что-то вроде входа, за которым угадывалось ярко освещенное внутреннее помещение. Он вошел и оказался в сводчатой комнате около 6 метров в поперечнике. Стены состояли из "эфирного, похожего на перламутр материала". Напротив него стоял удобный

шезлонг, изготовленный из такого же "эфирного" материала. Помещение было безмолвным и пустым. Он сел в кресло и почувствовал, будто сидит на воздухе. Было похоже, что кресло само приспособилось к форме его тела. Дверь закрывалась так, словно ее никогда и не было. Он услышал нечто вроде зуммера, ритмический шорох, похожий на вибрацию и погруживший его в "состояние полутранса". Комната потемнела, а от стен зазвучала музыка. Затем снова загорелся свет. На полу он обнаружил большой кусок металла, похожий на монету. Когда он взял его в руки, ему показалось, что он уменьшается, у него возникло ощущение, что НЛО уносит его вдаль. Неожиданно открылось нечто вроде круглого окна около 9 футов в диаметре. Снаружи он увидел планету, Землю, видимую с расстояния 1000 миль, как объяснил ему знакомый голос. Он заплакал от умиления, а голос сказал: "Плачь, Орфео... мы плачем вместе с тобой над Землей и ее детьми. Несмотря на свою внешнюю красоту, Земля — чистилище среди планет, на которых сформировалась разумная жизнь. Ненависть, эгоизм и жестокость вздымаются с нее как темное облако". Затем они явно двинулись в космическое пространство и встретили НЛО примерно 1000 футов в длину и поперечником около 90 футов из просвечивающегося, кристаллоподобного вещества. Оттуда слышалась музыка, которая несла с собой видение гармонически вращающихся планет и галактик. Голос объяснил ему, что любое существо на его (т.е. на другой) планете бессмертно. Только их смертные тени пекутся на Земле о своем освобождении от темноты. Все эти существа находятся либо на стороне добра, либо на стороне зла. "Мы знаем, Орфео, на какой стороне находишься ты". Благодаря его физической слабости у него был духовный дар, и поэтому они, небесные существа, сумели установить с ним связь. Он понял, что музыка, как и голос, исходили из этого огромного космического корабля, который медленно удалялся, и он заметил огненные вихри на обоих концах корабля-матки, служившие пропеллерами: они же являлись инструментом зрения и слуха "с помощью телепатического контакта" (!).

На обратном пути они встретили два обычных НЛО, находившихся на пути к Земле. Голос занимал его дальнейшими объяснениями отношений высших существ к людям; последние морально и психологически не поспевали

за своим техническим развитием, поэтому они, жители других планет, старались научить обитателей Земли лучшему пониманию своего нынешнего кризиса и особенно готовы помогать им во врачевании. Они хотели просветить его также в отношении Иисуса Христа. По их словам, последний аллегорически был назван сыном Божиим. В действительности он "Повелитель огня" (*Lord of the Flame*), "безграничное бытие Солнца" (*an infinite Entity of the Sun*) и родился за пределами Земли. "В качестве духа Солнца", который "пожертвовал собой ради детей скорби" (людей), он стал "частью человеческой сверхдуши и мировым духом". Этим он отличается от других мировых учителей.

Любой человек на Земле обладает духовной, неизвестной ему Самостью, которая выше материального мира и сознания и вечно существует вне времени и духовно завершается внутри единства сверхдуши... У человеческого существования на Земле единственная цель — воссоединение с "бессмертным сознанием". Под испытующим взглядом этого "великого и сострадательного сознания" человек чувствует себя "извивающимся червем — поганым, полным заблуждений и грехов". Орфео снова заплакал под соответствующее музыкальное сопровождение. Опять зазвучал голос и сказал: "Дорогой, земной друг, теперь мы крестим тебя в истинном свете мира вечности". Сверкнула белая молния: его жизнь четко предстала перед его глазами, и он вспомнил о всех своих прежних существованиях. Он познал "тайну жизни"! Он подумал, что должен умереть, ибо понял, что в этот момент его переместили в "вечность", в "безвременное море блаженства".

После этой вспышки света он пришел в себя. Под **аккомпанемент** "эфирной" музыки его перенесли назад на **Землю**. Когда он покинул НЛО, оно внезапно исчезло **без** следа. Ложась спать после этого, он обратил внимание на ощущение жжения на левой стороне груди. Там он **обнаружил** стигмой размером в четверть доллара, округлый ожог с точкой в центре. Он интерпретировал его **как** "символ атома водорода".

С этого момента он начал проповедовать. Орфео был свидетелем не слов, а НЛО и в результате испытал те

насмешки и недоверие, которые выпадают мученику. 2 августа того же года вместе с восемью другими свидетелями он наблюдал ночью на небе обычное НЛО, спустя некоторое время вновь исчезнувшее. Он отправился в уединенное, знакомое ему раньше место, но нашел там не НЛО, а некое образование, которое обратилось к нему: "Приветствую тебя, Орфео!" Это была та же самая фигура из предыдущего видения, которая пожелала, чтобы он называл ее "Нептун". Это был удивительно красивый, очень крупный мужчина с огромными, выразительными глазами. Контуры его фигуры колебались, словно зыбь на воде. Нептун сообщил ему дополнительные сведения о Земле, о причинах ее плачевного положения и о грядущем избавлении. Затем он снова исчез.

В начале сентября 1953 г. Ангелуччи впал в сомнамбулическое состояние, продолжавшееся около недели. Вновь обретая нормальное сознание, он вспомнил обо всем, что пережил во время своего "*absense*" (отсутствие — *англ.*): он находился на небольшом "планетоиде", на котором жили Нептун и его спутница Лира, точнее говоря, он был на небе, как Орфео мог себе его примерно представить, со множеством цветов, благовоний, красок, с нектаром и амброзией, с благородными эфирными существами и, конечно же, с почти неслышимой музыкой. Там он узнал, что его небесного друга зовут не Нептун, а Орион, и что "Нептун" — это его собственное имя, когда он еще пребывал в этом небесном мире. Лира выказывала ему особое внимание, на которое он, как опять-таки напомнил Нептун, отвечал в соответствии со своей земной природой эротическими чувствами к огромному ужасу небесного общества. Когда он с большим трудом отвык от этих человеческих-слишком-человеческих реакций, он пришел к "*poese celeste*" мистическому единению, аналогичному *conjunctio oppositorum* (единству противоположностей — *лат.*) в алхимии.

Этим кульминационным моментом я закончу изложение этой *pelerinage de l'ame*. Без всякой психологии возникает предположение, что Ангелуччи во всех подробностях описал мистическое переживание, связанное с НЛО. Пожалуй, мне нет необходимости присовокуплять детальный комментарий. История столь неивна и прозрачна, что

интересующийся психологией читатель сразу поймет, как и в какой степени она подтверждает мои предшествующие предположения и выводы. Ее можно даже рассматривать как своеобразный "documents" (документ) о появлении и интеграции мифологии НЛО. По этой причине я и предоставил Ангелуччи слово.

Психологическое событие, связанное с переживанием НЛО, состоит в видении или в легенде о круглом, т.е. о символе целостности и о архетипе, который выражается в форме мандалы. Как показывает опыт, последние встречаются чаще всего в ситуациях, отмеченных запутанностью и загадочностью. Складывающийся в результате архетип представляет собой образец порядка, который накладывается на психологический хаос в качестве, так сказать, перекрестья психического прицельного устройства или в качестве разделенного на четыре части, в результате чего любое содержание приобретает свое место и неопределенно расплывающееся целое скрепляется с помощью охраняющего и защищающего круга. В соответствии с этим восточные мандалы в области махаяны-буддизма представляют космический, временной и психологический порядок. В то же время они образуют шантру, предметы, с помощью которых осуществляется порядок*.

* К вопросу о физиологических основаниях сравни: K.W. Bash, K. Ahlenstiel und R. Kaufman "Uber Prayantraformen und ein lineares Yantra в кн.: "Studien . zur Analytischen Psychologie C.G. Jung Festschrift zum 80. Geburtstag" Zurich, 1955.

Если наше время отличает раскол, запутанность и загадочность, то это обстоятельство проявляется и в психологии индивида, а именно в спонтанно возникающих фантастических картинах, в сновидениях и в активной силе воображения. У своих пациентов я наблюдал эти явления уже 40 лет и на основе богатого опыта пришел к выводу, что этот архетип играет центральную роль, т.е. приобретает значение в той мере, в какой Я как таковое его теряет. Состоянию дезориентированности в особой мере свойственно понижению роли Я.

В психологическом отношении круг или мандала означает символ Самости. Архетип порядка *par excellence* (сам по себе — *lat.*) с точки зрения психики является Самостью. Форма мандалы обусловлена арифметически, поскольку целые числа — это в равной мере и упорядочивающие архетипы примитивной природы. Особенно это относится к числу четыре, пифагорейскому тетрааксису. Поскольку состояние замешательства возникает, как правило, в результате психического конфликта, то с мандалой эмпирически связано и понятие диады, объединяющей двойки, т.е. синтеза противоположностей, как показывает видение Ангелуччи.

Центральное место принадлежит символу значительного чувства собственного достоинства, которое выражается, например, в появлении у Ангелуччи стигмата. Символ совпадает с образом Бога, подобно, скажем, *complexio oppositorum* Николая Кузанского с диадой, или с определением Бога: "*Deus est circulus cuius centrum est ubique, cuius circumferentia vero nusquam*", со "знаком водорода" у Ангелуччи. Символ выражается не с помощью Христовых, отличающих Господа, язв, а посредством символа Самости или абсолютной целостности, т.е. на языке религии — Бога. Из этой психологической связи возникает и алхимическое сопоставление или аналогия Христа с *Lapis Philosophorum* (философским Ляписом).

Этот центр часто символизируется с помощью глаза, с одной стороны (с позиции алхимии), постоянно открытого глаза рыбы, с другой стороны, с помощью никогда не дремлющего божественного ока совести или с помощью освещающего все Солнца. Современное событие — это психологическое наблюдение подобных символов; они предстают перед сегодняшним сознанием не в виде, скажем, появления извне светящегося шара, а в форме психического откровения. В качестве примера я хотел бы привести один случай, когда некая женщина (без всякой связи с НЛО) несколько лет назад описала свое переживание в стихотворении.

Vision

*Light strikes the pebbled bottom
Of a deep blue pool,*

*Through swaying grass
A jewel flickers, gleams and turns,
Demands attention, as I pass,
A staring fish-eye's glance
Attracts my mind and heart — The fish,
invisible as glass.*

*A shimmering silver moon,
The fish, assuming shape and form,
Evolves a whirling, awirling dance,
Intensity of light increasing,
The disk becomes a glazing goldensun,
Compelling deeper contemplation.*

Вода — это глубины бессознательного, в которые проникают лучи от света сознания. Танцующий диск, глаз рыбы, не летает на небе, а плавает в темной глубине внутреннего и нижнего мира психики, и из него возникает освещающее мир Солнце, Ихтос*, "sol invictus" (солнце победы — *лат.*), постоянно открытое око, которое воспроизводит взирающий глаз, одновременно существует само по себе и является самостоятельным явлением, ротондой, выражающей целостный характер Самости, и может только абстрактно отличаться от божества. "Рыба" (Ихтос), как и "Солнце" (*novus sol* — новое солнце — *лат.*), — это аллегория Христа, представленного в виде "ока" Божьего. В Луне и Солнце проявляется Богоматерь и ее возлюбленный Сын, как можно увидеть еще и сегодня во множестве церквей.

Видения НЛО следуют старому правилу и появляются на небе. Фантазии Ангелуччи имеют место явно на небе, а его космические друзья носят имена звезд. Если напрямую они и не являются античными богами или героями, то по крайней мере — ангелами. Автор оказывает своему имени высокую честь; если, по его мнению, его жена, урожденная Борджианини, — отпрыск злосчастной памяти Борджиа, то его имя — подражание "ангелу", проповедник элевзинской мистерии** должен в качестве избранного зачинателя мистерии НЛО считаться новым Орфеем***. Если его имя — умышленно выбранный псевдоним, то можно сказать: "*e ben trovato*" (хорошо найдено — *ит.*). Но если оно записано в свидетельстве о рождении, то это уже проблематичнее. В наше время больше нельзя с ходу предположить, что простому имени присуща магическая невязчивость. Более того, в этом случае его дражайшей половине, или Аниме,

следует приписать соответствующее синистральное значение. Кредит духовно несколько ограниченного, наивного и легковверного человека, за которого мы его будем считать, может пострадать в результате сомнения, не поработала ли здесь "a fine Italien hand" (искусная итальянская рука — англ.). То, что сознанию часто представляется невозможным, все же может находиться в распоряжении бессознательного, действующего с природной хитростью: "*ce que diable ne peut, femme le fait*" (что не может дьявол, может женщина — фр.). Пусть будет так, как ему хотелось: его книжечка — наивное само по себе явление, которое как раз поэтому открывает бессознательные подосновы феномена НЛО, — оказывается по этой причине весьма подходящей для психолога. Столь важный для нашей современной психологии процесс индивидуации в данном случае предстает в символической форме, которая в соответствии с примитивным образом мысли автора представлена конкретно со всей прямотой и тем самым подтверждает наши предыдущие соображения.

* * *

После того, как этот эпилог уже пошел в печать, я получил сведения о книге Фреда Хойла "*The Black Cloud*", L., *Heinemann*. Автор идентичен профессору Ф. Хойлу, всемирно известному авторитету в области астрономии. Два его внушительных тома, "*The Nature of the Universe*" и "*Frontiers of Astronomy*", были знакомы мне и раньше. Именно это блестящее описание новейших открытий в астрономии и позволяет считать его автора смелым и оригинальным мыслителем. То, что он обратился к помощи "*fiction story*" (фантастической повести — англ.), пробудило мое любопытство. В своем предисловии Хойл характеризовал свою книгу как "*a frolic*", шутку, и возражал против отождествления замыслов своего героя, гениального математика, с его собственными. Пожалуй, в эту ошибку не впадет ни один интеллигент-ный читатель. Впрочем, он все же возложит на Хойла ответственность за написание книги, а именно задав вопрос: что же побудило автора разрабатывать проблему НЛО. Дело в том, что в своей "*yarn*" (повести — англ.) он описывает, как молодой астроном из обсерватории Маунт-Паломар в поисках сверхновой звезды обнаруживает в южной части созвездия Орион в плотном

поле звезд темное пятно круглой формы. Это так называемая глобула, темное газовое облако, движущееся, как оказывается, в сторону нашей солнечной системы. Одновременно в Англии обнаруживают значительные возмущения в периоде обращения Юпитера и Сатурна. По расчетам гениального математика из Кембриджа, героя истории, причиной этого оказывается некая масса, находящаяся, как установят позднее, точно в том месте, в котором американцы обнаружили темное облако. Эта глобула, чей поперечник примерно соответствует расстоянию от Солнца до Земли, состоит из водорода относительно высокой плотности и движется со скоростью 70 км/сек прямо к Земле. Она достигнет ее примерно через 18 месяцев. Когда темное облако оказалось в непосредственной близости от Земли, прежде всего наступает страшная жара, пожары, уничтожившие большую часть живой природы на Земле. Затем полностью меркнет свет и следует тьма, более ужасная, чем египетская, державшаяся около месяца, *nigredo*, как она описана в "Aurora Consurgens", приписываемому святому Фоме алхимическом трактате: *"Aspiciens a longe vidi nebulam magnam totam terram denigrantem, qude hanc exhauserat meam animam tegentem..."**

* Перевод: Созерцая с далекого расстояния, я увидел огромное облако (или мглу), которое бросило черную тень на всю землю; в то время как оно поглощало ее, моя душа закрылась... M—L.v. Franz "Aurora Consurgens. Mysterium Coniunctionis". Vol. III. P. 48.

Когда мало-помалу вновь появился свет, наступил невероятный холод, опять-таки означающий смертельную катастрофу. Тем временем компетентные научные авторитеты были помещены британским правительством в окруженном колючей проволокой поселке-лаборатории, где они благодаря принятым мерам безопасности переживают катастрофу. В результате наблюдения странной ионизации атмосферы они пришли к выводу, что облако самоуправяемо и поэтому внутри него должна находиться разумная движущая сила. С помощью радио им удалось вступить с ней в связь и получить от нее ответы. Таким путем они узнали, что облаку 500 миллионов лет, а в данный момент оно находится в состоянии обновления и

расположилось возле Солнца, чтобы зарядиться от него энергией. Оно, так сказать, пасется возле солнца. Ученые узнали, что по определенным причинам облако должно выделять все радиоактивные вещества, вредные для него. Этот факт обнаруживают и американские наблюдатели, и теперь по их инициативе, чтобы "убить" облако, его станут обстреливать водородными бомбами. Между тем оказалось, что оно разместились кольцом вокруг солнца и из-за этого земле угрожают катаклизмы продолжительностью в два года. Естественно, англичане задают облаку несколько вопросов, среди них и "метафизический" вопрос о более крупных существах, старших по возрасту и еще большей мудрости и учености, на что первое отвечает, что оно уже беседовало об этом с другими глобулами, но столь же мало продвинулось в познании, как и люди. Совершенно добровольно оно проявило готовность прямо сообщить людям свои огромные знания. Молодой астроном объявил о готовности подвергнуться эксперименту. Он впадает в гипнотическое состояние, в ходе которого из-за какой-то разновидности воспалительных процессов умирает, так и не сумев перед смертью сообщить хоть что-нибудь. Теперь со своей стороны для участия в эксперименте предлагает себя гениальный профессор из Кэмбриджа при одобренном облаком условии, что процесс сообщения будет протекать гораздо медленнее. Несмотря на это, профессор впал в безумие, окончившееся смертью. Облако, однако, само решило оставить солнечную систему и поискать другую область неподвижных звезд. Солнце опять выходит из своей оболочки, и все становится как прежде, не говоря о чудовищных разрушениях жизни на Земле.

Легко можно понять, что автор поставил отличающую нашу эпоху проблему НЛО: из космоса к Земле приближается круглое образование, что означает всемирную катастрофу. Хотя легенда чаще всего имеет в виду катастрофическое политическое положение на Земле, т.е. ядерную реакцию в качестве непосредственной причины. Слышно немало голосов, которые в появлении НЛО чувствуют непосредственную опасность, а именно вторжение на Землю обитателей звезд, способных придать нашему сомнительному положению неожиданный и, быть может, нежелательный оборот. Странная мысль, что облако обладает разновидностью нервной системы и

соответствующей психикой или разумом, не представляет собой оригинального открытия автора, поскольку признающие НЛО рассуждения уже предвосхищали "*sentient electrical field*" (ощущающее электическое поле — *англ.*), а также идея, что НЛО как-то запасается чем-то на Земле, водой, кислородом, мелкими живыми существами и т.д., подобно тому как облако — солнечной энергией. Круглое облако является причиной высвобождения крайних контрастов температуры и абсолютной *nigredo* (тьма — *лат.*), наступления мрака и темноты, что видели во сне уже алхимики. Этим описывается характернейший аспект той психологической проблемы, которая возникает, когда дневной свет, сознание, непосредственно сопоставляется с ночью, т.е. с коллективным бессознательным. Противоположности высшей интенсивности сталкиваются друг с другом, возникает дезориентация и помрачение сознания, способное принимать угрожающий размер, как мы можем это наблюдать в начальной стадии психоза. Этот аспект, т.е. аналогию с психической катастрофой, Хойл изображает в сопоставлении психического содержания облака с сознанием двух несчастных жертв. Подобно тому как живые существа по большей части уничтожаются в результате столкновения с облаком, психика и жизнь двух ученых разрушается в результате столкновения с бессознательным.

Хотя круглая форма является символом целостности, однако она поражает недостаточно подготовленное сознание, которое целостность не воспринимает, вынуждено понимать ложно и поэтому не переносит, так как осознает последнюю только в проецированной вонне форме и не может интегрировать в качестве субъективного феномена. Это приводит к такому же роковому недоразумению, на которое обречен и душевнобольной: событие понимается как конкретный внешний факт, а не как субъективный (символический) процесс, вследствие чего внешний мир, естественно, оказывается в безнадежном беспорядке и его постигает настоящая гибель в результате того, что больной в большей мере теряет связь с ним. Автор объясняет аналогию с психозом с помощью бредового состояния профессора. Этой принципиальной ошибке подвержены не только душевнобольные, но и все те, кто принимает философские или теософские рассуждения за объективную

действительность, и, например, тот факт, что они верят в ангелов, рассматривают, так сказать, в качестве гарантии того, что последние существуют и объективно.

Важно, что несчастье постигает именно подлинного героя истории, гениального математика, ибо ни один автор не уклонился от необходимости наделить героя повести некоторыми чертами собственной сущности и тем самым обнаружить, что по крайней мере в этом отношении он вложил отдельные стороны самого себя. Происходящее с последним символически поражает и автора. В данном случае это, конечно же, неприятно, так как не означает что существует очень серьезное опасение: возможное столкновение с бессознательным будет означать гибель большинства дифференцированных функций. Это является общим, так сказать, нормальным предубеждением, что углубленное проникновение в бессознательные мотивы и предрасположенности с необходимостью ведет к фатальному расстройству деятельности сознания. Однако в результате этого контакта чаще всего могут возникать изменения в установках сознания. Так как в нашей истории все проецировалось вовне, то человечество и вообще органическая жизнь на Земле несет значительный ущерб. Автор это не особенно подчеркивает, скорее напоминает, так сказать, как о побочном, продукте, что позволяет сделать вывод о преимущественно интеллектуальной установке его сознания.

Предположительно, под некоторым впечатлением от сотни водородных бомб, способных в определенной мере с помощью радиации повредить его нервную систему, облако удалилось так же, как и появилось. О его содержании, собственно говоря, ничего не узнали, кроме того, что относительно характерного и основного метафизического вопроса оно знает так же мало, как и мы. И все же его интеллект оказался для людей невыносимо высоким, так что оно подозрительно близко приближается к божественному или ангелоподобному существу. Здесь великий астроном протягивает руку наивному Ангелуччи.

С психологической точки зрения повесть описывает фантастические вещи, которые благодаря своей символической природе обнаруживают происхождение из

бессознательного. Где постоянно происходит подобное сопоставление, там, как правило, обозначается и попытка интеграции. Последняя выражается в истории с намерением облака подольше располагаться возле Солнца, чтобы наслаждаться его энергией. С позиции психологии это означало бы, что бессознательное приобретает силу и жизнь посредством своего соединения с Солнцем. Вследствие этого последнее теряет не энергию, а Землю и жизнь на ней, подразумевающую людей. Оно должно оплатить издержки этого вторжения или — точнее говоря — вспышки бессознательного, т.е. страдает его психическая жизнь. Что в таком случае означает — с психологической точки зрения — космическое или психическое столкновение? Очевидно, что бессознательное вызывает помрачение сознания, поскольку не происходит никакого контакта, никакого диалектического процесса между сознанием и бессознательным. Для индивида это означает, что облако перехватывает у него энергию Солнца, другими словами, что его бессознательное берет верх над сознанием. Это равнозначно всеобщей катастрофе, как мы ее пережили в виде национал-социализма или еще переживаем в виде коммунистического наводнения, при котором архаический общественный порядок угрожает человеческой свободе тиранией и рабством. Такой катастрофе человек отвечает своим "лучшим" оружием. То ли по этой причине, то ли из-за изменения настроения, облако переместилось из этого района в другой. Психологически это означает: бессознательное вместе с определенным выигрышем энергии снова удаляется на прежнее расстояние. Баланс печален. Человеческое сознание и жизнь вообще понесли неизмеримый ущерб в результате непонятной, чувствам недоступной *lusus naturae* (игры природы — *lam.*), "a frolie" космического масштаба. Этот последний аспект опять-таки подразумевает нечто психологическое, в настоящее время непонятное. И хотя пережившие впали в летаргический сон, отныне они существуют в опустошенном мире: в действительности сознание потерпело убыток, как будто бы дурной сон похитил у него и, взял с собой что-то существенное. Понесенный при подобном столкновении ущерб состоит в том, что утрачен единственный в своем роде случай, который, быть может, не повторится, а именно возможность диалога с бессознательным. И хотя, согласно

повести, разумную связь с облаком удалось установить, но сообщение его содержания оказалось невыносимым и привело к смерти тех, кто подвергался этому эксперименту. Ничего не известно о потустороннем содержании. Встреча с бессознательным оканчивается безрезультатно. Наше знание не обогатилось. Мы остались на том же месте, что и до катастрофы. В остальном мы стали по меньшей мере на полмира беднее. Первопроходцы науки, представители авангарда, оказались слишком слабыми и незрелыми, чтобы воспринять послание бессознательного. Остается ждать, явится ли этот печальный исход пророчеством или субъективным мнением.

Сравните с этим простодушие Ангелуччи и получите ценную картину различия между установками необразованного и научного подготовленного человека. Обе сдвигают проблему в конкретную плоскость: одна, чтобы сделать правдоподобной небесную акцию по спасению; вторая, чтобы превратить привычное или, лучше сказать, жуткое ожидание в литературную и занимательную "шутку". И та и другая, как бы сильно они ни разнились, затрагивают один и тот же бессознательный фактор и пользуются принципиально сходной символикой для выражения бессознательной тревоги.